

МАЙ | 2010

Русский Мир.RU

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ПОБЕДА:
за ценой
не постояли

27 000 000

ПРАЗДНИК ПОБЕДЫ НИКТО И НИКОГДА В НАШЕЙ СТРАНЕ НЕ СМЕЛ СТАВИТЬ ПОД сомнение – именно как главный праздник страны. И вовсе не потому, что, как коряво высказался кто-то из властной номенклатуры, это якобы «последняя крупная победа России». И не потому, что кто-то из вечно желающих «поражения своей стране» пытается рассуждать об ущемленной национальной гордости. Ущемленность тут вовсе ни при чем. Этот день – святой для всей нации. И по этому поводу нам не надо никому ничего доказывать. И уж конечно, не надо доказывать тем ветеранам, которые дожили до сего дня.

Нынче все – как официальные, так и неофициальные всевозможные общественные и иные организации – стремятся что-то такое придумать к празднику. Кто – для отчетности и привычной показухи, кто – и таких, хочется верить, большинство – совершенно искренне, веря в то, что Праздник Победы – это действительно святое.

Много было сказано и написано в последние годы у нас о том, что ветераны страны-победительницы живут нынче куда хуже ветеранов стран поверженных. Сравнивали даже размер российских и немецких пенсий и льгот ветеранам той войны. Наших – и вермахта...

Истории подчас убогого и нищенского существования тех, кто полил кровью пол-Европы, зияют обличительным контрастом на фоне иных помпезных торжеств. Подумать только, до наших дней дожили те ветераны, кому государство еще должно было квартиры! Потребовалось прямое распоряжение президента, чтобы этот долг был погашен (хочется надеяться, что все успели) к 65-летию Победы.

О цене той Победы тоже уже написано немало. О том, все ли жертвы учтены чудовищной цифрой 27 миллионов, спорят до сих пор.

Уже в наши дни историки подсчитали на основе свежих архивных данных, что до войны СССР выпускал самолетов в разы больше, чем Германия. Парк советских самолетов к 22 июня 1941 года составлял 15 990 против 1820 (плюс 770 у союзников) у Германии. То есть превосходство было 4,5:1 в пользу СССР. Это превосходство было потеряно в первые часы войны. Общее соотношение сбитых советских и германских самолетов за всю войну составило 1,5:1 не в нашу пользу (к 45-му мы уже научились сбивать больше, чем теряли сами). То же самое примерно и по танкам. К началу войны СССР имел их 22 600. За годы войны советская промышленность выпустила 96 500 танков,

еще 38 100 получила по ленд-лизу. Почти 97 тысяч – потеряли.

Советский народ очень дорого заплатил за Победу. В том числе потому, что собственной кровью искупал и преодолевал провалы, просчеты и преступления созданной накануне войны тоталитарной сталинской системы.

Впрочем, все эти оценки и переоценки, как и брюзжание некоторых бывших союзников или злорадство бывших врагов, и уж конечно, в иных случаях натужная чиновничья официозная суeta – все это ничего по сравнению с ноющими ранами тех, кто тогда дожел, а сейчас – дожил. Суeta пройдет, суетящихся вообще забудут. Пыль политических споров историков страны с «непредсказуемым прошлым» осядет, а герои все равно останутся в вечности. И для нас – святыми.

Этих героев не надо пытаться сегодня уже ни в чем переубеждать. Это не только бесполезно, но и кощунственно. Они кровью завоевали право прожить свою жизнь с теми идеалами, за которые они воевали. Потому что они воевали не только за те идеалы, не только за ТУ, сталинскую, страну, но и за нас всех и за ЭТУ, нашу, современную родину. Они сделали больше, чем вообще могут сделать смертные люди. Это мы сегодня часто виноваты перед ними в том, что не можем сделать то, что должны делать обычные нормальные люди. Хотя бы обеспечить победителям жизнь победителей, а не побежденных.

Но мы – должны!

Во имя памяти о тех 27 миллионах. В знак нашей вечной благодарности.

**ВЕРБИЦКАЯ
ЛЮДМИЛА АЛЕКСЕЕВНА**

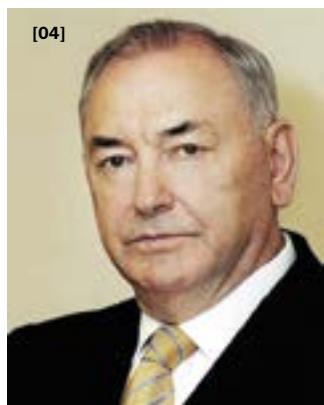
Председатель
попечительского совета,
президент Международной
ассоциации
преподавателей русского
языка и литературы,
президент Санкт-
Петербургского
государственного
университета [01]

[02]

[03]

[04]

[05]

[06]

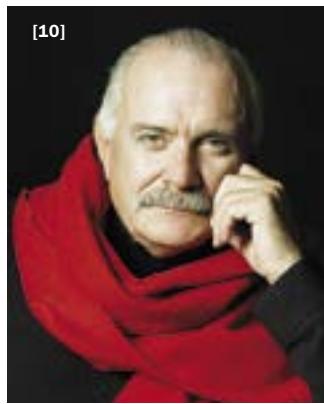
[07]

[08]

[09]

[10]

ЧЛЕНЫ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА

**БОГДАНОВ
СЕРГЕЙ ИГОРЕВИЧ**
Председатель наблюдатель-
ного совета Российского
общества преподавателей
русского языка и литерату-
ры, декан филологического
факультета СПбГУ [02]

**ВИНОКУРОВ
СЕРГЕЙ ЮРЬЕВИЧ**
Начальник Управления
Президента Российской Фе-
дерации по межрегиональ-
ным и культурным связям
с зарубежными
странами [03]

**ДЗАСОХОВ
АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ**
Председатель комиссии
Совета Федерации
по культуре, заместитель
председателя комиссии
Российской Федерации
по делам ЮНЕСКО [04]

**ДОБРОДЕЕВ
ОЛЕГ БОРИСОВИЧ**
Генеральный директор
ФГУП «Всероссийская
государственная телевизи-
онная радиовещательная
компания» [05]

**ИГНАТЕНКО
ВИТАЛИЙ НИКИТИЧ**
Генеральный директор
ИТАР-ТАСС [06]

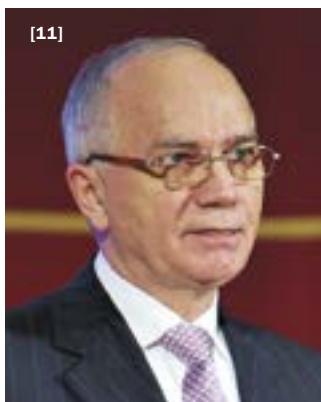
**ИЛАРИОН
(АЛФЕЕВ ГРИГОРИЙ
ВАЛЕРИЕВИЧ)**
Митрополит Волоколам-
ский, председатель Отдела
внешних церковных
связей Московского
патриархата [07]

**КОСТОМАРОВ
ВИТАЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ**
Президент Государственно-
го института русского языка
им. А.С. Пушкина [08]

**ЛАВРОВ
СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ**
Министр иностранных дел
Российской Федерации [09]

**МИХАЛКОВ
НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ**
Президент Российского
фонда культуры [10]

**МУХАМЕТШИН
ФАРИТ МУБАРАКШЕВИЧ**
Руководитель Федераль-
ного агентства по делам
СНГ, соотечественников,
проживающих за рубежом,
и по международному гума-
нитарному сотрудничеству
«Россотрудничество») [11]

**НИКОНОВ
ВЯЧЕСЛАВ АЛЕКСЕЕВИЧ**
Исполнительный директор
правления фонда «Русский
мир», президент фондов
«Политика», «Единство
во имя России» [17]

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

**НАРОЧНИЦКАЯ
НАТАЛИЯ АЛЕКСЕЕВНА**
Президент Фонда истори-
ческой перспективы, глава
отделения Некоммерческо-
го фонда «Институт демо-
кратии и сотрудничества»
в Париже [12]

**ПИОТРОВСКИЙ
МИХАИЛ БОРИСОВИЧ**
Директор ФГУК «Государ-
ственный Эрмитаж» [13]

**ФУРСЕНКО
АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ**
Министр образования
и науки Российской
Федерации [14]

**ЮРКОВ
ЕВГЕНИЙ ЕФИМОВИЧ**
Заместитель генерального
секретаря Международной
ассоциации преподава-
телей русского языка и
литературы, заведующий
кафедрой филологического
факультета СПбГУ [15]

**ЯКУНИН
ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ**
Президент ОАО «Россий-
ские железные дороги»,
председатель попечитель-
ского совета Фонда Андрея
Первозванного и Центра
национальной славы [16]

**МОРГУНОВ
СЕРГЕЙ ЕВДОКИМОВИЧ**
Первый заместитель
исполнительного
директора правления
фонда «Русский мир» [18]

**КАЛИНА
ИСААК ИОСИФОВИЧ**
Заместитель министра
Министерства
образования и науки
Российской Федерации [19]

**ПРОКОФЬЕВ
ПАВЕЛ АЛЕКСЕЕВИЧ**
Заместитель директора
департамента
Генерального секретариата
МИД Российской
Федерации [20]

**ШАРКОВ
АНДРОНИК СЕРГЕЕВИЧ**
Начальник департамента
Референтуры Президента
Российской Федерации [21]

СОДЕРЖАНИЕ |

ИТАР-ТАСС

[18]

[32]

ВОЕННОФОРМ

[40]

[70]

РУССКИЙ МИР

- 06 | Под знаком юбилея Победы
- 08 | Страсти по Франции
- 10 | Это наша с тобой биография...
- 11 | Вспомним!
- 12 | Двуязычие на Украине: реальность, с которой нужно считаться

14 | Языковая общность

- 16 | Подарок школе

ГЛАВНАЯ ТЕМА

- 18 | Если завтра война
- 24 | Память сердца
- 32 | В полном порядке
- 40 | «Здесь жизнь считают секундами...»

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

- 50 | «Милая моя Верочка...»
- 56 | Разведчица «Народных мстителей»
- 60 | Последнее мирное утро
- 64 | Латвийский Левитан
- 66 | Хотят ли русские войны?

- 70 | Мой американский товарищ

- 74 | «В небесах мы летали одних»

СИТУАЦИИ

- 78 | Долгая зима Цхинвала
- 82 | Невозможно канонизировать Ивана Грозного и Григория Распутина

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

88 | Непотопляемый
Иваныч

ЗАРИСОВКИ ЖИЗНИ

94 | Дороги СССР

Фонд «Русский мир»

Исполнительный директор
правления фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор,
руководитель информационно-
издательского управления
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместители главного редактора:
Евгений ВЕРЛИН
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 980-25-60

Над номером работали:
Алла БЕРЕЗОВСКАЯ
Михаил БЫКОВ
Павел ВАСИЛЬЕВ
Елена КЛИМОВА
Павел КОРОБОВ
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Алексей МАКЕЕВ
Любовь РУМЯНЦЕВА
Анна СЕМЕНОВА
Денис ТЕРЕНТЬЕВ
Алексей УРАЗОВ

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гламур-Принт»

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Гарднеровский пер., 3, стр. 4

Тираж 12 000 экз.

Адрес редакции:
119285 Москва,
ул. Мосфильмовская, 40а
Телефон: (495) 981-54-04
Электронный адрес:
ek@russkiymir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

Фото на обложке: Владимир Ролов
Предоставлено «Фотоцентром»

ПОД ЗНАКОМ ЮБИЛЕЯ ПОБЕДЫ

ВАЖНЕЙШЕЙ ЧАСТЬЮ РАБОТЫ ФОНДА «РУССКИЙ МИР» В ТЕЧЕНИЕ ПЕРВОГО ПОЛУГОДИЯ СТАЛА ПОДГОТОВКА К 65-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ. УСИЛИЯ МНОГИХ СОТРУДНИКОВ ФОНДА БЫЛИ СКОНЦЕНТРИРОВАНЫ НА ПРОВЕДЕНИИ АКЦИИ «РУССКИЙ МИР – ПАМЯТЬ СЕРДЦА», КОТОРАЯ БЫЛА ТОРЖЕСТВЕННО ОБЪЯВЛЕНА ГЛАВОЙ ФОНДА ВЯЧЕСЛАВОМ НИКОНОВЫМ 3 НОЯБРЯ ПРОШЛОГО ГОДА НА ТРЕТЬЕЙ АССАМБЛЕЕ РУССКОГО МИРА. В РАМКАХ АКЦИИ БЫЛ ПРОВЕДЕН МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНКУРС РАБОТ, ПРИЗВАННЫХ СОХРАНИТЬ ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ И ЕЕ ГЕРОЯХ.

В ОРГКОМИТЕТ КОНКУРСА ПОСТУПИЛО 1180 эссе, аудио- и видеоматериалов, а также свыше 700 фотографий. К моменту сдачи этого номера были известны только номинанты, из которых авторитетное жюри, в которое вошли общественные деятели, писатели и журналисты, должно выбрать победителей в шести номинациях.

Конкурс явно удался. Как по качеству работ – а их прислали сами ветераны Великой Отечественной войны, их дети, внуки и правнуки, – так и по географии – откликнулись соотечественники и граждане 36 стран мира. Наибольшую активность проявили жители Молдавии, Белоруссии, Узбекистана, Украины и Польши. Приятной неожиданностью стали работы, присланные из стран, которых Отечественная война прямо вроде бы не коснулась (Китай, Вьетнам, Монголия, Аргентина, Новая Зеландия). К акции подключилось свыше 40 объединений соотечественников и СМИ, как российских, так и зарубежных. Пятого мая в Москве фонд «Русский мир» проведет торжественную церемонию подведения итогов конкурса, которая состоится в Фотоцентре Союза журналистов России. На церемонию приглашены вошедшие в список номинанты-участники конкурса (в том числе ветераны ВОВ), а также представители дипкорпуса, общественных и правительственные структур, подвижники из школьных музеев и поисковых отрядов.

«Мы потрясены вашими прекрасными, искренними, драматичными рассказами, выполненными глубочайшего уважения к подвигу народа и любовью к родным и близким, судьбы которых опалила война», – подчеркивается в

заявлении Оргкомитета акции. Конкурс завершен, но акция «Русский мир – память сердца» продолжается; Оргкомитет прекрасно понимает, что кто-то не знал о конкурсе, а кто-то просто не успел, и поэтому продлил до конца года прием работ, призванных сохранить Память о Войне.

С прежней методичностью фонд продолжает открывать неформальные мини-филиалы в зарубежье. Юбилейным, пятидесятым в мире, стал Русский центр, открытый 8 апреля в Донецкой научной библиотеке. По количеству Русских центров Украина вырвалась в лидеры: их уже четыре (ранее такие центры открылись в Харькове, Луганске и Киеве), а серьезных официальных писем от университетов и библиотек Украины в адрес фонда с просьбой «открыть у нас...» поступило за последний год еще около десятка.

«Этот центр, – сказал на церемонии открытия исполнительный директор фонда «Русский мир» Вячеслав Никонов, – позволит создать небольшой мостик между нашими народами, которые, я уверен, останутся братскими, и между нашими культурами, которые на самом деле нераздельны». Вячеслав Никонов пообещал и в дальнейшем поддерживать открывшийся центр. «Мы не мыслим своего дальнейшего развития без партнерских, дружеских отношений с Россией и государствами СНГ», – отметила выступившая следом и.о. заместителя председателя Донецкой областной государственной администрации Елена Петряева.

Сорок девятый Русский центр был открыт в конце марта в Даугавпилсском университете (уже второй в Латвии), а 51-й заработал в апреле в Эдинбургском университете

(Шотландия). Правда, церемония его открытия, по взаимной договоренности сторон, перенесена на май из-за «происков» исландского вулкана Эйяфьятлайокудль, на фоне непроизносимого названия которого звуки русского языка покажутся шотландцам не столь сложными.

Это уже второй – но не последний – Русский центр на Британских островах; первый был открыт в июне прошлого года в Пушкинском доме Лондона, а следующий должен появиться в Оксфорде не позднее осени. Кстати, оксфордский центр с большим нетерпением ждут осевшие в разные годы в этой британской университетской Мекке соотечественники. Автору этих строк они не раз говорили, как не хватает им «своей» русской площадки для проведения литературных и культурных вечеров, круглых столов. Как и современной, насыщенной свежими российскими книгами библиотеки...

Наконец, 21 апреля в Шанхайском университете иностранных языков – одном из самых престижных китайских вузов – был открыт 52-й Русский центр фонда «Русский мир». В университете готовят высококвалифицированных специалистов лингвистического профиля, а русский язык здесь получил статус наиболее важной дисциплины. На церемонии открытия центра «Русский мир» представляли председатель попечительского совета фонда Людмила Вербицкая и первый заместитель исполнительного директора правления фонда Сергей Моргунов. Присутствовали ректор университета Цао Дэмин, Генконсул РФ в Шанхае Александр Шаронов, представители научной и творческой интеллигенции, студенческая молодежь.

В скором времени откроется Русский центр и в Индии. Появится он в Университете им. Джавахарлала Неру, наиболее авторитетном центре изучения России. Договоренность об этом была достигнута в ходе состоявшейся в конце марта поездки регионального директора по Азии и Африке Георгия Толорая в Индию.

Продолжали открываться в разных странах и Кабинеты Русского мира. Лидером в этом плане стало Приднестровье. Там в детской библиотеке города Дубоссары открылся уже четвертый Кабинет.

Ну а уже действующие во многих городах мира и России Русские центры и филиалы фонда продолжают свою повседневную работу, «вербя» все новых друзей русского языка и фонда. К примеру, в учебно-методическом центре Дальневосточного филиала фонда «Русский мир» состоялось первое заседание Клуба друзей «Русского мира». Он задуман директором Дальневосточного филиала фонда А. Зубрицким как площадка для общения людей разного возраста, образования и социального статуса. На заседаниях клуба – а они станут проводиться ежемесячно – предполагается обсуждать актуальные вопросы культуры, искусства и литературы. На каждом заседании будет выбираться тема следующей встречи, а также эксперт и модератор, выступающий с небольшим общением. Тема ближайшего заседания – «Понятие Русского мира». ●

Евгений Васильев
С использованием материалов пресс-службы фонда «Русский мир»

СТРАСТИ ПО ФРАНЦИИ

ГАЛЛОМАНИЯ В РОССИИ ПЕРЕЖИВАЛА ПЕРИОДЫ ВЗЛЕТА И ПАДЕНИЯ, ОДНАКО ЛЮБОВЬ РУССКИХ К BELLE FRANCE НЕПОБЕДИМА. ВЗАИМНА ЛИ ОНА? ОБ ЭТОМ СПОРИЛИ УЧАСТНИКИ ТЕЛЕМОСТА МЕЖДУ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИМ ГОСУДАРСТВЕННЫМ УНИВЕРСИТЕТОМ И СОРБОННОЙ «РУССКИЕ И ФРАНЦУЗЫ: ВЗГЛЯД ДРУГ НА ДРУГА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЛИТЕРАТУРЫ», КОТОРЫЙ ПРОШЕЛ В КОНЦЕ МАРТА В СЕВЕРНОЙ СТОЛИЦЕ. В ГОД РОССИИ ВО ФРАНЦИИ И ФРАНЦИИ В РОССИИ САМОЕ ВРЕМЯ ЗАДАТЬСЯ ВОПРОСАМИ: ПОЧЕМУ МЫ ОБОЖАЕМ ВСЕ ФРАНЦУЗСКОЕ И КАКОВЫ ОТНОШЕНИЯ, СВЯЗЫВАЮЩИЕ ДВЕ ВЕЛИКИЕ КУЛЬТУРЫ?

В ПРЕЖНЕЕ ВРЕМЯ ПРИСТРАСТИЕ РУССКИХ КО всему французскому было так сильно, что отдавало даже какой-то болезненностью. И тут же, порицая себя за эту страсть, русские галломаны ополчались на самих себя. Один из парадоксов русско-французских отношений: в русской литературе нет ни одного положительного образа галломана – только комические, а иногда идиотические персонажи. Взять хотя бы учителя юного Гринева из «Капитанской дочки» – бывшего парикмахера и пьяницу. Вспомним Чацкого в «Горе от ума»: как он обличает «французику из Бордо», который, отправившись «в Россию к варварам», встретил «ласку без конца» и искренне считал Россию одной из французских провинций.

«Обратите внимание на такую странность, – рассуждал во время телемоста профессор кафедры истории русской литературы СПбГУ Петр Бухаркин. – Есть комические образы германофилов в русской литературе, но их крайне мало. Есть смешной англофил – отец Лизы в пушкинской «Барышне-крестьянке», и он единственный представитель англофилов. Зато череда комических галломанов бесконечна. А вот положительного образа галломана нет в литературе – не только в XVIII веке, но и в XIX, и в XX! Сама галломания развилась во второй половине XVIII века, но критика на нее появилась чуть ли не раньше самого явления. Можно подумать, что это выражает отношение к Франции, к языку и культуре этой страны. Но это не так».

Ведь люди, которые высмеивали любовь ко всему французскому, смеялись, по сути, над собой. Например, Федор Тютчев по-русски писал только стихи. А свои антиевропейские статьи он с истинно русским пылом создавал на блестящем французском языке. Не говоря уже о том, что он и с детьми своими общался только на языке Бальзака и Вольтера. Так же как Петр Чаадаев или Александр Пушкин.

«Этот парадокс можно объяснить тем, что обширные контакты России с Европой возникли в тот момент, когда Франция была бесспорным лидером всей европейской культуры, – считает Петр Бухаркин. – Поэтому

ДЕНИС ВЫШИНСКИЙ/КОММЕРСАНТЪ

отношение русских к Европе перенеслось на Францию. С одной стороны, русская культура стремилась как можно больше взять от Европы, а с другой – пытала сохранить своеобразие. В этом смысле отношение к Франции было уникальным».

Пока интеллигенция возмущалась засильем галлицизмов в родном языке, в народе появилась своя оценка галломании. И довольно однозначная. Ведь пренебрежительные «шваль», «шаромыжник» и «шантрапа» пришли к нам из французского языка («шваль» – от французского *le cheval* (лошадь), подозрительный «шаромыжник» – это на самом деле *cher ami*, то есть «милый друг», а «шантрапа» – от приморского городка Saint-Tropez).

Когда любви пришел конец...

Княжна Марья из «Войны и мира» переписывалась с подругой Жюли только по-французски. Татьяна Ларина писала письмо Онегину на французском языке. «Татьяна должна писать по-французски, потому что наш язык не был тогда приспособлен к выражению тонких оттенков психологических переживаний, – считает профессор СПбГУ Борис Аверин. – А французский оказался приспособлен. Недаром Тургенев пишет письмо по-русски, а потом вставляет целую французскую фразу. И сразу сам замечает: «С чего это я перешел на французский, не понимаю?» А я понимаю – ведь это язык дипломатии, язык философии, эстетики. Без него просто никак».

Когда пришел конец повальной галломании, точно сказать нельзя. Писательница Татьяна Москвина уверена, что черная кошка пробежала между русскими и французами не во время Отечественной войны 1812 года. Трещина в русской любви к французам, по ее мнению, появилась на 25 лет позже – когда пуля француза Жоржа Дантеса убила Александра Пушкина.

«Жорж Дантес посеял недоверие и некоторое презрение к Франции, – считает Татьяна Москвина. – Ведь он – любимец петербургской публики, тот самый «французик из Бордо» – убил всенародно любимого поэта. После

ДЕНИС ВЫШИНСКИЙ/КОММЕРСАНТЪ

Петр Бухарин

Дантеса галломания закончилась, а поклонение перед всем французским считалось уделом лакеев, уделом тех, кто ненавидит Россию. Это видно в «Братьях Карамазовых», где Смердяков, самый отвратительный персонаж романа, играет на гитаре и говорит горничной: «В двенадцатом году было на Россию великое наше-ствие императора Напо-леона французского первого, и хорошо, кабы нас тогда покорили эти самые французы, умная нация покорила бы весьма глупую-с... Совсем даже были бы другие по-рядки».

Но страсть, тем более такая долгая, не исчезает бесследно. Поэтому вспышки любви ко всему французскому преследуют россиян до сих пор.

«Франция теперь уже не идеал общественного устройства и культуры, – убеждена Татьяна Москвина. – Это страна, где умеют красиво и со вкусом жить. Belle France. И этой последней иллюзии уже никто не отбе-рет. Дико заманчивый проект жизни – вино и любовь, мужчина и женщина. Француженки – красивые, обаятельные и свободные, в отличие от русских женщин, которые все же несвободны. Недаром даже в моем со-ветском детстве в английские школы шли карьеристы, а во французские школы своих детей отдавали интел-лигентные женщины, тоскующие по прекрасному».

А что же во Франции? Пока русские сходили с ума по своей «даме» и старательно копировали милый сердцу грассирующий акцент, было ли со стороны Парижа от-ветное чувство? Как оказывается, едва ли. Хотя начиная с XVIII века во Франции жило много русских – дипло-матов, ученых, писателей. Но подавляющему большин-ству местных жителей в основном были интересны лишь пикантные истории о русских.

ДЕНИС ВЫШИНСКИЙ/КОММЕРСАНТЪ

Александр Блок

«Русские в Париже становятся литературными персона-жами, – считает профессор Сорбонны Александр Стро-ев. – Например, Дидро посвящает князю Голицыну свою новеллу, где рассказывается, как Голицын – между прочим, дипломат и писатель – завел себе французскую актрису. Благодаря донесениям полиции французы упивались под-робностями – кто из русских какую актрису содержал, кто сколько ей платил и кто пользовался успехом. Образ рус-ского во французском сознании того времени – это гуляка, транжира, философ, утопист. По Парижу ходила история про Ивана Тревогина, который попал в Бастилию, так как украл серебряные ложки для того, чтобы сделать себе орде-на, потому что собирался выдать себя за принца».

«К сожалению, русские не играют большой роли в ли-тературе Франции, – считает доцент Сорбонны Ярос-лав Богданов. – Есть буквально несколько странных «русских» персонажей. Кстати, русская классическая литература тоже несильно повлияла на восприятие

нас французами. Такие фамилии, как Онегин, Пе-чорин, Чичиков, Болкон-ский, ничего не говорят даже студентам универси-тета, если они не русисты. Французы настороженно относятся к русским – это все-таки люди севера, живущие на огромных про-сторах страны, умеющие мимикировать и стано-виться похожими на сво-их соседей-азиатов».

Выходит, французы со-всем не горят любовью к русским? А русские уже три века беззаботно обожают все французское. До сих пор наша любимая «вторая половина» позволяет себе всякие вольности, в лице, например, современного французского писателя Фредерика Бегбедера. В своем романе «Идеаль», действие которого происходит в Пе-тербурге, в детском доме на день рождения президен-та воспитанникам раздают торты, приготовленные на свином сале с сахарином. Но, похоже, мы готовы тер-петь от любимой «бель Франс» даже такую дремучую чепуху.

«Франция как Марианна, которая «холодна и высокомерна», – говорит Татьяна Москвина. – Именно эта хо-лодность и вызывает желание обладать сокровищем, завоевать сердце красавицы, покорить недоступную своим геройством и верностью. Мы не будем обсуж-дать реальную Францию. Это отдельная тема. Мы лю-бим не реальную Францию, а мифическую, «русскую» Францию, образ которой Россия слепила сама, «из того, что было». Пусть даже Франция превратится в полную противоположность мифу о любви, вине и благоуха-нии духов, Россия не расстанется со своей любимой страной, которую она сама выдумала. Это несчастная любовь. Она безнадежна. Но, как и все безнадежное и несчастное, это чувство по-своему прекрасно».

Любовь Румянцева [Санкт-Петербург]

ЭТО НАША С ТОБОЙ БИОГРАФИЯ...

ПОД ЗВУКИ СТАРОЙ СОВЕТСКОЙ ПЕСНИ РАСПАХИВАЮТСЯ ДВЕРИ АКТОВОГО ЗАЛА ТИПОВОЙ СРЕДНЕЙ РУССКОЙ ШКОЛЫ В ОДНОМ ИЗ МИКРОРАЙОНОВ РИГИ. СТРОГО ОДЕТЫЕ – БЕЛЫЙ ВЕРХ, ЧЕРНЫЙ НИЗ – СТАРШЕКЛАССНИКИ И СТУДЕНТЫ ДРУЖНО РАССАЖИВАЮТСЯ НА ЛЕВОМ ФЛАНГЕ, ПО ПРАВУЮ СТОРОНУ РАСПОЛОЖИЛИСЬ ПРЕДСТАВИТЕЛИ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ – УЧИТЕЛИ, ЖУРНАЛИСТЫ, ИСТОРИКИ, ЭКОНОМИСТЫ.

НА БОЛЬШОМ БЕЛОМ ЭКРАНЕ МЕЛЬКАЮТ кадры фотохроники со знаковыми символами советской эпохи: Юрий Гагарин, артисты балета, автомобиль «Волга», детская железная дорога, Чебурашка, автоматы с газировкой, желтые бочки с квасом, кубик Рубика... Счастливые, радостные лица студентов, рабочих, колхозников. Кто-то из зрителей смотрит на все это с улыбкой, кто-то с грустью. Все это было-было... Или не было? Или все было не так?

На приглашение Латвийской ассоциации преподавателей русского языка и литературы (ЛАПРЯЛ) принять участие в дискуссии «Легенды и мифы Советского Союза» откликнулись учащиеся нескольких рижских школ и гимназий. Разбившись на команды, ребята подготовили презентации по выбранной теме.

Ученики гимназии Остварьда взялись за миф об СССР как о самой читающей стране в мире. С «глубоким воодушевлением» и легким волнением молодой докладчик зачитал данные статистики о грандиозных достижениях советской книгоиздательской отрасли, выпустившей с 1946 по 1991 год более 10 миллиардов экземпляров художественной литературы. Лозунг о советских гражданах как о самых читающих людях подтвердили, по словам выступавшего, и исследования ООН, в которых было отмечено, что взрослое население СССР посвящало чтению в 1,5–2 раза больше времени, чем жители США... Советские граждане тратили на чтение более 11 часов в неделю. В 80-е годы в стране развернулась широкомасштабная кампания «Книга в обмен на макулатуру», в ходе которой за 20 кг макулатуры можно было приобрести томик Есенина или Дюма. Люди читали в электричках, метро, трамваях и автобусах. Читали в очередях к врачу, читали на пляже, на остановках...

Бравурный марш окончен, аплодисменты затихли, и начались воспоминания... «Да, все так и было, я подтверждаю. Сама, будучи студенткой, стояла по ночам в очереди на подпись классиков... А вот сейчас стоят ли студенты в очереди за книгами?» – поинтересовалась у молодежи школьная учительница. Конечно, нет, книги сегодня в продаже на любой вкус, да только цена кусается. Далеко не каждому студенту по карману, посетовали девочки. Многих сегодня выручает интернет-библиотеки – бесплатно, быстро, удобно. Но и среди молодых пока немало поклонников традиционного чтения, считающих, что куда приятнее держать книгу в руках, чем читать ее на экране.

И все же, почему в СССР так любили читать? – задались вопросом участники дискуссии. Да, тогда у нас не было

такого множества телепрограмм, не говоря уже о Всемирной паутине, но ведь и в Америке ее не было. Тем не менее среднестатистический советский школьник был гораздо начитаннее своего американского ровесника и опережал его по уровню знаний, как свидетельствует статистика тех лет. Здесь надо вспомнить, что в семье, и в школе существовал культ чтения. Книга считалась лучшим подарком на день

рождения. И эту любовь к книгам многим удалось передать своим детям, хотя – чего уж греха таить – у компьютера они сидят гораздо с большим удовольствием...

Еще одна примета советского времени – длинные очереди в продуктовые и промтоварные магазины. Нынешние шестнадцати-семнадцатилетние жители Латвии знают про пресловутый дефицит только со слов родителей – да и слава богу! Какие страсти порой разгорались в битве за колбасу или рулон туалетной бумаги...

К трибуне выходят девушки в белых блузках с красными гвоздиками на груди. И громко начинают по очереди скандировать самые ходовые лозунги и речовки СССР: «Слава покорителям космоса!», «Да здравствует дружба народов!», «Родина скажет – надо, комсомол ответит – есть!»... Так ученицы 72-й рижской школы презентовали тему «Демонстрации в СССР: мистификация или реальность». Да, подтвердило старшее поколение на правых трибунах, многие советские граждане выходили на первомайскую или ноябрьскую демонстрацию, что называлось, по разнарядке, но немало было тех, кто рвался на праздник. И ведь было весело! Учителя вспомнили, как они с гордостью несли транспаранты с логотипом своего института или школы, вышагивая в колонне, кричали «ура!» – восторженно и искренне, радуясь празднику и общему настроению. А какие песни пели, а как лихо отплясывали под аккордеон!

«Перед дискуссией мы провели опрос среди учителей нашей школы и родителей, – рассказали девушки с гвоздиками, – и многие признавались, что на этих праздничных демонстрациях они испытывали такие яркие эмоции и ощущения, которых сейчас им в жизни очень не хватает. Они чувствовали себя частью огромной страны. Честно говоря, мы им даже позавидовали...». «Сейчас такое в Латвии невозможно, чтобы все люди ощущали себя единым народом, – с сожалением заметил один из старшеклассников, – у латышей свои праздники, у русских – свои... Разве что на День Победы латыши тоже приходят, но их не так много». Ведущий диспута предложил всем проголосовать: если завтра Первомай, кто пойдет на демонстрацию? Почти полный зал рук...

Разобравшись с демонстрациями, школьники взялись за роль Сталина в Великой Отечественной войне. И здесь разгорелись нешуточные страсти: кто-то доказывал, что действия Сталина не поддавались логике, кто-то утверждал, что русскому человеку по определению необходим вождь, поэтому люди шли в атаку с криками: «За Родину, за Сталина!»... По мнению других, далеко не все любили большевиков и советскую власть, но все равно шли воевать за Отечество, за родную землю. В итоге сошлись

на том, что личность советского генералиссимуса нельзя оценить однозначно. А победе над фашизмом в той войне мы обязаны, прежде всего и более всего, простым советским солдатам, отдавшим свои жизни за наше будущее. ...Вот уже почти двадцать лет, как нет на карте той советской страны, откуда родом эти симпатичные девушки и юноши – русские граждане Латвии, но они хотят знать,

какой она была, как жилось в СССР их родителям, бабушкам и дедушкам, во что они верили, о чем мечтали. Зачем им это надо, спросите вы? На этот невысказанный вопрос молодые люди, завершая дискуссию, ответили песней: «Это наша с тобою земля, это наша с тобой биография...» И не помнить об этом не вправе я. ☺

Алла Березовская [Рига]

ФОТОЦЕНТР

ФОТОЦЕНТР

ВСПОМНИМ!

**ПЯТОГО МАЯ ФОНД «РУССКИЙ МИР»,
ФОТОЦЕНТР СОЮЗА ЖУРНАЛИСТОВ РФ НА
ГОГОЛЕВСКОМ БУЛЬВАРЕ И РОССИЙСКИЙ ФОНД
МИРА ОТКРЫВАЮТ ВЫСТАВКУ ФОТОГРАФИЙ
ВРЕМЕН ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.
ЭТА ФОТОВЫСТАВКА ЗАВЕРШАЕТ ПЕРВЫЙ ЭТАП
АКЦИИ «РУССКИЙ МИР – ПАМЯТЬ СЕРДЦА»,
НАЧАЛО КОТОРОЙ БЫЛО ДАНО НА ТРЕТЬЕЙ
АССАМБЛЕЕ РУССКОГО МИРА 3 НОЯБРЯ 2009 ГОДА.**

ИТОГИ КОНКУРСА «РУССКИЙ МИР – ПАМЯТЬ сердца» журнал опубликует в следующем номере, так как работа жюри завершилась, когда этот номер уже был подписан в печать. А рассказать собственно о выставке мы попросили генерального директора Фотоцентра СЖ РФ Валерия Никифорова:

– Выставку мы запланировали давно, и благодаря образовавшемуся партнерству с фондом «Русский мир» удалось превратить идею в мероприятие, достойное той даты, которой оно посвящено – 65-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне. И я уверен, выставка

не потеряется среди других событий первой майской декады, насыщенной акциями памяти. На выставке представлено более 200 работ лучших военных репортёров 1941–1945 годов: Бальтерманца, Егорова, Диамента, Игнатовича, Морозова, Редькина, Савина, Темина, Альперта, Устинова, Маркова-Гринберга, Халдея, Шагина, Халипа. Есть фотографии уже известные. Но есть и совершенно забытые работы. Оказывается, наши архивы еще полны таких кадров, о которых люди представления не имеют. Более того, мы выставили в экспозицию работы фотомастеров, которых по разным причинам забыли за истекшие десятилетия. Так случилось с фотокорреспондентом «Известий» Виктором Трошкиным, погибшим в 1944 году. На выставке – целый блок его фотографий... Надо заметить, выставка подготовлена таким образом, что содержит сразу несколько планов. Как и должно быть в фотографическом искусстве. Еще одна тема – тема союзников. Долгие годы у нас было принято не слишком распространяться по этому поводу. Но вот пришел год, когда участие союзников, прежде всего Великобритании и США, в разгроме гитлеровской Германии получает должный резонанс в нашем обществе. На выставке в Фотоцентре представлено несколько десятков работ военных фотокорреспондентов из Соединенных Штатов, Англии, Франции. Партнерами фонда «Русский мир», Российского фонда мира и Фотоцентра СЖ РФ в этом проекте выступили газета «Известия» и Школа журналистики газеты «Известия», агентство «Военинформ» Министерства обороны РФ, журнал войск специального назначения «Братишка», Фонд поддержки патриотического кино, газеты «Аргументы и факты» и «Красная Звезда», радио «Голос России». Фотовыставка «Русский мир – память сердца» будет работать до 23 мая 2010 года. ☺

Михаил Фадичев

ДВУЯЗЫЧИЕ НА УКРАИНЕ: РЕАЛЬНОСТЬ, С КОТОРОЙ НУЖНО СЧИТАТЬСЯ

**«ПРОБЛЕМА РУССКОГО ЯЗЫКА
НА УКРАИНЕ СИЛЬНО ПОЛИТИЗИРОВАНА
И ИДЕОЛОГИЗИРОВАНА. ПОДОБНАЯ ПОЛИТИЗАЦИЯ
ПРЕПЯТСТВУЕТ ПОИСКАМ ЦИВИЛИЗОВАННОГО
И ПРИЕМЛЕМОГО ДЛЯ ВСЕХ КОМПРОМИССНОГО
РЕШЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ВОПРОСОВ НА УКРАИНЕ».**

АКОВ ОДИН ИЗ ВЫВОДОВ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ, ПРОВЕДЕНОГО СОВМЕСТНО ФОНДОМ «РУССКИЙ МИР» И КИЕВСКИМ ЦЕНТРОМ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ И КОНФЛИКТОЛОГИИ (КЦПИК). КРУГЛЫЙ СТОЛ НА ТЕМУ «РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЕ», НА КОТОРОМ БЫЛИ ПРЕДСТАВЛЕНЫ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, СОСТОЯЛСЯ 30 МАРТА В ФОНДЕ «РУССКИЙ МИР». В ЕГО РАБОТЕ ПРИНЯЛИ УЧАСТИЕ ИЗВЕСТНЫЕ РОССИЙСКИЕ И УКРАИНСКИЕ ЭКСПЕРТЫ – ПОЛИТОЛОГИ, СОЦИОЛОГИ, ЛИНГВИСТЫ.

ОТКРЫВАЯ КРУГЛЫЙ СТОЛ, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР ФОНДА «РУССКИЙ МИР» ВЯЧЕСЛАВ НИКОНОВ ПОДЧЕРКНУЛ: «ВО МНОГИХ СТРАНАХ СНГ ПОСЛЕ РАСПАДА СОВЕТСКОГО СОЮЗА РУССКИЙ ЯЗЫК ОКАЗАЛСЯ «НАКАЗАННЫМ» – КАК ЗА РЕАЛЬНЫЕ ПРЕГРЕШЕНИЯ ПРЕДЫДУЩИХ РОССИЙСКИХ И СОВЕТСКИХ ПРАВИТЕЛЬСТВ, ТАК, К СОЖАЛЕНИЮ, И ЗА ТУ ЦИВИЛИЗАТОРСКУЮ РОЛЬ, КОТОРУЮ ОН СЫГРАЛ В ОТНОШЕНИИ МНОГИХ НЫНЕ НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ. НА УКРАИНЕ В ТЕЧЕНИЕ НЕСКОЛЬКИХ ЛЕТ ВЕЛАСЬ ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННАЯ КАМПАНИЯ, КОТОРАЯ ПРИВЕЛА К УМЕНЬШЕНИЮ СФЕРЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ, И В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ, И В СМИ. ПРИ ЭТОМ УКРАИНСКАЯ КУЛЬТУРА, КАК СЧИТАЮТ МНОГИЕ И НА УКРАИНЕ, И В НАШЕЙ СТРАНЕ, ПО СУТИ, ДВУЯЗЫЧИНА, ЧТО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ МОЖЕТ СТАТЬ СУЩЕСТВЕННЫМ КОНКУРЕНТНЫМ ПРЕИМУЩЕСТВОМ...»

В СВОЕМ ВЫСТУПЛЕНИИ РУКОВОДИТЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ, ДИРЕКТОР КЦПИК МИХАИЛ ПОГРЕБИНСКИЙ ВНЕС ЯСНОСТЬ В ВОПРОС О ТОМ, КОГДА ЖЕ НАЧАЛИСЬ ПРОБЛЕМЫ С РУССКИМ ЯЗЫКОМ НА УКРАИНЕ. «ВОТ ГОВОРЯТ: ПРИШЕЛ ЮЩЕНКО И СТАЛ ВЫТЕСНЯТЬ РУССКИЙ ЯЗЫК. НА САМОМ ДЕЛЕ ЭТЫЙ ПРОЦЕСС НАЧАЛСЯ В 1991 ГОДУ, И ОН НЕПОСРЕДСТВЕННО СВЯЗАН С ПРОЦЕССОМ СУВЕРЕНИЗАЦИИ УКРАИНЫ», – ОТМЕТИЛ ПОГРЕБИНСКИЙ. «ВСЕ ПОНИМАЮТ, ЧТО ВОПРОС О РУССКОМ ЯЗЫКЕ – ЭТО ПРЕЖДЕ ВСЕГО ПРОБЛЕМА ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ВЫБОРА. И ВСЕ ПОНИМАЮТ: РАЗ УДАСТСЯ ВЫТЕСНИТЬ РУССКИЙ ЯЗЫК ИЗ УКРАИНЫ, ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА ОТРЫВА УКРАИНЫ ОТ РОССИИ БУДЕТ РЕШЕНА», – СКАЗАЛ ПОЛИТОЛОГ. ВОТ ПОЧЕМУ, СЧИТАЕТ ПОГРЕБИНСКИЙ, НЕСМОТРЯ НА МНОГОЛЕТНИЕ РАЗГОВОРЫ О «ВТОРОСТЕПЕННОСТИ» ВОПРОСА О СТАТУСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА, ДИСКУРС ПО ДАННОЙ ТЕМЕ ПОСЛЕ ПРИХОДА К ВЛАСТИ КОМАНДЫ ЯНУКОВИЧА НЕМЕДЛЕННО ПЕРЕШЕЛ В РАЗРЯД НАИВАЖНЕЙШИХ.

В ПРОЦЕССЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОТРУДНИКАМИ ЦЕНТРА БЫЛИ ПРОВЕДЕНЫ РЕПРЕЗЕНТАТИВНЫЕ ОПРОСЫ ВЗРОСЛОГО НАСЕЛЕНИЯ УКРАИНЫ (1600 РЕСПОНДЕНТОВ), А ТАКЖЕ ШКОЛЬНИКОВ И ВЫПУСКНИКОВ ШКОЛ (1600 РЕСПОНДЕНТОВ). КРОМЕ ТОГО, СОСТОЯЛИСЬ УГЛУБЛЕННЫЕ ИНТЕРВЬЮ С УЧИТЕЛЯМИ,

ЖУРНАЛИСТАМИ, ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ДРУГИХ ПРОФЕССИЙ, ПРОАНАЛИЗИРОВАНЫ ДАННЫЕ ОФИЦИАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, НАКОПЛЕННЫЕ В ПЕРИОД 1991–2009 ГОДОВ.

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЫЯВИЛО ПРИМЕРНУЮ ЛИНГВОЭТНИЧЕСКУЮ СТРУКТУРУ НАСЕЛЕНИЯ УКРАИНЫ: К УКРАИНОЯЗЫЧНЫМ УКРАИНЦАМ ОТНОСЯТ СЕБЯ 45% РЕСПОНДЕНТОВ, К РУССКОЯЗЫЧНЫМ УКРАИНЦАМ – 31%, РУССКОЯЗЫЧНЫМ РУССКИМ – 17%. ТАКЖЕ ВЫЯВЛЕНЫ ИНТЕРЕСНЫЕ МОМЕНТЫ, СУЩЕСТВЕННО КОРРЕКТИРУЮЩИЕ ДАННЫЕ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 2001 ГОДА. ТАК, ПО ДАННЫМ ТОЙ ПЕРЕПИСИ, В КАЧЕСТВЕ РОДНОГО ЯЗЫКА 67,5% РЕСПОНДЕНТОВ НАЗВАЛИ УКРАИНСКИЙ, 29,6% – РУССКИЙ. Но СИТУАЦИЯ ПРЕДСТАЛА В ИНОМ ВИДЕ, КОГДА АВТОРЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОПРОСОВ ВВЕЛИ ИНУЮ КАТЕГОРИЮ – «УДОБНЫЙ ЯЗЫК» (ТО ЕСТЬ ПРЕДПОЧТИТЕЛЬНЫЙ ДЛЯ КОММУНИКАЦИЙ). ВДРУГ ВЫЯСНИЛОСЬ, ЧТО УКРАИНСКИЙ ЯЗЫК ПРЕДПОЧТИТЕЛЕН ДЛЯ 39,7% РЕСПОНДЕНТОВ, ЗАТО РУССКИЙ – ДЛЯ 42,5%.

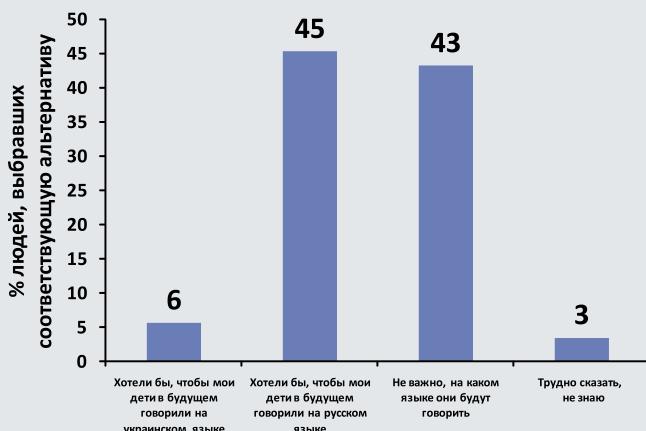
ВООБЩЕ ЖЕ, ОТМЕТИЛИ АВТОРЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, НА УКРАИНЕ ОЧЕНЬ СИЛЬНО РАСПРОСТРАНЕНО ДВУЯЗЫЧИЕ. МНОГИЕ ГРАЖДАНЕ В ТЕЧЕНИЕ РАБОЧЕГО ДНЯ ПО НЕСКОЛЬКУ РАЗ ПЕРЕКЛЮЧАЮТСЯ С ОДНОГО ЯЗЫКА НА ДРУГОЙ. ПРАВДА, В ГОСУДАРСТВЕНИЯХ В РАБОЧИХ КАБИНЕТАХ ПРИНЯТО ОБЩАТЬСЯ НА УКРАИНСКОМ ЯЗЫКЕ. ЭТО ПРАВИЛО ВВЕДЕНО В РАМКАХ «УКРАИНИЗАЦИИ» ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ. ОСОБЕННО РЯНО ЭТОГО ПРАВИЛА, ОТМЕЧАЛОСЬ НА КРУГЛОМ СТОЛЕ, ПРИДЕРЖИВАЮЩИХСЯ В МИД УКРАИНЫ. ЛЮБОПЫТНА РАСКЛАДКА ЯЗЫКОВЫХ ПРЕДПОЧТИТЕЛЬНОСТЕЙ ПО СОЦИАЛЬНЫМ ХАРАКТЕРИСТИКАМ. СРЕДИ ВЫБИРАЮЩИХ В КАЧЕСТВЕ УДОБНОГО И ПОВСЕДНЕВНОГО УКРАИНСКИЙ ЯЗЫК ОТНОСИТЕЛЬНО БОЛЬШЕ ЛЮДЕЙ СТАРШИХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП, А ТАКЖЕ ЖИТЕЛЕЙ СЕЛ И НЕБОЛЬШИХ ГОРОДОВ. С ДРУГОЙ СТОРОНЫ, РУССКОГОВОРЯЩИХ БОЛЬШЕ В ГОРОДАХ (К НИМ СЕБЯ ОТНОСЯТ 54% ОПРОШЕННЫХ ГОРОЖАН), А ТАКЖЕ СРЕДИ ЛИЦ, ИМЕЮЩИХ ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ. ЭТИ КАТЕГОРИИ НАСЕЛЕНИЯ В БОЛЬШИНСТВЕ СВОЕМ ВЫСТУПАЮТ ЗА ПРИДАНИЕ РУССКОМУ ЯЗЫКУ СТАТУСА ВТОРОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО.

ЕЩЕ ОДИН ЛЮБОПЫТНЫЙ МОМЕНТ, ВЫЯВЛЕННЫЙ В ХОДЕ ОПРОСОВ. ОКАЗЫВАЕТСЯ, УКРАИНГОВОРЯЩИЕ В ОСНОВНОМ ЧИТАЮТ ЛИТЕРАТУРУ И ПРЕССУ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ. САМ РЫНОК ДИКТУЕТ, ЧТО НУЖНО БОЛЬШЕ ВЫПУСКАТЬ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. ВЕДЬ ЕЕ ОСНОВНЫМИ ПОТРЕБИТЕЛЯМИ ЯВЛЯЮТСЯ ГОРОЖАНЕ, ЛЮДИ С БОЛЕЕ ВЫСOKИМ ОБРАЗОВАНИЕМ (СРЕДИ КОТОРЫХ РУССКОГОВОРЯЩИЕ ПРЕОБЛАДАЮТ). ВОТ ПОЧЕМУ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, КАК И ПЕЧАТНОЙ ПРЕССЫ, БОЛЬШЕ, К ТОМУ ЖЕ ОНА БОЛЕЕ РАЗНООБРАЗНА И КАЧЕСТВЕННА.

В ТО ЖЕ ВРЕМЯ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ НАМЕТИЛСЯ СУЩЕСТВЕННЫЙ РОСТ ЧИСЛА УКРАИНГОВОРЯЩИХ ШКОЛЬНИКОВ, ЧТО НАПРЯМУЮ СВЯЗАНО С ПРОВОДИМЫМ ВЛАСТЯМИ КУРСОМ НА РЕЗКОЕ СОКРАЩЕНИЕ КОЛИЧЕСТВА ШКОЛ С РУССКИМ ЯЗЫКОМ ОБУЧЕНИЯ. И ЭТО, ПО МНЕНИЮ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ, МОЖЕТ ПРИВЕСТИ В ДАЛЬНЕЙШЕМ К УВЕЛИЧЕНИЮ ДОЛИ УКРАИНГОВОРЯЩИХ В РЕСПУБЛИКЕ, В РЕЗУЛЬТАТЕ ЧЕГО СООТНОШЕНИЕ УКРАИНГОВОРЯЩИХ И РУССКОГОВОРЯЩИХ МОЖЕТ ВЫРАВНЯТЬСЯ (ПРИМЕРНО 50% С КАЖДОЙ СТОРОНЫ).

НЕСМОТРЯ НА НЕКОТОРЫЙ ЧИСЛЕННЫЙ ПЕРЕВЕС СТОРОННИКОВ ПРИДАНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ СТАТУСА ГОСУДАРСТВЕННОГО (ЗА ЭТО ВЫСТУПАЮТ 54% РЕСПОНДЕНТОВ), СТЕПЕНЬ МОБИЛИЗАЦИИ ПРОТИВНИКОВ ЭТОГО ЗНАЧИТЕЛЬНО ВЫШЕ. В МАССЕ СВОЕЙ ТАКОВЫЕ ПРОЖИВАЮТ В ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЯХ УКРАИНЫ, ПОДТВЕРЖДАЮТ ОПРОСЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.

НА КАКОМ ЯЗЫКЕ РУССКОЯЗЫЧНЫЕ ХОЛЯТ, ЧТОБЫ ГОВОРИЛИ ИХ ДЕТИ?

Киевский центр политических исследований и конфликтологии

ЯЗЫКОВАЯ ДИСКРИМИНАЦИЯ: ОБЪЕКТИВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ И СУБЪЕКТИВНОЕ ОТНОШЕНИЕ

Объективно государственная языковая политика является дискриминирующей, поскольку она нарушает права и свободы русскоязычных граждан в тех сферах, в которых государство регламентирует употребление языков. Но среди русскоязычного населения ощущение дискриминации не распространено.

Киевский центр политических исследований и конфликтологии

В то же время, как показало исследование, у большинства русскоязычных граждан Украины нет ощущения языковой дискриминации. Лишь каждый пятый из опрошенных сталкивался с какой-либо формой дискриминации по языковому признаку. Между тем большинство считает, что государство должно обеспечить необходимые им возможности образования на русском языке, просмотра телепередач, осуществления других деловых и бытовых коммуникаций. Как выяснилось, russogovorящим в целом хватает прессы на русском языке; однако большинство недовольно тем, что на русском готовится недостаточно телевизионных программ.

Исследователи также проанализировали языковое законодательство Украины в контексте развития русского языка и защиты прав русскоязычных граждан Украины. И выявили явную дихотомию. На первый взгляд

языковая сфера на Украине, и в частности положение русского языка, регулируется демократично, действующее законодательство соответствует европейским нормам. Статья 10 Конституции Украины провозглашает, что в стране «гарантируется свободное развитие, использование и защита русского, других языков национальных меньшинств Украины». К тому же Украина ратифицировала ряд международных документов, гарантирующих языковые права граждан.

Однако действующий с 1989 года закон о языках, отмечается в исследовании, «в ряде существенных положений носит дискриминационный характер по отношению к негосударственным языкам, в том числе русскому». Именно эти дискриминационные моменты и были в первую очередь закреплены в законах независимой Украины. Например, положения об использовании языка в сфере судоустройства, в среднем и специальном высшем образовании. При этом в ряде случаев дискриминационные моменты в новых законах, особенно в Законе о телевидении и радиовещании, «были развиты и усилены».

В последние годы в Верховную раду представителями партий, выступающих в защиту языковых прав русскоязычных, внесен ряд законопроектов, направленных на достижение этой цели. Один из них – проект базового закона «О языках Украины» – разработан с участием Киевского центра политических исследований и конфликтологии. В законопроекте воплощен заложенный как в Конституцию Украины, так и в Европейскую хартию принцип совместного функционирования государственного языка и региональных языков. Согласно ему, обязательность применения госязыка на всей территории государства совмещена, во-первых, с применением региональных языков на территориях их значительного распространения равнве с государственным. Во-вторых, эта обязательность совмещена с экспериментальной свободой использования всех региональных языков. Для определения территории распространения регионального языка в законопроекте установлен численный критерий: 10% и более носителей регионального языка, проживающих в пределах определенной административно-территориальной единицы, по отношению ко всему ее населению.

Базовый закон о языках должен определить всю политику государства в языковой сфере, и далее все законодательные акты, так или иначе касающиеся этой проблемы, например в информационном пространстве, или в образовании, или в рекламе, должны базироваться на этом законе.

И если приданье русскому языку государственного статуса в настоящий момент, по мнению ряда экспертов, невозможно, то принятие базового закона о языках – вполне реальная перспектива.

Большинство выступавших в ходе круглого стола дали высокую оценку выполненному исследованию, из которого можно перечерпнуть много новых и любопытных фактов. Эксперты сошлись во мнении, что существующая на Украине ситуация реального двуязычия нацеливает на достижение компромисса в языковой сфере, который должен устраивать носителей обоих главных языков.

Завершая обсуждение, Вячеслав Никонов подчеркнул: «Вопрос о русском языке на Украине – это проблема прежде всего внутриукраинская. Мы в России должны это понимать и не стремиться оказать давление на новую украинскую власть. Команда Януковича проблемы с русским языком осознает и, несомненно, будет решать. Не нужно их «поторапливать». Украина, отметил глава фонда «Русский мир», переживает процесс национального строительства, по сути, впервые в исто-

рии, не считая короткого периода в 1918 году. И Россия должна относиться к этому как к неизбежности. Что же касается геополитического выбора Украины – а отсюда возникает и проблема языковых предпочтений, – то самое главное, подчеркнул Никонов, «чтобы Россия стала привлекательной – тогда и проблема эта отпадет».

Евгений Верлин
С использованием материала
пресс-службы фонда «Русский мир»

ЯЗЫКОВАЯ ОБЩНОСТЬ

ПРЕОБЛАДАЮЩЕЕ БОЛЬШИНСТВО РУССКОЯЗЫЧНЫХ ЖИТЕЛЕЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ЖДУТ ОТ РОССИИ ДАЛЬНЕЙШИХ УСИЛИЙ ПО РАЗВИТИЮ СВЯЗЕЙ С СООТЕЧЕСТВЕННИКАМИ, РАССЧИТЫВАЯ НА ПОДДЕРЖКУ, В ЧАСТНОСТИ, В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ, ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА, МОЛОДЕЖНЫХ ОБМЕНОВ.

АКОЙ НАСТРОЙ ВЫЯВИЛИ АВТОРЫ НАУЧНОГО исследования «Русскоязычные в Центральной Азии. Социальный портрет», проведенного в 2009 году Институтом стран СНГ в Казахстане, Киргизии, Таджикистане и Узбекистане. Презентация книги и обсуждение результатов исследования состоялись 9 апреля в фонде «Русский мир», при грантовой поддержке которого данная работа и была проведена. Целью исследования было выявить оценку соотечественниками своей национальной самоидентификации, адаптированности в странах проживания, степени владения русским языком, занятости и материального положения, возможностей и механизмов защиты своих прав и т.д. Всего в ходе исследования было опрошено 3700 человек (в Казахстане – 1000 человек, в Киргизии, Таджикистане и Узбекистане – по 900 человек). Опросами были охвачены как русские и представители других национальностей России, так и представители титульных этносов, хорошо владеющие русским языком и относящие себя к российским соотечественникам. Например, в Узбекистане в фокусной группе к таковым отнесли себя 42% опрошенных. В Таджикистане и Киргизии этот же показатель составил 20%. Преобладающее большинство опрошенных родились в стране проживания, и у большей части из них здесь проживают семьи более чем в двух поколениях. Незначительная часть (примерно каждый десятый респондент) приехали в страну, причем в большинстве своем – еще в советское время.

Абсолютное большинство соотечественников имеют гражданство страны проживания. Наиболее интегрированными в этом смысле являются респонденты Узбекистана – 97%, Казахстана – 96% и Киргизии – 95%. Наибольшее число граждан России оказалось среди соотечественников Таджикистана – 9%, а наименьшее – в Узбекистане – 1%. Свое материальное положение большая часть российских соотечественников оценивают как среднее. Со-

стоятельных людей среди них немного. Самые высокие показатели по степени обеспеченности выявлены у опрошенных в Казахстане (у 53% «денег в основном хватает», а 7% могут «ни в чем себе не отказывать»). В беднейшую группу входят около трети респондентов Таджикистана и более десятой части – Узбекистана. В Казахстане и Киргизии этот показатель 3% и 7% соответственно. Образовательный уровень российских соотечественников достаточно высок в Казахстане, Киргизии и Таджикистане: высшее образование среди соотечественников в этих странах имеют от 43% до 50% опрошенных. В Узбекистане эта доля составляет 22%.

Российские соотечественники в различной степени владеют государственным языком страны проживания. В Казахстане свободно объясняться на нем могут всего 8%, а более 60% вообще им не владеют. В Киргизии на государственном языке свободно говорит четверть опрошенных, каждый же второй им «практически» не владеет. В Таджикистане говорящих по-таджикски около 40% и столько же тех, кто может с трудом на нем изъясняться. В Узбекистане – более половины всех респондентов владеют государственным языком; вообще не говорят на нем менее четверти опрошенных.

Презентация доклада Института стран СНГ состоялась на фоне драматических событий в Киргизии, в результате которых произошла смена власти в республике. Эти события, отметил глава фонда «Русский мир» Вячеслав Никонов, «придают представляемому социологическому исследованию... особую актуальность». «Это исследование актуально сегодня для России в целом и для фонда «Русский мир» в частности, так как дает возможность понять, что делать для того, чтобы стабилизировать ситуацию в этих странах. Чтобы понимать, что делать, необходимо точно знать, что конкретно происходит в каждой отдельно взятой стране постсоветского пространства. С этой целью наш фонд поддержал проведение этого социологического исследования», – подчеркнул исполнительный директор фонда «Русский мир».

Вячеслав Никонов напомнил, что в целях популяризации и поддержки программ изучения русского языка фонд открыл в странах Центральной Азии девять Русских центров: три в Казахстане, три в Киргизии и три в Таджикистане.

СЛУЧАЛОСЬ ЛИ ВАМ СТАЛКИВАТЬСЯ С НАРУШЕНИЕМ ПРАВ В СВЯЗИ С ТЕМ, ЧТО ЯВЛЯЮТСЯ РУССКИМИ ИЛИ РУССКОЯЗЫЧНЫМИ

Опрос 2009 года

% ответивших положительно, от числа опрошенных

КАЗАХСТАН КИРГИЗИЯ ТАДЖИКИСТАН УЗБЕКИСТАН

ПРИ ПОСТУПЛЕНИИ НА РАБОТУ

Постоянно	14,2	14,3	6,1	2,7
Отдельные случаи	35,7	46,2	23,0	10,1
Практически не сталкиваемся	28,8	33,3	54,1	79,6

В БЫТУ

Постоянно	8,9	11,3	8,0	1,9
Отдельные случаи	40,3	65,8	36,0	10,0
Практически не сталкиваемся	31,8	17,8	42,2	81,3

ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Постоянно	5,2	15,0	9,4	1,6
Отдельные случаи	24,7	25,6	19,1	6,4
Практически не сталкиваемся	38,8	48,1	50,6	84,6

В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Постоянно	5,7	8,1	3,8	0,4
Отдельные случаи	12,7	20,4	6,9	0,8
Практически не сталкиваемся	24,9	42,8	38,8	78,9

ВЛАДЕНИЕ РУССКИМ ЯЗЫКОМ

Сохраняется ли у младшего поколения свободное владение русским языком?

Опрос 2009 года
число ответивших положительно на поставленный вопрос, % от числа опрошенных

КАЗАХСТАН КИРГИЗИЯ ТАДЖИКИСТАН УЗБЕКИСТАН

Да, он остается для них родным	90	83	77	64
С владением русским языком у них могут возникнуть проблемы	4	8	10	29
Затрудняюсь ответить	6	9	13	7

КАЗАХСТАН КИРГИЗИЯ

Опрос 2006 года Опрос 2009 года Опрос 2006 года Опрос 2009 года

число ответивших положительно на поставленный вопрос, % от числа опрошенных

Сохранится ли у младшего поколения русский язык как родной

65 90 98 83

Результаты опроса показали, что соотечественники в целом уверены в сохранении русского языка молодым поколением. Большинство респондентов считают, что у младшего поколения их семьи сохраняется свободное владение русским языком как родным. Но часть опрошенных (в Узбекистане около трети респондентов) выразили беспокойство по поводу перспектив сохранения русского языка у своих детей и внуков.

Отношения между русскоязычным населением и представителями титульных наций в целом вполне дружелюбные. Откровенно плохими межнациональные связи считают лишь единицы. Не отмечали респонденты и массовых нарушений своих прав. Но об отдельных подобных случаях при приеме на работу и в быту говорит значительная часть опрошенных.

В вопросе о согласованной защите своих прав мнение представителей российской диаспоры в Казахстане и Киргизии разделилось примерно поровну между «да» и «нет». Более пессимистичны опрошенные в Таджикистане. В Узбекистане этот вопрос, как и некоторые другие, был исключен из анкеты, чтобы не вызывать препятствий для исследования.

Единого способа защиты своих прав и интересов респонденты также не отметили. Наиболее эффективным из них опрошенные в Казахстане и Таджикистане считают обращение в центральные, местные органы власти (21% и 20% соответственно). Соотечественники в Киргизии (25%) отдают предпочтение российским органам власти, которые отвечают за работу с соотечественниками за рубежом. А значительная часть респондентов вообще не видят эффективных методов защиты своих прав. 10–17% опрошенных настроены эмигрировать.

Улучшить комфортность проживания в стране пребывания, по мнению опрошенных соотечественников, можно было бы через принятие ряда законов, и прежде всего закона о придании русскому языку статуса второго государственного. За его принятие выступили 65% соотечественников в Казахстане и более 40% – в Таджикистане. Для представителей российской диаспоры в Киргизии наиболее актуальным представляется принятие закона, разрешающего двойное гражданство с Россией (76%). Это и понятно: большое число трудовых мигрантов хотят узаконить свои права на территории РФ. Большинство опрошенных во всех странах (от 85% до 96%) уверены, что Россия должна развивать связи с соотечественниками. При этом наибольший рейтинг получили культурные связи, помошь в налаживании обучения русскому языку, молодежные программы. В Казахстане, Киргизии и Узбекистане большим спросом (более 50% опрошенных) пользуется идея двойного гражданства с Россией. Неоднозначно оценивается политика России в отношении соотечественников. Большинство разделяют такую оценку: со стороны российских властей «что-то делается, но очень мало». Почти четверть представителей российской диаспоры Казахстана и Узбекистана не чувствуют никакой конкретной поддержки со стороны России. Сравнение результатов 2006 и 2009 годов по Казахстану и Киргизии показывает рост числа оптимистов, уверенных, что «Россия делает все, что может», и уменьшение числа тех, кто поддержки не ощущает.

Выступившие на круглом столе эксперты отметили важность организации постоянно действующего мониторинга ситуации в межнациональных отношениях в Центральной Азии, и в частности положения проживающих там соотечественников. Это необходимо сделать в том числе и с учетом особой значимости этого региона для России.

Евгений Васильев

ПОДАРОК ШКОЛЕ

В ЛАТВИИ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ФОНДА «РУССКИЙ МИР» НАБИРАЕТ СИЛУ ПРОЕКТ ПО ВОЗВРАЩЕНИЮ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В РУССКИЕ ШКОЛЫ. В СТРАНЕ СРЕДИ УЧИТЕЛЕЙ АКТИВНО РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКТ, СОДЕРЖАЩИЙ ПОЛНЫЙ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ КУРС ПО «ОСНОВАМ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ». ОБ ЭТОМ ЖУРНАЛУ «РУССКИЙ МИР.RU» РАССКАЗАЛ РУКОВОДИТЕЛЬ И ОДИН ИЗ АВТОРОВ ПРОЕКТА, ВАЛЕРИЙ БУХВАЛОВ, ДОКТОР ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК И ДЕПУТАТ СЕЙМА ЛАТВИИ ОТ ПАРТИИ ЗАПЧЕЛ.

K

ак возникла идея проекта?

– Двадцать лет назад, когда была установлена государственная независимость Латвии, власти республики в Конституции официально декларировали права национальных меньшинств на сохранение и развитие родного языка, сохранение своих культурных и этнических традиций. Кроме того, в части 2 статьи 41 закона «Об образовании» говорится, что школа национальностей создает и использует в своих программах элементы, направленные на сохранение этнической культуры учащихся. Таким образом, наше государство взяло на себя обязанность в равной степени заботиться обо всех национальных школах Латвии. Но государство практически ничего не делало для сохранения культурной идентичности в русских школах, хотя русская община является самой крупной по величине в Латвии. Я имею в виду выпуск учебных пособий по истории России и русских в Латвии, пособий по русским народным традициям и основам русской культуры.

– Но и в советской Латвии подобных учебников по русской культуре и истории тоже не было. По латышской – были...

– Да, но русская культура тогда преподавалась опосредованно через цикл предметов – русский язык и литература, историю, географию, музыку. При школах существовали кружки и факультативы, которые были обеспечены учебно-методической литературой. Чтобы учитель мог успешно преподавать какой-либо предмет и тем самым выполнять требования закона о сохранении, в частности, этнической культуры, государство в лице Министерства образования тоже должно выполнить ряд условий: подготовить необходимые учебники для детей и учебно-методическую литературу для учителей – это раз. Во-вторых, выделить финансирование на эту работу в школах. В-третьих, проводить регулярные научно-педагогические семинары и конференции для обмена опытом учителей. Ничего этого мы от наших властей не видели.

– Как сложившаяся ситуация отразилась на уровне культурного образования учащихся русских школ?

– В русских школах Латвии ощущается серьезный дефицит культурного образования в рамках всех предметов. За исключением русского языка, все остальные школьные предметы перегружены фактологической информацией, которая оторвана от создателей этой информации, то есть от личностей – русских ученых, политиков, деятелей культуры. Два года назад мы совместно с доктором педагогики, депутатом Сейма Латвии Яковом Плиннером провели исследование в 33 русских школах Латвии – как городских, так и сельских (всего на тот момент в стране было 146 русских школ, сейчас уже гораздо меньше), в рамках которого проводилось анкетирование учащихся старших классов. Нас интересовало мнение учеников об уровне преподавания русской культуры в их школе, о внеурочной работе и мероприятиях, а также мнение ребят о тех предметах, в которых, на их взгляд, излагаются те самые элементы этнической культуры. Мы получили и обработали 218 заполненных анкет. Что мы увидели? Первое: детям очень тяжело сформулировать свое отношение к тому, что они мало видят и о чем мало слышат. Второе: если говорить о предметах, на которых представлена русская культура, то здесь почетное и единственное место занимает русский язык и литература. Все остальные предметы, даже история, упоминались в единичных случаях. И это очень тяжелая и тревожная тенденция...

– Но, может быть, больше запомнились внеурочные мероприятия?

– Запомнились КВН, Рождество и Пасха. Это все. Абсолютное большинство учеников назвали эти три мероприятия, которые они отнесли к русской культуре... Нужно было как-то менять ситуацию! На тот момент нас было трое – президент Латвийской ассоциации преподавателей русского языка и литературы Елена Бердникова, председатель Латвийских обществ русской культуры, преподаватель истории и директор частной

профессиональной школы Елена Матьякубова и ваш покорный слуга. Общими усилиями мы подготовили проект «Русская культура в русской школе», который в июне 2009 года был поддержан фондом «Русский мир».

– **Что за это время уже было сделано?**

– Была создана рабочая группа из одиннадцати ведущих преподавателей школ и вузов, историков, лингвистов, филологов, которые разработали обобщенный вариант учебной программы по «Основам русской культуры». Почему обобщенный? С нашей точки зрения, помимо основных культурно-исторических аспектов предмета в наших школах следует давать информацию о русской культуре Латвии. Мы подготовили и записали на диске программу «Основы русской культуры» и всю необходимую учебно-методическую информацию по каждому ее пункту – для учителя. Кроме этого, на диске представлены конспекты уроков по истории русской культуры, готовые сценарии различных мероприятий и наиболее удачные школьные проекты, которые мы собирали по всей Латвии. Это – конкретный живой опыт учителей-практиков, который могут использовать их коллеги в своих учебных заведениях.

– **Но как можно преподавать основы русской культуры в местных школах, если официальная учебная программа Латвии такие уроки не предусматривает?**

– Для решения этой проблемы мы предложили четыре модели организации преподавания этого курса в латвийских школах, которые предполагают, что какую-то часть программы можно реализовать через студийные и факультативные занятия, а также через другие учебные предметы. Ведь к понятию «культура» в широком смысле этого слова относятся и достижения в области науки, техники, искусства. На нашем диске собрана информация о выдающихся российских ученых, обо всех лауреатах Нобелевской премии, работавших в России, об изобретателях, инженерах, композиторах, художниках, писателях, артистах, спортсменах... Эта информация пригодится на уроках физики, математики, биологии, музыки, физкультуры. На диске также есть информация по основным этапам историческо-

го развития России. Тем самым мы восполняем пробел в образовании наших детей, так как в латвийском учебном курсе по истории данной теме уделено очень мало места. Например, Вторая мировая война изучается в Латвии максимум на четырех уроках, при этом в официальных программах и учебниках название Великая Отечественная война даже не упоминается, в угоду политическим интересам допускаются искажения фактов.

– **А разве учитель может произвольно менять уже утвержденную программу преподавания?**

– Согласно закону «Об образовании», преподаватель вправе создавать свою программу обучения по конкретному предмету, он обязан ее согласовать с директором школы.

– **Как в школах используется ваша программа по основам русской культуры?**

– По согласованию с фондом «Русский мир» 13 марта мы презентовали диск на научно-методической конференции, в которой приняли участие более 70 учителей русских школ Латвии, они и получили первыми в подарок наши диски. Мы заинтересованы в самом широком распространении учебной программы по русской культуре, информационные диски свободно копируются, мы отправили их не только в школы, но и в пединституты Латвии. Кроме того, все материалы проекта можно посмотреть и скачать на сайтах www.svoi.lv, www.lapryal.org. В комплекте с диском школы получат в подарок еще и сборник «Методические основы и опыт образования по русской культуре».

– **Что еще намечено сделать в рамках реализации проекта?**

– В течение следующего учебного года мы собираемся подготовить методические образцы преподавания русской культуры по разным предметам – сделать единую программу. Учитель в одном компактном блоке получит методический материал, составленный из комплектов уроков, и сможет выбрать то, что нужно для его предмета.

– **Вы пытались заручиться поддержкой Министерства образования и науки Латвии?**

– Мы не отрицаем контакты с Министерством образования и науки, но, увы, при нынешней власти в нашей стране любые наши идеи и просьбы о помощи обречены на провал. Впрочем, возможно, уже нынешней осенью после выборов в Сейм ситуация изменится, и образование в Латвии будут руководить более спокойные в национальном плане люди, профессионалы в конце концов. И тогда, как мы надеемся, отношение к русским школам в стране тоже будет другим.

– **Тем не менее активисты из правящей националистической партии «Отчизне и свободе» готовятся провести в стране референдум за прекращение финансирования школ с нелатышским языком преподавания.**

– Всем понятно, что со стороны латышских радикалов это политический предвыборный популизм, но напряженность в обществе все равно чувствуется. Люди расколоты по языковому и национальному признаку, и пока принципиальных улучшений мы не видим. Поэтому все средства, направленные на сохранение русских школ и культуры, мы считаем очень важными и своевременными. ☩

Беседовала Алла Березовская [Рига]

ЕСЛИ ЗАВТРА ВОЙНА

Ирина Лукьянова

«Болота Белоруссии превращаются в цветущий край», – рассказывала «Правда» своим читателям в июне 1941 года. Вся страна пела «Если завтра война, если завтра в поход...», но ни к войне, ни к походу оказалась катастрофически не готова.

ИТАР-ТАСС

НАКАНУНЕ САМОЙ КРОВАВОЙ ВОЙНЫ В ИСТОРИИ СТРАНЫ ЕЕ ГЛАВНУЮ ГАЗЕТУ БОЛЬШЕ ВСЕГО ЗАНИМАЛИ ПОДПИСКА НА ЗАЕМ ТРЕТЬЕЙ ПЯТИЛЕТКИ, СЕВ ЯРОВЫХ, УКРЕПЛЕНИЕ ПАРТИЙНОГО РУКОВОДСТВА ВСЕМИ СТОРОНАМИ ЖИЗНИ СТРАНЫ И ДОСРОЧНОЕ ВЫПОЛНЕНИЕ ПОЛУГОДОВОГО ПЛАНА ПРОИЗВОДСТВЕННИКАМИ. Ну и осушение болот, да.

Июньская «Правда» 1941 года – очень благостная газета. Никаких тебе жестоких проработок профессионалов, отклоняющихся от партийной линии, как в 1936-м. Никаких «кровавых псов» и врагов народа, как в 1935-м. Никаких шпионов, как в 1937-м. Никакого милитаризма, как в 1939-м. Тишина и спокойствие, радостная летняя жизнь и созидательный труд.

ЦВЕТУЩИЙ КОВЕР

Начало июня: дан старт экспедиции пионеров и школьников на изучение родного края. Пущен первый советский тепловоз. Открывается станция метро «Автозавод имени Сталина». Река Чу пошла по новому руслу, в Кировабаде появился новый мост имени Берии, а вокруг Минска – зеленое кольцо. Бакинские нефтяники первыми в стране выполнили полугодовой план добычи нефти. Открылась ВСНХ – будущая ВДНХ/ВВЦ. «Празднично разодетая, шумная толпа медленно движется по аллеям выставки, обрамленным изумрудными газонами и лиловыми коврами цветущих виол». Особое внимание публики привлекают павильоны новых республик: Литвы, Латвии, Эстонии, Молдавии и Карело-Финской ССР.

Начался летний курортный сезон. Начальник главного курортного управления Репников сообщает: «Все всесоюзные здравницы открыты и полностью работают. На юге стоит устойчивая теплая погода». Журналисты «Правды» отчитываются: на курортах Рижского взморья появились трудящиеся Латвии, которые «недавно еще не могли мечтать попасть сюда». «В Ялте открыт летний кинотеатр на 500 мест». «Летом в Крыму будет гастролировать Краснознаменный ансамбль красноармейской песни и пляски СССР».

Из номера в номер газета рассказывает о приеме в вузы, госэкзаменах, выпускных экзаменах в школе. Объявляет прием в аспирантуру МГУ (на специальности история, политэкономия, исторический и диалектический материализм, основы марксизма-ленинизма, математика, физика, зоология, ботаника, география). На одной правдинской фотографии с удовольствием позируют на фоне цветущего сада выпускники-отличники московской школы №201, а ее директор Кириков и ученик Леня Камский «рассматривают цветочные почки яблони». Вскоре на фронт ушли 160 выпускников этой школы, в том числе Зоя и Александр Космодемьянские.

СУЕВЕРИЯ И КОММУНИСТИЧЕСКАЯ МОРАЛЬ

В кинотеатрах идут «Закройщик из Торжка», «Фронтовые подруги», «Первопечатник Иван Федоров», «Майская ночь». В московском цир-

ке выступают «Донские казаки». Программа радио за один июньский день включает в себя лекцию по истории СССР, очерк «Председатель колхоза», четыре концерта (среди них – Штраус для детей и самодеятельность Тульского оружейного завода), лекцию профессора Кирхенштейна «Витамины в борьбе с инфекциями», чтение лермонтовской «Бэлы» и монтаж по шекспировской трагедии «Ромео и Джульетта». Страна широко и торжественно отмечает пять лет со дня смерти Горького и столетие со дня гибели Лермонтова. На памяти у всех еще один юбилей – Пушкинские дни 1937-го, совпавшие с началом массовых репрессий. Юбилеи смерти долго еще потом считались дурным предзнаменованием. Еще более дурным знаком люди суеверные сочли новость от 19 июня: в Самарканде вскрыли гробницу Тимура. «В гробу обнаружен скелет, по которому было установлено, что одна нога погребенного короче, нижняя чашечка правой ноги срослась с нижним эпифизом бедра», – сообщает газета. В Средней Азии говорили, что ученыe выпустили из гробницы дух войны.

Разумеется, «Правда» с предрассудками не считалась. Один из ее номеров приглашал читателей в Зеленый театр ЦПКиО на лекцию «Коммунистическая мораль». Интересен подбор лекторов: это знаменитый безбожник Емельян Ярославский и прославленный летчик Байдуков.

ПЕРЕДОВИЦЫ И ПРОБЛЕМЫ

Нет, разумеется, не все было благостно в СССР. Газета «Правда» грозно, но по-отцовски жучила провинившихся хозяйственников. Названия статей и передовиц говорят сами за себя: «О заинтигованных и отставших и о подлинно передовых», «Как много воронежские организации обещали и как мало делали», «Проблема лопаты в Сталинграде» (тракторный завод не выполняет план по топорам, ложкам, сковородкам и полуциркульным лопатам), «Комбайны к уборке не готовы», «Против болтунов и бездельников».

Газета старательно, со вкусом копалась в подробностях выращивания кормов для животноводства, мер по повышению урожайности, сева яровых, очистки полей от сорняков. Обличала антисанитарию в Уфе. Обсуждала животрепещущие проблемы бесхозяйственности в совхозах Куйбышевской области, долгоносика и блошки на свекловичных плантациях колхоз-

зов Алейского и Рубцовского районов, бранила донбасскую газету «Горняк» за выражение «хорошисты учебы» («значит, должны быть плохисты?» – язвил правдист). Делилась интересным опытом председателя совхоза «Безбожник» т. Грачева в разведении шампиньонов. Разбиралась в вопросах «культуры работы советского учреждения» и «насущных вопросах советской архитектуры», возилась с сельскими агитаторами и призывала подписываться на Государственный заем третьей пятилетки. На заем, как следовало из правдинских статей, подписывались «с огромным воодушевлением» рабочие целыми производственными коллективами; жены дома брали их, что мало еще подписались, другие вон больше облигаций принесли (статья «Популярность нового займа среди домохозяек»); курортники оформляли подписку по телеграфу. Не отставали от них и жители новых советских республик.

Народная артистка СССР певица Валерия Барсова рассказывала в длинной вымученной статье о том, как деятели культуры овладевают политограммой в рамках подготовленного для них Домом работников искусств курса «Партия большевиков в произведениях искусств».

Газетные площади уходили на унылую политическую трескотню: полполосы рассуждений о втором томе сочинений Ленина, бесконечные пассажи в устоявшемся уже, специфически советском стиле «важно, неграмотно и ни о чем»: «Задача воспитания трудящихся нашей страны в духе постоянной мобилизационной готовности, всемерного укрепления партийной и государственной дисциплины и мобилизации творческой активности масс для дальнейшего укрепления хозяйственной и оборонной мощности социалистического государства». Стиль пережил и войну, и перестройку и благополучно живет в современном официозе: «всемерное укрепление» до сих пор благоденствует.

Четырнадцатого июня газета в своей передовице бранила летние лагеря за то, что они делают из детей барчуков, и уверяла: «Совсем иначе должно пройти лето 1941 года для тех школьников, которые нынешний год выедут в лагеря. Гимнастика, плавание, бег, военно-физкультурные походы – все это по-новому окрасит лагерный быт, сделает его иным, мужественным и интересным».

РЯД ИНТЕРЕСНЫХ ВОЕННЫХ ИГР

Вроде бы все помнят о «постоянной мобилизационной готовности». Но вот в 1939 году к войне население готовили всерьез: летчиками, танкистами и рассуждениями о возможностях зенитной артиллерии были забиты даже детские познавательные журналы. В 1941 году ионьянская «Правда» отличается каким-то невоз-

можным, несоветским миролюбием; наш бронепоезд загнан куда-то на очень дальние запасные пути, а о подготовке к войне рассуждают в терминах, более приличествующих «Зарнице». Да, идет прием в военные училища, в специальных артиллерийских школах Москвы проходит выпуск, а в военные лагеря Н-ского соединения Московского военного округа приезжает партийное руководство. Специально для высоких гостей «были показаны наступление роты, усиленной артиллерией, на укрепленный рубеж, интересные конноспортивные соревнования, продемонстрированы вольные движения с винтовками, инсценирован штыковой бой».

Да, журналисты повторяют за интервьюируемыми командирами, что надо учиться тому, с чем придется встретиться в бою, и с восторгом описывают удивительную учебную инициативу – переправу танкистов через речку по срубленным бревнам. Да, постоянно повторяются заклинания «завтра в бой», но завтра это – уже буквальное завтра, а понимается до сих пор как гипотетически возможное. В Ташкенте сборы парашютистов, в Минске – призыв, «за последнее время был устроен ряд интересных военных игр», а большинство призывников – значкисты ГТО. В Киевском военном округе журналист посетил школу сержантов и нашел, что больных в лазарете нет: разве что один

комсомолец принял душ потным и простудился... Да, «подразделения здесь учатся наступать и строить оборону, таящую в себе идею наступления», и звучит боевая тревога, и будущие сержанты уходят в ночь из благоустроенного и чисто подметенного лагеря под теплым морозящим дождиком выполнять боевое задание... и не оставляет мысль о том, что с ними всеми будет в самом близком будущем.

АНГЛО-ГЕРМАНСКАЯ ВОЙНА

Неужели никто не видел, что происходит в мире? Кажется, «Правда» в июне 1941 года, как те три обезьянки в известной статуэтке: не видела зла, не слышала зла и не говорила зла. Вся третья полоса газеты традиционно посвящалась международному положению; если читать эту третью полосу, не зная истории XX века, – нипочем не догадаешься, за что идет война и на чьей стороне симпатии газеты.

Профессор Боголепов пространно рассуждает об инфляции в воюющих странах, приводя выкладки и обличая мировой капитал; Германия, Англия и США здесь рассматриваются в одном ряду. На международной полосе есть большие рубрики, кочующие из номера в номер: «Военные действия в бассейне Средиземного моря», «Англо-германская воздушная война» – но и в них содержится скучая, сухая информация. Англичане оставили остров Крит, немцы заняли остров Крит. Англичане бомбили Германию, Германия бомбила Англию. «В мае германский морской флот и авиация продолжали успешную борьбу против английского торгового судоходства» (сводка германского командования). «Английская бомбардировочная авиация продолжает операции против судоходства противника». Бои в Африке. Бои в Азии. Сирия, Африка, Гибралтар, Китай, мы тут ни при чем. Введение в Лондоне карточной системы на готовое платье и обувь, продовольственные затруднения в Англии. Жертвы среди населения Дублина. Голод среди трудящихся Франции. Все ровно, все спокойно, никаких оценок. Газета только информирует: вот Гитлер встретился с Муссолини в Бреннере, они несколько часов беседовали о политическом положении. Слово «фашистский» встречается, кажется, всего один раз, и то в нейтральном контексте. Заметка о речи Черчилля, под ней точно такая же по объему и содержанию заметка о речи Муссолини. Моя хата с краю, ничего не знаю.

Образование Государственного Комитета Обороны

Ввиду создавшегося чрезвычайного положения и в целях быстрой мобилизации всех сил народов СССР для проведения отпора врагу, вероломно напавшему на нашу родину, Президиум Верховного Совета СССР, Центральный Комитет ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров СССР признали необходимым:

1. Создать Государственный Комитет Обороны в составе:

- т. Сталин И. В. (председатель)
- т. Молотов В. М. (заместитель председателя)
- т. Ворошилов К. Е.
- т. Маленков Г. М.
- т. Берия Л. П.

2. Сосредоточить всю полноту власти в государстве в руках Государственного Комитета Обороны.

3. Обязать всех граждан и все партийные, советские, комсомольские и военные органы беспрекословно выполнять решения и распоряжения Государственного Комитета Обороны.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР

М. И. КАЛИНИН.

Москва, Кремль, 30 июня 1941 года.

Председатель Совнаркома
Союза ССР и
Секретарь ЦК ВКП(б)

И. В. СТАЛИН.

НАШЕ ДЕЛО ПРАВОЕ

Номер газеты за 22 июня 1941 года был подготовлен накануне. Передовица была посвящена «народной заботе о школе». Темы номера – юбилей Марийской ССР, Пленум Ленинградского городского комитета ВКП(б) и Пленум ЦК Компартии Таджикистана. «Политотделы и территориальные парторганы», «Восстановление старого инструмента – большое хозяйственное дело», «Ослабили антирелигиозную пропаганду» (в Шарчинском районе Алтайского края). На Киев уже сыпались бомбы, а газета рассказывала, какой в городе открылся замечательный новый республиканский стадион. Стадион этот действительно должен был открыться 22 июня матчем киевского «Динамо» и москов-

ИТАР-ТАСС

ского ЦСКА. Один из динамовцев, Константин Щеголев, вспоминал, что побежал, узнав о войне, в гостиницу, где жил знаменитый комментатор Вадим Синявский: «Вадим лежал на подоконнике и кричал в телефонную трубку: – Бьют зенитки! Мимо... Вот, кажется, попали... Опять мимо!..»

Часть команды киевского «Динамо» осталась в оккупированном Киеве и была расстреляна гестапо.

Первый военный номер «Правды» вышел 23 июня – с портретом Сталина. «Шапка» на первой полосе гласила: «Фашистская Германия совершила разбойное нападение на Советский Союз. Наша доблестная армия и флот и смелые соколы советской авиации нанесут сокрушительный удар агрессору. Правительство призывает граждан и гражданок Советского Союза еще теснее сплотить свои ряды вокруг нашей славной большевистской партии, вокруг Советского правительства, вокруг нашего великого вождя – тов. Сталина. Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».

Указ о мобилизации. Указ о военном положении. Указ о военном трибунале.

«Не первый раз нашему народу приходится иметь дело с нападением зазнавшихся врагов». «Советский народ раздавит фашистских псов». С 23 июня в «Правде» публикуются сводки – сначала главного командования, потом Информбюро. Понять из них, каково реальное положение дел, очень трудно: «После ожесто-

ченных боев противник был отбит с большими потерями, – гласит первая сводка. – Авиация противника атаковала ряд наших аэродромов и населенных пунктов, но всюду встречала решительный отпор наших истребителей и зенитной артиллерии, наносивших большие потери противнику. Нами сбито 65 самолетов противника». До конца июня, до последних дней приграничных боев, в сводках будет значиться «успешно отбиты», «прочно удерживаем позиции», «вели успешную борьбу», «авиация нанесла ряд сокрушительных ударов», «все попытки противника прорваться были пресечены с большими для него потерями».

В первые дни войны газетные полосы наполнены отчетами о митингах трудовых коллективов: трудовые коллективы обещают громить врага и работать по-стахановски до окончания войны. Появляются стихи – сначала Суркова, потом Асеева. Стихи нехороши, особенно асеевские:

Чтоб эти кровавые руки
Детей не пугали в ночах,
Чтоб ихней звериной науки
Погас зараженный очаг.

ГРОЗНОЙ ЛАВИНОЙ

Шок был настолько велик, настолько все лишились дара речи, что в первые военные дни газетные страницы полны готовых формул и шаблонных заклинаний: «самоотверженным трудом обеспечим», «стахановским трудом поможем Красной армии», «с каждым днем на-

растает могучий производственный подъем», «с усиленной энергией продолжим работу на полях», «грозной лавиной двинулся советский народ на защиту Отечества»...

Среди немногих человеческих слов – впечатления Кассиля от военной Москвы. Писатель замечает очереди у магазинов: «обыватель из боязливых, вспомнив забытую привычку запасаться, засуетился у дверей продмагов – обывателей стыдят другие граждане. В целом в городе царит «ощущение сосредоточенного и строгого спокойствия», и даже «в трамваях люди были сегодня как-то особенно предупредительны, словно все стали друг другу дороже, объединенные одним глубоким, во все сердца проникшим стремлением». Жены поступают на заводы на места ушедших мужей. Отпусканки возвращаются из отпуска – кто к станкам, а кто и на призывные пункты, в которые превращаются пустующие летом школы. Начинаютсяочные воздушные тревоги – в Москве пока учебные. В конце июня в «Правде» появляются отчеты о первых приговорах военного трибунала: пьяница, забывший о светомаскировке и сопротивлявшийся дружинникам, приговорен к десяти годам лишения свободы, комендант заводского

общежития, не обеспечивший светомаскировку и песок для тушения пожаров, – к пяти. Раздел, посвященный международному положению, тоже изменился: теперь в нем статьи идут под общим заголовком «Под игом фашистской оккупации». «В оккупационных странах растет ненависть к поработителям». «Фашизм – враг культуры». «Зверства гестапо в Польше». «Режим фашистского террора и гнета». «Мировая буржуазия и ее озверелый пес – кровавый фашизм». «Правда» обильно цитирует речь Черчилля по радио: нападение на Россию – поворотный пункт войны, подготовка к нападению на Индию и Китай, прелюдия к вторжению на Британские острова.

Теперь жителям страны будут много и подробно объяснять, с каким врагом они имеют дело, – клише и заклинания скоро уступят место леденящим душу свидетельствам, для которых не нужно громких слов.

«Правда» охотно публикует возвзания немецких перебежчиков, в том числе рабочего Альфреда Лискофа, который накануне войны перешел линию фронта, чтобы предупредить Советы о нападении Германии.

Появляются первые фотографии с фронта: артиллерия и танки на марше, летчики энской авиачасти получают задания. Появляются новые учебные фильмы: «Как помочь газоотравленному», «Светомаскировка жилого дома», «Создадим защитные комнаты», «Индивидуальный санхимпакет», «Простейшие укрытия от авиабомб», «Умей предохранить пищу от отправляющих веществ». Скоро первый шок пройдет. Война поползет по стране. Начнутся бомбежки Москвы, появятся первые свидетельства с оккупированных и затем отбитых назад территорий: немцы изнасиловали и расстреляли женщин, забросали гранатами детей...

Теперь для горя и ярости найдутся слова, и не только издеваться над кровавыми писами фашизма будет газета, но и каждый день напоминать читателю: мы – люди. Мы боремся за жизнь, за культуру, за гуманизм, за человеческие ценности. И уже не только к «всемерному укреплению» и «теснейшему сплочению» будет призывать «Правда» – а скажет симоновскими строками:

Жди меня, и я вернусь, только очень жди.

Теперь газета будет изо дня в день рассказывать о буднях страны, трудно собирающей силы для ответного удара. В ней появятся прекрасные публицисты, лучшие писатели и хорошие поэты. Ее корреспонденты будут отступать с нашими войсками и наступать с ними, а иногда и сражаться рядом. Одни погибнут, другие дойдут до Берлина, а потом расскажут читателю о Нюрнбергском процессе.

И на несколько военных лет это станет очень живая, очень человеческая газета.

ИТАР-ТАСС

Оксана Носовицкая

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

1180 эссе, аудио- и видео- материалов и более 700 фотографий поступило на конкурс, который проводился в рамках объявленной фондом «Русский мир» акции «Русский мир – память сердца», приуроченной к 65-летию Великой Победы.

Редакция отбрала лишь малую толику фрагментов из присланных текстов. Подбирая наиболее интересные и значимые, на наш взгляд, рассказы о войне, мы старались исключить те эссе, которые уже были опубликованы в различных изданиях, книгах или Интернете.

ДОЖИТЬ ДО 65-ЛЕТИЯ ПОБЕДЫ

Я помню девушку-бойца, которая, смеясь, говорила, что после войны ни за что не будет носить тяжести – за четыре года мы перенесли сотни тонн ящиков с боеприпасами, – а через час после нашего разговора мы с трудом находили фрагменты ее тела. Она не успела дожечь до пушки...

Помню молодого красивого летчика с голубыми глазами, неподвижно смотрящими в небо. Его самолет подбили, он упал недалеко от нашей батареи.

Помню радость и ликование воинов, доживших до Победы.

Демобилизовали меня осенью 1945 года. Ехала домой, на вокзале уснула в ожидании поезда. Меня не могли разбудить сутки, думали – неживая... Мне часто снится война. Кричу во сне: «Параметры дальности, высоты и 180 выстрелов в минуту огонь!!!»

Воевала с черной чумой фашизма, национализмом, а теперь мои противники – болезни. У меня есть мечта – дожить до 65-летия Победы. Я хочу донести до великого юбилея живую память и живое слово. Бог не зря хранит мою жизнь. После всего перенесенного – это чудо. Возможно, смысл моей жизни в том, чтобы вы, дорогие мои молодые люди, прочли эту статью и всегда

храли мир в душе, в своих семьях, потому что мир – это ценность, завоевание которой дается очень нелегко. Мира вам, дорогие мои!

Людмила Акимовна Разживина,
ветеран ВОВ, 1922 г. р., Тирасполь,
Республика Молдова

ПОД МОСКОВЬЮ

Особо запомнился и запал в душу рассказ, как в ноябре–декабре 1941 года отец с группой солдат попал в окружение под Москвой. Среди нескольких десятков молодых солдат он, младший лейтенант, был старшим по званию.

Гитлеровцы через динамики громко кричали: «Рус, сдавайся! Выдайте комиссаров, коммунистов, комсомольцев и евреев. Солдат отпустим!» Отец видел, что от холода и голода силы и уверенность у солдат уменьшаются. Часовыми на ночь он назначал только комсомольцев и еврея, говоря, что, если заснут, попадем в плен, тогда пощады от фашистов не будет в первую очередь им. На выручку уже не надеялись. В очень выюжную, морозную ночь на восемнадцатые сутки окружения они тенью прокрользнули через немецкую батарею – первую линию окружения – и соединились с другими нашими окружеными. В это время началось знаменитое контрнаступление под Москвой. Пришло спасение.

Опухшего от голода, обмороженного отца увозят в Москву на переформирование. Через день–два без лечения и отдыха отца сразу же отправляют на передовую. Наград за стойкость и мужество в то время не давали, да их никто и не ожидал, не до этого было: Отечество в опасности, и дело солдата защищать его.

Николай Кобыляков, 1939 г. р.,
Донецк, Украина – о своем отце
Митрофане Игнатьевиче Кобылякове

БЛОКАДНИКИ

Я и моя сестра Тамара родились в Ленинграде на улице Чайковского в хорошей и дружной семье Фетисовых, мама Серафима Александровна и папа Василий Петрович.

Летом 1941 года мне было уже шесть лет. Тамаре исполнилось тринадцать. Я помню, отец сказал про Германию: «Пусть нам покажут эту страну на карте – мы ее шапками закидаем». Но случилось так, как случилось...

Сначала при бомбёжках мы уходили в подвал, где было оборудовано бомбоубежище. У нас в комнате появилась буржуйка, мы заклеили окна полосками газет крест-накрест и плотно их занавешивали, чтобы при бомбёжке или обстреле разбитые стекла не могли разлететься по комнате. А во время бомбёжки зажигали лампочки синего цвета. С улицы дом обходили дворники, они следили, чтобы не был виден

свет. Когда электричества не стало, мы жили со свечками. Дрова доставал папа. После бомбёжек он ходил к разбитым домам и оттуда приносил разные деревянные обломки.

…В доме отключили отопление, перестал работать водопровод. Мама сажала меня на санки, в ноги ставила большой чайник, и мы шли за водой на Неву, в сторону Литейного моста. Зимой выпало много снега, на тротуарах лежали сугробы, для прохода были узкие тропинки. Чтобы люди не сталкивались в темноте, всем дали покрытые фосфором значки на булавках – их прикрепляли на левое плечо.

Сестра Тамара помогала бойцам МПВО. С одного дежурства ее принесли в обморок от взрыва, а в ее одежде было много осколков стекла.

Вадим Васильевич Фетисов, 1935 г. р.,
Санкт-Петербург

ДВЕ КАРТОЧКИ

22 июня – мой день рождения, в тот страшный год мне исполнилось тринадцать лет. Первое слово, которое я услышала утром, было «война». У нас не было света, стекол в окнах, но были бомбёжки, разрушения и очень много мертвых. В нашей квартире жили соседи – мать с взрослой дочерью Машей. Мать умерла в начале октября, и всю зиму дочь прятала ее труп под кроватью, на которой спала. В последних числах каждого месяца Маша доставала труп из-под кровати, клала к себе в постель и спала с мертвой матерью до первых чисел следующего месяца. В это время по квартирам ходили определенные для этого люди и проверяли наличие живых. Маша получала две карточки и смогла выжить. Еще одна женщина в нашем доме поступала так же, до проверки унося умершего на чердак.

Зиму мы почти не мылись, первый раз в баню пошли в конце апреля. Нам выдали талончики и по маленькому кусочку мыла. В бане работало только одно отделение, мужчины и женщины мылись и одевались вместе.

…Нам, подросткам, поручали ходить по квартирам, смотреть, нет ли умерших. Квартиры и комнаты все были открыты, запертые двери оставили только те, кто уехал в эвакуацию.

Страшно было все время, но особенно страшно стало, когда на несколько дней замолчало радио и по нему даже слышались фразы на немецком. Это было, когда фашисты подошли совсем близко к городу и жители Московского района стали перебираться к нам в центр.

Тамара Васильевна Фетисова, 1928 г. р.,
Санкт-Петербург

ВЕРНУЛСЯ С ТОГО СВЕТА

3 сентября 1941 года командование Ленинградским фронтом принял Жуков, тогда еще генерал армии. В ротах о его прибытии знали,

ОКСАНА НОСОВИЦКАЯ

отзывались уважительно: «У, свирепый, спуску не дает. Штабных палкой бьет! Этот наведет порядок!» Во всяком случае, к очередной попытке прорыва готовились более основательно... Но и немцы не дремали. Их артналеты были резкими и точными. Над нашими позициями постоянно зависали двухфюзеляжные разведчики-корректировщики «Фокке-Вульф-189», прозванные солдатами «Рама». Мы были у фашистских летчиков как на ладони. Зенитчики говорили, что сбить этот маневренный самолет почти невозможно. Жаль, но у нас до конца войны ничего подобного так и не появилось.

Новое наступление началось 21 сентября. Ночью броском со стороны Ленинграда советские войска захватили плацдарм на Невской Дубровке. Наша 54-я армия получила приказ наступать им навстречу для соединения в районе Синявино. Когда в роте готовились к атаке, слышали дальнюю канонаду орудий, бьющих из осажденного Ленинграда. Но начался ответный артналет немцев. Снаряды вокруг рвались столь плотно, что вместо команды: «В атаку!» – услышали другую: «В укрытие!» В блиндаже нас было человек одиннадцать. Лица у всех были тревожные, в глазах вопрос: «Минует, не минует?» Не миновало. Тяжелый снаряд ударил в место, где накат опирается на грунт. Мощный взрыв сдвинул тонны земли в блиндаж – в перемешку с бревнами и снарядными ящиками. Мы оказались похороненными на двухметровой глубине. Всего этого я, оглушенный взры-

вом, видеть уже не мог. Не задохнулся, видимо, только потому, что меня накрыло стенкой блиндажа. Благодаря этому под землей сохранилось немного свободного пространства. Ничего этого не помню.

Меня спасли саперы, пришедшие к блиндажу оценить степень разрушений. На передовой разбитые укрепления надлежало немедленно восстанавливать. Откапывали нас четыре часа. Добрались и до меня, вытащили из болотной жижи, пощупали пульс – жив.

Из одиннадцати в живых нас осталось четверо. Выручил меня слой торфяника: осколки, увязнув в нем, не достали до тела. Ребят, которые на другой стороне блиндажа сидели, побило всех. Нас отправили в медсанбат. Впереди шел бой, оттуда возвращались грузовики боевого обеспечения – нашлось место в кузове и для меня. Так я возвратился, как Василий Теркин, с того света! До конца дней буду благодарить своих спасителей за второе рождение.

Очнулся я уже в 461-м медсанбате, на полу. Свет, все вижу! Большая палатка, на дощатых настилах лежит много раненых. Я – отдельно, у входа. Сразу мелькнула тревожная мысль: «Может, отложили в сторону как безнадежного?» Все тело гудело, боль везде. Состояние было, будто угодил под 20-тонный пресс на родном заводе «Электросталь», где до войны работал кузнецом. Но руки-ноги целы, двигаются. Нащупал на шее табличку, поднес к глазам, разобрал надпись: «К/ц (красноармеец) Простяков. Д/з (диагноз) – перелом основания

черепа». Фамилию, наверное, со смертного медальона списали – такие у всех были. С жутким предчувствием покрутил головой – ничего, поворачивается!

Раненые позвали врача. Закон такой был: если кто-то рядом очнулся, сразу звать. Пришла женщина, младший военврач, немолодая. Увидела, что головой кручу, долго позвонки шупала. О чём-то спросила. Я видел – губы двигаются, но не слышал ни слова. Поняла, по плечу погладила, кивнула ободряюще: «Жить будешь!» Я пытался заговорить, но тоже ничего не получилось, только мычание какое-то.

Потом узнал, почему медики поставили мне безнадежный диагноз. Немудрено: когда доставили в санбат, из ушей и изо рта шла кровь – верный признак черепно-мозговой травмы. Но когда разобрались, уточнили – череп цел. Есть тяжелейшая, третьей, высшей степени контузия с повреждением барабанных перепонок. Еще бы, взрыв был такой силы, что латунные гильзы в блиндаже сплющило.

…Дней через десять на комиссии главный врач медсанбата внимательно прочитал записи, заставил пройтись, присесть. Зачем-то спросил, кем работал до войны, какое образование. Потом, усадив поближе, огласил решение: «Боец ты пока никакой, но просьбу твою – остаться на фронте – уважим. Пойдешь на курсы санинструкторов. Там заодно долечишься, восстановишься».

**Михаил Иванович Простяков,
ветеран ВОВ, 1916 г. р., Ярославль,
записал его сын С.М. Простяков, 1953 г. р.**

ЭВАКУАЦИЯ

Передвойной папу направили в небольшой молдавский городок Оргеев. Туда же перебралась и вся наша семья – мама, ее родители и мы, три девочки – девяти, шести и четырех лет. Новая обстановка, новая школа, новые друзья, обилие фруктов, красота природы – казалось, счастье наше будет бесконечным! Но… 22 июня 1941 года небо покрыли сотни оглушительно ревущих самолетов, на нас сыпалась бомбы, всюду рвались снаряды, свистели пули… Страшно кричали раненые, рушились дома… Никто, даже взрослые, не понимал, что происходит.

Через несколько дней кошмара нас посадили на подводы, разрешив взять только самые необходимые вещи, и повезли. Это называлось непонятно пугающим словом «эвакуация». Так уезжали мы, так уходило наше детство…

…В Резине прятались от бомбёжек в траве какого-то парка на берегу Днестра в ожидании переправы. Переправляли нас на другой берег, в город Рыбницу, на военной машине по понтонному мосту. Только мы оказались на

другом берегу, как вновь гул самолетов, грохот взрывов, взлетающие вверх части машин и изувеченных тел, а самое страшное – фонтаны днестровской воды, окрашенные человеческой кровью. И вокруг боль, страх, смерть… Не видя врага, мы уже ненавидели и боялись этих фашистов, которые растерзали наши детские души, украли наше детство! Вот и сейчас, много лет спустя, не могу сдержать слез. Это невозможно передать словами, и дай Бог, чтобы никто из живущих никогда не столкнулся с тем ужасом, с тем адом, через который прошли мы… А что же дальше? А дальше нас погрузили на открытые железнодорожные платформы, и состав отправился. Куда? В неизвестность… В дорогу длиной один месяц и четыре дня… Теснота на платформах, часто ехали без остановок по три-четыре дня. Ни воды, ни еды. Бомбёжки были, но нам везло: они или начинались после отправления нашего состава с очередной станции, или же заканчивались перед нашим прибытием. Отрадные ощущения приносили и теплые июльские дожди: тогда, во-первых, не было налетов, во-вторых, дождевой влагой можно было утолить жажду и хоть частично смыть грязь с тела. Особенно радовались грозе!

…Пережили зиму 1941 года, а год 1942-й привнес очередную беду: умер любимый дедушка, наш учитель и друг… Навсегда он остался в земле Краснодарского края. Не успели отойти от этой беды, как маму призвали в армию, а нас с бабушкой эвакуировали в Азербайджан, в город Кировабад, – немцы приближались. Опять ехали, не зная куда и на сколько. Наскоро сделанный откидной столик, табуретка, две солдатские кровати с госпитальной свалки и два наших чемодана – вот и все, что у нас было… Получили продовольственные карточки. Хорошо помню, что нам, детям, полагалось по 400 граммов хлеба, а бабушке – 300 граммов. Большую часть нашего рациона составляли травы, молодые побеги сосны, фрукты, часто еще не зрелые – лишь бы чем-то заполнить желудки. Не знали мы тогда, что все наши беды еще впереди. Не знали, что в чужом городе среди чужих людей мы останемся совершенно одни, затравленные, голодные и никому-никому не нужные: в больнице умерла бабушка, иссохшая от болезней и голода. Нам не сразу сказали о ее смерти. Врач нас утешал, бабушку похоронили как полагается, ведь она мать двух воинов… Но беда никогда не приходит одна. То ли мы потеряли, то ли у нас украли продовольственные карточки на целый месяц! Что делать? Где и у кого искать помощи?.. Спасла нас от смерти… госпитальная помойка. Здесь мы собирали очистки от свеклы, моркови, пастернака и других овощей. Не было лишь картофельных очисток, потому что в госпиталь привозили

картошку сушеную. Вот это мы все собирали, варили и ели. А уж недостатка во фруктах никогда не было!

Это был 1942 год, я должна была учиться в четвертом классе, но вместо этого приходилось заниматься уборкой квартиры напротив и выполнять прихоти и капризы ее хозяйки. А она, между прочим, была работником Верховного Совета Азербайджанской ССР. За работу я получала тарелку супа, которую несла сестричкам, а сама тайком вылизывала то, что оставалось в тарелках хозяйки и ее дочки, и доедала подгоревшие корочки хлеба. Хозяева их не ели, а для меня они были неземным лакомством!

О родителях мы ничего не знали, в школе городские всячески обзывали, сторонились нас. Мы были плохо одеты, полуоголенные, но очень хотели учиться! В детдоме мы были помощниками старших и гордились этим, а в школе нас не считали людьми. Нас не понимали одноклассники, когда на большой перемене нам давали завтрак, — небольшой кусочек хлеба, посыпанный сахаром. Мы были нескованно рады ему, а домашние дети лепили из этих дорогих нам кусочков черного хлеба шарики и стреляли ими в нас... Наверное, с того времени остался страх, когда вечером вижу хлебницу пустой...

Но что с родителями, живы ли они? Однажды, когда мне разрешили навестить младшую сестру, на обратном пути в электричке со мной заговорил пожилой мужчина, спрашивая, почему я плачу. Я почему-то рассказала ему нашу историю. Он проводил меня до детдома, о чем-то долго говорил с директором. Думаю, именно ему мы обязаны тем, что меня вскоре перевели в детдом, где находилась средняя сестра, а через несколько месяцев с нами уже была и младшая. Наконец мы снова вместе!

С помощью завуча детдома Биюк-ханум написали маме письмо на тот адрес полевой почты, что были когда-то. Написали наугад, очень надеясь получить какую-нибудь весточку. Мама служила в 5-й воздушной армии на 2-м Украинском фронте. И ответ получили! Но радость была недолгой, через некоторое время сослуживцы сообщили, что мама погибла в марте 1944-го в Молдавии... На нас словно обрушилось небо, уже все пережитое до сих пор казалось не таким страшным... Мы потеряли самого дорогого человека, нашу мамочку. Как жить дальше? И стоит ли вообще жить? Не знаю, как поступила бы тогда, если бы через несколько дней не получила письмо... от мамы! Она писала, что произошла ошибка, что она жива и очень скучает по нас.

Узнав от мамы, где мы находимся, за нами приехала сестра отца и забрала нас. Мои милые, родные тетя, дядя и бабушка! Сколько слез они пролили, сколько сил и нервов потратили, что-

бы привести нас, дистроиков, в нормальное состояние... А 14 августа 1945 года мы увидели идущих по дороге мужчину и женщину с орденами и медалями на груди. Не сразу поняли, что вот оно, наше истинное счастье, — ведь за нами приехали наши мама и папа! Израненные, измученные, но живые мама и папа!

**Галина Васильевна Полянская, 1931 г. р.,
Бельцы, Республика Молдова**

Я РОДОМ ИЗ... ВОЙНЫ

Когда началась Великая Отечественная война, мне было пять лет и я жил с бабушкой и теткой в селе на Житомирщине. Помню взволнованные лица взрослых, огромное количество немецких самолетов, летевших со страшным гулом на Киев. Мимо нашего двора в туче пыли гнали на восток ревущее колхозное стадо, плакали стоявшие вдоль дороги женщины... Позвонила из Киева мать и попросила привезти меня к ней. Тетю Лизу, ворошиловского стрелка, активистку, зачислили в партизанский отряд, она должна была уйти в лес, если село займут фашисты, и поэтому уехать не могла. Она добилась лишь разрешения отлучиться на один-два дня, чтобы отвезти бабушку и меня в райцентр Олевск к другой маминой сестре, тете Гене.

Тетка в Олевске работала шеф-поваром в вокзальном ресторане, и мы должны были с ней добираться до Киева. Но выехать из села было не на чем. Казалось, мы обречены здесь оставаться. Это как-то не очень и пугало. Вспоминая Первую мировую войну, люди говорили, что немцы тогда никого не трогали и лишь однажды пьяный солдат застрелил мужика за «дерзкий отказ» дать ему деньги на выпивку. Да и война должна была закончиться дней через двадцать, как я слышал от взрослых. Наш дом стоял в центре села среди общественных зданий, поэтому к нам неоднократно просили переночевать военные разных рангов, в том числе и генералы с «ромбами». Бабушка была очень гостеприимна. И вот проезжали через село на трехтонке «Урал-ЗИС» два солдата. Они попросились переночевать. Рано утром тетка попросила их отвезти нас в Олевск. Им было по пути, и они согласились. Оставив на пару дней корм корове и курам, мы уехали, взяв минимум вещей. Тетка предупредила соседей, что скоро вернется, и оставила им ключи от дома и сарая.

В Олевске мы с плачем попрощались с тетей Лизой, и она ушла пешком в село, до которого было 20 километров. Каково же было наше удивление, когда через сутки она вернулась в Олевск, голодная, измученная. На ней лица не было. Оказалось, вскоре после нашего отъезда село заняли немцы. Она переживала, что не сможет выполнить свой долг. К счастью, дальнейшее продвижение немецких войск затормо-

ОКСАНА НОСОВИЦКАЯ

зилось. Эвакуироваться из Олевска сразу мы не могли: тете Гене приказали кормить отступающих бойцов, пригрозив расстрелом в случае отказа. А когда разрешили эвакуироваться, поезда уже не ходили. И сотни людей разошлись по своим домам. Довелось мне, ребенку, в этот день видеть жуткую картину расстрела. Какого-то военного, велев снять сапоги и ремень, поставили возле вагона. Прозвучал выстрел, мужчина упал, его небрежно закопали...

Казалось, городок обезлюдел. Стояла мертвая тишина. Власти и войска покинули Олевск как-то незаметно. Но немцы, видимо, не решились занять его на ночь глядя или не знали, что он покинут. Мы были обречены на неминуемую смерть. Ужас этой ночи не забуду никогда. И тогда моя младшая тетка, в состоянии какого-то безумного отчаяния, помчалась на станцию. Не знаю, на что она надеялась, о чем думала, что ею двигало. Надежда на чудо?

И случилось чудо. На путях стояли прицепленные к маневровому паровозику две платформы с танками. Несколько бойцов заканчивали приготовления к отправлению. Тетка обратилась к командиру группы со слезной просьбой взять нас с собой. Командир согласился. Он сам постоянно обедал в ресторане и знал, какой приказ она выполняла. Но группа должна была срочно покинуть обреченный городок до рассвета, поэтому он дал нам на сборы всего 10 минут. Тетя примчалась домой. Наш весьма скромный скарб и не распаковывался, но сборы все-таки заняли больше времени: запрягли лошадь и с мак-

симальной скоростью помчались на станцию. Но на ближайшем перекрестке мы услышали короткий паровозный гудок. Сигналы были в то время отменены, и этот гудок, скорее всего, означал извинительное «прощайте». Свернули в боковую улочку, чтобы опередить поезд. Выехав к подножию высокой насыпи, мы увидели, что поезд скрывается за бутром, с которого начинался спуск: паровоза уже не было видно, первая платформа скрылась наполовину. Женщины залились плачем. Я не видел, что происходит, но услышал какой-то топот. Оказалось, нас заметили с платформы, командир остановил паровоз и послал за нами бойцов. Они схватили всех нас и наши вещи и доставили на платформу. И паровоз, выпустив из трубы густой клуб дыма, помчался дальше от городка...

Леонид Брайман, 1935 г. р., Гамбург

В ОККУПАЦИИ

...Мой дедушка Гузиков Василий Иванович, партизан-подпольщик, был казнен немецко-фашистскими захватчиками в ноябре 1941 года в поселке Красное Знамя. Это произошло на глазах жителей поселка и моей мамы, которой в то время было всего десять лет. Баба Дуня ничего не рассказывала о том, как все это происходило. И всякий раз, когда я расспрашивал ее о моем дедушке, она говорила: «Твой дедушка герой, внучек, ты можешь им гордиться!»

...Поселок Красное Знамя более двух лет оставался на оккупированной территории – лишь 24 сентября 1943 года сюда вернулись советские

Оксана Носовицкая

войска. Населению пришлось тяжело в оккупации. После казней партизан начались аресты и расстрелы членов семей казненных и сочувствующих им. Полицаи и фашисты зверствовали. Люди как могли помогали друг другу выжить. Мою бабушку Гузикову Лидию Киреевну и ее десятилетнюю дочь Майю (мою маму) прятали по дворам в соседних деревнях, а во время облав, случалось, укрывали в навозных ямах. Приходилось зажимать во рту трубку из бузины, чтобы была возможность дышать. С ранней весны до поздней осени, чтобы не подвергать опасности жизни селян, мои бабушки Лидия и Евдокия вместе с моей мамой прятались в лесу. Выжили они лишь потому, что баба Дуня умудрилась спрятать в лесу от немцев кормилицу-корову. В поселок они вернулись только после освобождения его советскими войсками. Домов, в которых они жили до войны, не осталось, их сожгли катарели. Зиму 1943/44 года мои родные пережили в солдатской землянке, сделанной красноармейцами во время наступательной операции. Долгие годы, вплоть до конца жизни, Лидия и Евдокия ухаживали за могилой Василия Гузикова. Мне известно, что останки моего деда покоятся на территории старого кладбища деревни Тростино, где летом этого года я намереваюсь со своим братом Виктором отыскать захоронение деда и казненных с ним товарищей. Думаю, в этом нам окажут посильную помощь руководители местных органов самоуправления, молодежь и активисты поселка Красное Знамя и деревни Тростино. Это будет нашим посиль-

ным вкладом в увековечение памяти погибших воинов в честь 65-летия Победы советского народа над фашистской Германией.

Олег Викторович Волынкин, 1954 г. р., Иваново

МАТЕРИНСКИЕ ОБЪЯТИЯ

Во время выполнения боевого задания по разведке Иван Митченко взял языка, за что был награжден медалью «За боевые заслуги». Много горя повидал Иван Константинович в тех боях, хоронил одного за другим друзей, сам чудом остался жив, но, словно награда свыше, была ему преподнесена войной незабываемая встреча. Состав, в котором Иван следовал на фронт, остановился на отдых на небольшой станции Максимово (Смоленск) – его родине. Сестра, работавшая на станции, увидела брата и побежала за матерью. Мать второпях схватила ковш с молоком и, расплескивая его, помчалась на станцию. Короткая счастливая встреча состоялась. Материнские объятия прибавили Ивану душевных сил, уверенности в скорую Победу над врагом, в скорое возвращение домой.

...Фронтовая память неподвластна времени: до сих пор в деталях помнят бои на участках сражений жители Ленска Республики Саха (Якутия) П.Г. Татарченко, Н.Ф. Федоров, В.А. Кузнецов, И.К. Митченко и А.А. Семенов. С последними двумя я встретилась с целью сохранить их воспоминания для будущего, чтобы понять зло и ужас войны.

Екатерина Петровна Никифорова, 1950 г. р., Ленск, Республика Саха (Якутия)

«СТЕРЕТЬ ПАМЯТЬ СЕРДЦА НЕВОЗМОЖНО!»

Мой дед Алексей Ярёмов нечасто рассказывал о своем участии в войне, так как на протяжении всех военных лет он прослужил на границе с Японией.

Сохранять память о войне в условиях национального государства чрезвычайно трудно. Вектор официальных властей страны сегодня направлен на ее уничтожение: заявления руководства страны о том, что эта война была не Отечественной, а навязанной коммунистическим произволом, позиция воздержания при принятии резолюции, осуждающей злодеяния фашизма на Генеральной Ассамблее ООН, переименование Дня Победы в день окончания Второй мировой войны. Уже несколько лет над моим родным Кишиневом 9 мая не рассыпается алыми звездами праздничный салют. Но стереть память сердца невозможно! Она проснулась после кошмарного сна, во время которого мемориалы и братские могилы воинов застали буряном, а ветеранов, казалось, забыли навсегда. Но снова весенним утром бесконечный поток людей движется к воинскому мемориалу. Идут к Вечному огню фронтовики, их дети, внуки и правнуки, в торжественном молчании возлагая цветы к святому пламени. И это вновь и вновь подтверждает то, что память сердца неподвластна времени. Оно не смогло победить моих друзей-ветеранов, ушедших в иной мир, потому что они живы – в моем сердце, в этих строках о них.

Я рад, что успел прикоснуться к этому величественному поколению, видел их глаза и слышал рассказы. Будущие поколения будут намного беднее меня, ведь им этого не испытать и не увидеть. Но вечную память о войне лучшие из пришедших в этот мир через много лет пронесут с честью и достоинством, как святыню, в своих сердцах. «...Хранить – это дело почетное тоже» – так пел Владимир Высоцкий. А быть хранителем памяти о Великой Отечественной войне, о ее солдатах и командах, о подвигах и лишениях, о горечи поражений и радости побед, о тех огненных годах – это самая высокая должность, которую может занимать человек.

**Алексей Владимирович Петрович,
Кишинев, Республика Молдова**

В ОСАЖДЕННОЙ МОСКВЕ

О начале войны я узнал из выступления Молотова по радио на станции поселка Бирюлево, где мы тогда жили.

Конечно, мы, четырнадцати-пятнадцатилетние мальчишки, очень жалели, что не успеем пойти на войну, так как были уверены, что она закончится через две-три недели в Берлине. Но все оказалось совсем не так. Некоторые из нас не только успели пойти воевать, но и погибли на этой войне.

...В середине июля была объявлена воздушная тревога. Гудели прерывисто и тревожно паровозы на товарной станции, стреляли зенитки, по небу шарили столбы прожекторов. Над Москвой стояла сплошная огненная полоса от разрывов зенитных снарядов. Было очень страшно. Казалось, вся Москва горит. Только потом мы узнали, что это была учебная тревога.

Поэтому когда 21 июля в 21.00 вновь загудели паровозы, мы были спокойны. А я еще шутил, что это салют к моему дню рождения – 22 июля. Но когда в небе раздалось своеобразное завывание бомбардировщиков, когда немцы развесили осветительные ракеты на парашютах и в перекрестья прожекторов попадали самолеты, а по крышам щелкали осколки от зениток, мы поняли, что это – не учения, а налет фашистов. Немцы и дальше с пугающей пунктуальностью совершали налеты точно в 9 часов вечера.

Так начались дни тревог, налеты и бомбежки. Нередко немцы, не сумев пробиться к Москве через заградительный огонь, сбрасывали бомбы где попало. Падали они и на Бирюлево.

В эти голодные военные дни надо было работать. Трудился я и на сельхозработах в ближайшем селе, работал и учеником слесаря, и подручным литеящика на заводе «Серп и Молот», за что был потом удостоен звания ветерана Великой Отечественной войны как «труженик тыла».

Многое можно вспомнить о тех временах, но особо хочется рассказать об одном эпизоде того времени.

С середины октября до конца ноября 1941 года царило какое-то тревожное затишье, хотя немцы по-прежнему стояли под Москвой. А в конце ноября наш поселок был запружен войсками. Это были знаменитые сибиряки, которые потом приняли участие в операции под Москвой и обеспечили разгром немцев.

Мой отец-инвалид, потерявший ногу на Первой мировой, взял на постой отделение из шести человек, хотя мы вдевятером теснились в трех комнатах. Пятеро солдат были якутами, почти не говорившими по-русски. Шестой, сержант Архипов, был русским, он знал якутский язык. У них были две волокушки и два противотанковых ружья.

Солдаты были такими же вечно голодными, как и мы. Каждую осень мы набирали несколько мешков желудей, а мать их жарила для козы. Так было и в этот раз. Однажды один из солдат поинтересовался, что мать жарит и можно ли это есть. Мать угостила его и после этого ежедневно кормила их жареными желудями. Когда через некоторое время они уходили на фронт, мы прощались с ними как с родными, обнимались, целовались, плакали, а мать насыпала каждому в вещмешок жареных желудей.

Юрий Семенович Казакевич, Москва

В ПОЛНОМ ПОРЯДКЕ

Михаил Быков

Слово «орден» пришло к нам от германцев, а к ним, в свою очередь, попало из латинского языка. «Ордо» – значит «ряд», «порядок». Так что порядок в танковых войсках – это когда полна грудь орденов у танкистов. По-моему, логично.

П

ОСЛЕ 9 МАЯ 1945 ГОДА ПОЛНЫЙ ПОРЯДОК наступил не только в танковых войсках Советской армии, но и в пехоте, артиллерии, авиации и во флоте. А также – среди пограничников и интендантов, военврачей и контрразведчиков «Смерш», бывших партизан и героев трудового фронта. Среди всех, кто отличился на разных фронтах, освобождая Варшаву и Будапешт, Бухарест и Белград, Вену и Прагу. Кто брал Кенигсберг и Берлин. Среди всех, кто, так или иначе, помогал брать этот треклятый Берлин! Именно в мае 1945-го были учреждены медали в память об этих сражениях и медаль «За победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Они украсили гимнастерки и кители миллионов солдат и офицеров, а также гражданских лиц, получавших награды согласно статуту. Но начиналось все по-другому.

ОРДЕН КРАСНОГО ЗНАМЕНИ

Не прошло и года с октябрьских событий 1917-го в Петрограде, как новая власть поняла, что одной благодарности перед строем боевых товарищем мало: в будущем может отменить атрибуты старого режима, в том числе и такие, как орден Святого Георгия. Но как уничтожить от природы свойственные человеку честолюбие и гордость? 16 сентября 1918 года учредили первый советский орден – «Красное Знамя РСФСР». После возникновения Советского Союза в 1922 году ордену соответственным образом изменили название. Правда, не сразу: постановление ЦИК СССР подоспело

только к 1 августа 1924-го.

А орденский статут, то есть правила награждения, появился лишь в 1932-м. С этого момента награда стала называться привычно – орден Красного Знамени. И с этого времени орден перестали носить на красном банте и на шинели. Но продолжали крепить его на левой стороне груди на винте. Пятиугольную колодку с шелковой красно-белой

лентой ввели уже летом 1943 года. Когда награждение орденом Красного Знамени стало в войсках довольно привычным явлением. А в первые месяцы войны «Знамя» давали скромнее. Еще скромнее выглядели наградные списки осенью 41-го, когда исход битвы за Москву был неясен. Тем не менее первый орден Красного Знамени военного времени получил старший политрук (то есть – капитан) Александр Артемов. 22 июня 1941 года заместитель командира 127-го истребительного авиаполка по по-

литчили совершил 9 боевых вылетов и сбил 3 немецких самолета. За что и был представлен к награде.

Первой «краснознаменной» воинской частью Великой Отечественной оказалась 99-я стрелковая дивизия. В сентябре 1939 года она стала гарнизоном в Перемышле да так там войну и встретила. Лихо встретила, надо сказать. Так уж случилось, что именно этой дивизией командовал генерал-майор Власов. Вот такие причуды судьбы... Потом дивизия сражалась в Сталинграде. В 1943-м, когда Власов уже вовсю экспериментировал в форме вермахта над созданием РОА, геройская 99-я стрелковая превратилась в 88-ю гвардейскую.

Всего за годы войны орден Красного Знамени получили свыше 3 тысяч частей, соединений, кораблей и предприятий. Орденоносцами стали 238 тысяч человек. Самым молодым оказался 12-летний киевлянин Игорь Кравчук, спасший два полковых знамени.

ОРДЕН ЛЕНИНА

Этот главный советский орден появился 30 апреля 1930 года (на фото внизу именно он. – Прим. ред.). По статуту он не был сугубо военной наградой. Рекордсмен всех времен Николай Патоличев на фронте не воевал, но имел 12 орденов Ленина. Боевой генерал Василий Чуйков, защищавший Сталинград, отстал от министра торговли на 3 награды, а маршал Жуков – на 6. Всего же в годы войны орденом Ленина наградили свыше 41 тысячи человек и 207 воинских частей и кораблей.

31 августа 1941 года орден Ленина получил 355-й стрелковый полк знаменитой «Сотой». Последней по списку номерной дивизии Красной армии, ставшей в сентябре того же года

ИТАР-ТАСС

первой дивизией советской гвардии, за Ельню. Орденом полк наградили тоже за Смоленщину. Командир дивизии Герой Советского Союза Руссиянов так вспоминал те дни: «...рано утром 1 сентября я добрался до КП 355-го стрелкового полка. Старший батальонный комиссар Гутник доложил мне, что полк ведет наступление на Радутино, несет большие потери. Передо мной предстала панорама гладкого, как доска, желтого скошенного поля перед деревней. Никаких укрытий... «Залегли», — мелькнуло в голове. «Поднять, во что бы то ни стало поднять!» — стучало в висках. В этот момент я отчетливо понимал, что поднимать батальон в атаку надо именно мне... Атака была стремительной. Подразделения ворвались в Радутино».

Вот так: вчера — орден Ленина, а сегодня — атака на пулеметы в лоб!

В период с 15 августа по 14 октября 1941 года полком командовали четыре человека — Шварев, Гутник, Комаров, Багдасаров. В эти два месяца погибли все четверо.

В последний день лета первого года войны орден Ленина получил и 17-й мотострелковый полк 17-й танковой дивизии.

ОРДЕН КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ

Одновременно с орденом Ленина появился и орден Красной Звезды. Любопытно, что первым кавалером этой награды стал командарм Василий Блохер. Он же 12 годами ранее получил и первый орден «Красное Знамя РСФСР».

«Звездочка» — самый массовый советский военный орден. Только в годы Великой Отечественной его вручили 2 миллиона 860 тысяч раз 2 миллионам военнослужащих. Однако это никак не умаляет его ценности. Вместе с орденами Отечественной войны первой и второй степени он составлял так называемый «офицерский набор» младших командиров пехоты, которых, в отличие от летчиков и танкистов, менее охотно представляли к так называемым полководческим орденам.

Некоторая девальвация ордена произошла уже после войны, когда им стали награждать за выслугу лет. В каком-то смысле «Красная Звезда» повторила историю ордена Георгия четвертой степени, который также в течение нескольких десятков лет вручали за добросовестную службу. И в обоих случаях власти одумывались. Статус «Звездочки» окреп сразу после декабря 1979-го, когда советские колонны двинулись через Панджшер и далее — на Баграм, Джелалабад и Кандагар.

Это, кстати, единственный советский орден, который за 61 год существования не менял обличья.

С 1943 года орден начали носить на правой стороне груди на штифтах. Размах звездных лучей — почти 5 сантиметров. Интересно, как

приходилось крепить ордена Красной Звезды подполковнику танковых войск Василию Силантьеву, если их у него было... шесть?!

Причем четыре — боевых, полученных в августе 43-го — за Орел, в октябре 43-го — за Днепр, в сентябре 44-го — за освобождение Украины и в мае 45-го — за Берлин и Прагу.

А первую «Звездочку» Великой Отечественной получил летчик. 8 июля 1941 года бомбардировщики возвращались с задания, но напоролись на группу фашистских «мессеров». Те рыскали в небе в поисках русских, только что разбомбивших танковую колонну на марше. Стрелок-радист младший сержант Дмитрий Беловол сбил трех немцев, сам с четырьмя ранениями чудом дотянул до медсанбата.

Были в истории ордена и веселые страницы. В 1954 году еще оставались в живых 45 моряков, сражавшихся с японцами при Чемульпо на борту крейсера «Варяг» и канонерки «Кореец». В честь 50-летнего юбилея их подвига было решено наградить всех медалью «За отвагу». Наградили. На следующий год выяснили, что некоторые после возвращения с Русско-японской войны попали служить на броненосец «Потемкин», восставший в 1905-м. Вновь пришел юбилей. И кочегар «Варяга» Петр Поляков вместе с товарищами в 1955 году стал еще и кавалером ордена Красной Звезды.

ОРДЕН ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

20 мая 1942 года орденская планка пополнилась. Был учрежден орден Отечественной войны двух степеней. Кстати, впервые в советской истории. Ранее считалось, что степени – это царские игрушки.

К этой награде вообще очень подходит слово «впервые». «ОВ» – первый среди орденов, получивший четко прописанный статут, в котором были перечислены все наградные поводы в точных формулировках. «ОВ» – единственный орден, вплоть до 1977 года, остававшийся семье после смерти кавалера. «ОВ» – первый орден, который носили на прямоугольной подвеске с красной лентой. Правда, эта практика была прекращена указом от 19 июля 1943-го. Наконец, орден Отечественной войны – первый из орденов, появившихся после ее начала. Первые награждения на сей раз – артиллеристам. В статуте было прописано, что орденом первой степени награждается тот, кто подбьет 2 тяжелых/средних танка или 3 легких (лично).

Либо вместе с расчетом орудия уничтожит 3 тяжелых/средних танка или 5 легких.

Орден второй степени полагался тому, кто сведет личный счет к 1 тяжелому или 2 легким танкам.

В мае 1942 года артиллеристы дивизиона капитана Криклия перекрыли эти нормативы. Два дня длились танковые атаки гитлеровцев. 32 бронемашины остались на поле под Харьковом навсегда. Капитан лично уничтожил 5 танков. Был смертельно ранен в голову. Сержант Смирнов продолжал вести огонь из орудия одной рукой, кисть второй оторвало осколком. Младший политрук Стасенко работал у пушки, как заправский наводчик. Все трое 2 июня 1942 года были награждены орденами Отечественной войны первой степени. Еще шестеро бойцов

этого дивизиона из состава 32-го гвардейского артполка получили вторую степень ордена. За годы войны произведена 951 тысяча награждений второй степенью, первой – 324 тысячи.

ОРДЕН СУВОРОВА

29 июля 1942 года были учреждены первые «полководческие» ордена. Им были присвоены имена Суворова, Кутузова и Александра Невского. Похоже, никто не обратил внимания на довольно нелепое сочетание портрета благородного великого князя Александра Святославича с пятиугольной красной звездой. Что уж там обсуждать присутствие маленькой звездочки над изображением светлейших князей Суворова-Италийского и Кутузова-Смоленского. Помещиков-крепостников, между прочим.

Шла война. К жизни относились более чем серьезно, несмотря на возросшие риски ее потерять. Чего уж там спорить об истории собственного народа. Великие – они при любом строем великие!

Орден Суворова – награда, как легко догадаться, за проведение успешных наступательных операций. Особо подчеркивалось в статуте – при численном превосходстве противника. Первая степень предназначалась, разумеется, полководцам. Вторая – командующим и начальникам штабов корпуса, дивизии, бригады. Третья – командирам полков, батальонов и рот. Соответственно первыми и наградили: Жукова – за Сталинград, генерала-танкиста Баданова – за форсирование Дона и майора Гаранина – за атаку батальона.

Орден Суворова – награда довольно редкая. За годы войны его получили 391 человек (первая степень), 4012 (вторая) и чуть более 7 тысяч (третья). Особо стоит отметить единствен-

ную женщину, получившую этот орден. Это Евдокия Бочарова (Бершанская), командир 46-го гвардейского ночного бомбардировочного полка, хорошо известного по фильму «В небе ночные ведьмы». Такое прозвище дали женщинам-пилотам враги.

Самые курьезные награждения случились в 1956 и 1959 годах. Когда и каким образом продемонстрировали свои полководческие таланты король Камбоджи Сурамарит и император Эфиопии Хайле Селассие Первый – секрет Никиты Сергеевича Хрущева.

В отличие от большинства других советских орденов орден Суворова в наградной системе России сохранился. Правда, его статут остается неясным, а внешний вид – не утвержден.

К слову, этот вид придумал студент Московского архитектурного института Петр Скокан. Студентом, правда, он стал не сразу. Сначала – был выброшен в районе Слуцка в составе диверсионного отряда. Группа провела ряд громких операций в тылах у немцев. В Москву вернулись только трое.

28 января 1943 года разными степенями ордена Кутузова наградили военачальников, среди которых был и командир героической 13-й гвардейской дивизии генерал Родимцев. Организованная им защита стalingрадских развалин – эталон оборонительной тактики.

Всего вручили 669 орденов первой степени, 3325 – второй и 3328 – третьей. Кавалером трех орденов Кутузова первой степени стал генерал армии Соколовский. Он же – кавалер трех орденов Суворова первой степени!

Понятно, что «полководческие» ордена по определению не предназначались гражданским лицам и уж тем более – организациям. Но одно исключение все же имеется: орден Кутузова – над главной проходной Челябинского тракторного завода. За танки!

Другим ярким примером оборонительной доктрины служит ГУ «Смерш». Можно спорить о методах этой организации, но несколько ее представителей во главе с начальником, генералом Абакумовым, также являются кавалерами ордена Кутузова.

ОРДЕН КУТУЗОВА

Насколько орден Суворова – «атакующий», настолько орден Кутузова – «оборонительный». Такой подход учредителей наград полностью отражал стратегические предпочтения двух великих русских полководцев. Первоначально орден Кутузова имел две степени. Лишь спустя полгода появилось решение о третьей, командирской степени, точь-в-точь как в статуте ордена Суворова.

Интересный момент: если «суворовцы» появились практически сразу после учреждения ордена, то «кутузовцы» – через шесть месяцев. Притом что летом 1942 – зимой 1943-го Советская армия на многих направлениях скорее оборонялась, чем наступала.

РИА НОВОСТИ

ОРДЕН АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

Это единственный советский орден, повторяющий название царской награды. И в том, и в другом случае орден учреждался без степеней. Существенная разница в том, что красная лента императорской награды вручалась только высоким чинам, а советская звезда – командирам любого звена вплоть до взводного.

Вероятно, по этой причине «Невский» обрел куда больше кавалеров, чем все «полководческие» ордена, вместе взятые, включая и военно-морские – Ушакова и Нахимова. Более 42 тысяч орденов было вручено в течение войны персонально, свыше 1700 – коллективам.

Что такое батальон? Четыре роты. Вместе с разведчиками, штабными, нестроевыми – человек 600. Это – при полном кадре. На передовой же всегда серьезный некомплект. В августе 1942 года батальон морских пехотинцев 154-й морской стрелковой бригады под командованием старшего лейтенанта Рубана прикрывал форсирование Дона. Немцы атаковали как бешеные, но, оставив более 200 трупов и 7 горящих танков, отступили. Старлей Рубан стал первым кавалером ордена Александра Невского.

От своего царственного предшественника советский «Невский» внешне отличался изрядно. Дореволюционный вариант выглядел одновременно строго и богато. Молодой же архитектор Телятников, понятное дело, решал художественную задачу с помощью советской символики, но вот изображение князя получилось удачно. Может быть, потому, что прообразом послужил народный артист СССР Николай Черкасов, сыгравший князя Александра в известном фильме о Чудском побоище. Телятников, к слову, предлагал свой эскиз и к ордену Суворова.

Но в том случае из 55 вариантов лучшим было признано, как говорилось выше, предложение Скокана, использовавшего портрет Суворова с гравюры художника Уткина 1818 года.

ОРДЕН БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКОГО

Последний сухопутный «полководческий» орден был учрежден 10 апреля 1943 года по инициативе знаменитого кинорежиссера Довженко. Еще предстояла Курская дуга, еще в блокаде жил Ленинград, но уже стало ясно – «наше дело правое, победа будет за нами».

Положа руку на сердце, было очевидно, что орденов учреждено в достатке. Только награждай! Однако заработала творческая фантазия побеждающего народа и его лучших представителей. В статуте нового ордена есть попытки сделать награду оригинальной. Это единственный «полководческий» орден, которым могли награждать командиров партизанских соединений и отрядов. Кроме того, третья степень предназначалась для рядового и сержантского состава. Разведчик старший сержант Владимир Кривоносов призвался в 1940 году и попал служить в одну из лучших дивизий Красной армии – Московскую Пролетарскую. Вместе с «Пролетарской», ставшей еще осенью 1941 года 1-й гвардейской мотострелковой Московско-Минской

дивизией, прошел всю войну. От Белоруссии до Кенигсберга. Среди прочих наград имел и орден Богдана Хмельницкого третьей степени. За бои в Кенигсберге был представлен к званию Героя Советского Союза. Но наградные документы до самого главного адресата не дошли.

Сразу после войны оказался Кривоносов в Москве. Едва вышел из вагона на перрон Белорусского вокзала, как тут же был задержан военным патрулем. Только в отделении милиции удалось ему доказать при помощи наградных книжек, что «Богдан» на его груди – настоящий и заслуженный в боях. Тыловые новобранцы даже не ведали, что этот «генеральский» орден может получить простой армейский сержант. Всего было вручено 5738 орденов Богдана Хмельницкого третьей степени, 2390 – второй и 323 – первой.

ОРДЕН СЛАВЫ

До солдатско-сержантского ордена все-таки додумались – к 8 ноября 1943 года. Одно исключение, правда, сделали. Для летчиков, имевших звание младшего лейтенанта. Доселе солдат

ИТАР-ТАСС

уверенно мог претендовать только на медали: «За отвагу» и «За боевые заслуги».

Нет, рядовой состав награждали, в том числе и высшими наградами вроде ордена Ленина. Один из полных кавалеров ордена Славы, старший сержант Шевченко, имел еще и орден на Красного Знамени, Отечественной войны и Красной Звезды. Но все-таки орден для рядового или сержанта, скорее, особый случай, солдатский фарт. Особенно – в пехоте!

Солдатский орден Славы хоть и был учрежден в середине войны, почти сразу стал самой почитаемой наградой на передовой. Может быть, еще и потому, что цветами своей ленты напоминал прежнего солдатского Георгия, уважение к которому не могла поколебать никакая революция. Орден Славы напоминал о Георгии не только черно-рыжей лентой на колодке. Три степени, получить которые можно только от низшей к высшей. Каждая полученная степень автоматически вела к повышению в звании. И в царской армии также. Наконец, вручали его только за личное мужество. Никаких тебе коллективов. Значит, случайность награждения была сведена к минимуму. А уж награждение по принципу «до кучи» вообще исключалось. Это в полевых частях всегда имело значение.

О тщательном подходе при награждении орденом Славы говорит тот факт, что приказ на первый орден третьей степени был подписан 13 ноября 1943 года, а на первый орден первой степени – только 22 июля 1944-го. Понадобилось полтора года войны, чтобы кто-то из солдат справился со всеми требованиями, предъявляемыми статутом. Еще больше впечатляют общие данные о награжденных. Третья степень – 980 тысяч. Вторая степень – 46 тысяч. Первая степень – 2562! Для сравнения: Героями Советского Союза в 1941–1945 годах стали 11 600 человек.

ОРДЕНА УШАКОВА И НАХИМОВА

3 марта 1944 года Верховный Совет СССР решил-таки исправить несправедливость. Дело в том, что офицеров Военно-Морского флота, конечно, награждали. Были среди них и кавалеры высших орденов, и Герои Советского Союза. Но вот к «полководческим» орденам моряков представляли крайне редко. А во флоте тоже были блистательно спланированные операции и талантливо проведенные сражения. Таких, как капитан первого ранга Павел Державин, имевший к концу войны орден Ушакова второй степени и орден Суворова второй степени, находились считанные единицы.

Орден Ушакова и орден Нахимова были учреждены по подобию орденов Суворова и Кутузова. В первом случае награждали за наступательные операции против численно превосходящих сил противника. Во втором – за проведение операций, помешавших вражескому наступлению.

Все логично. Ушаков известен тем, что всегда был склонен к агрессивной и быстрой стратегии морского боя. Нахимов прославился организацией обороны Севастополя. Проблема возникла по другому поводу.

Так случилось, что в канун войны память об адмирале Нахимове была еще сильна. Севастопольская эпопея 1854–1855 годов, «Севастопольские рассказы» Толстого – все работало на образ Павла Степановича. Об Ушакове знали куда меньше. Самодур Потемкин, Екатерина II – давно это было. А посему об Ушакове и разговору не было. Если бы все эти «размышления» остались на магазинном уровне – одно. Но они шли и в Наркомате ВМФ, и в Кремле... По воспоминаниям адмирала флота Героя Советского Союза Кузнецова, с большим трудом удалось убедить специально созданную ко-

ИТАР-ТАСС

ОРДЕН ПОБЕДЫ

Самый дорогой и в прямом, и в переносном смысле орден Великой Отечественной войны – орден Победы. Учрежден 8 ноября 1943 года. Последние сомнения в исходе войны отпали у самых закоренелых скептиков. Вопрос стоял только о сроках.

Будучи учрежден одновременно с орденом Славы, орден Победы возник будто в противовес. Слава – солдатам, Победа – маршалам! Именно для высшего генералитета страны была придумана эта удивительная награда. 170 бриллиантов общей массой 16 каратов. Пять очень крупных рубинов в лучах звезды и один – в центре, изображающий кремлевскую звезду на Спасской башне. Основа ордена – из платины. Размер ордена – более 7 сантиметров, что в полтора-два раза превышает размеры других наград.

Это единственный орден без колодки, который размещали на левой стороне груди. Причем в нарушение привычной во всех странах практики. Высший орден – а орден Победы являлся именно таковым среди военных наград – крепится обычно выше остальных. В нашем случае орден привинчивали ниже остальных наград. А вот многоцветную колодку для повседневной носки крепили над остальными колодочными рядами – отдельно.

Единственная аналогия, что напрашивается в связи с правилом награждения орденом Победы, – это аналогия с орденом Святого Георгия Победоносца первой степени. Известно, что ими были награждены только 25 человек за всю историю государства российского. «Победа» досталась только 17 военачальникам. Наверное, уместно назвать их всех. Дважды орденом были награждены маршалы Жуков и Василевский, генералиссимус Сталин. Именно эта тройка получила и первые три ордена. Это случилось 10 апреля 1944 года. Поводом стало освобождение Правобережной Украины. Далее были награждены маршалы Рокоссовский, Конев, Малиновский, Толбухин, Говоров, Тимошенко, генерал армии Антонов. После «японского броска» – маршал Мерецков. К советским военачальникам присоединились иностранные: югослав Тито, поляк Роля-Жимерский, американец Эйзенхауэр, британец Монтгомери, румынский король Михай I.

В 1978 году выяснилось, что забыли еще одного маршала СССР – товарища Брежнева. Ну, тут уж, как говорится, без комментариев.

Формально об ордене Победы нужно говорить прежде, чем об ордене Славы и уж тем более орденах Ушакова и Нахимова. Но уж больно эта награда – из ряда вон. Рассказом о ней, пожалуй, и стоит завершить тему военных орденов времен Великой Отечественной войны. Теперь уж точно – полный порядок! ☺

миссию в том, что авторитет Ушакова как флотводца все-таки выше, чем у Нахимова. В результате орден Ушакова был признан главной военно-морской наградой.

Но вот ситуация! Во время операции в Восточной Пруссии весной 1945 года действия сухопутных частей 11-й гвардейской армии должны были поддержать моряки Балтики. Маршал Баграмян вспоминал, что десантированием сил на восточный берег Куршской косы командовал контр-адмирал Фельдман. В 4 часа утра уже пришел доклад о том, что на западном берегу косы в атаку пошли стрелки 83-й гвардейской дивизии, а от Фельдмана – ни слуху, ни духу. Пока налаживали связь, морские пехотинцы Фельдмана уже успели атаковать, и настолько успешно, что немцы тысячами сдавались в плен. Какая же это оборонительная операция, в которой в атаку идут контр-адмиралы? Однако ж Николай Фельдман был удостоен ордена Нахимова первой степени.

Теперь – о других награжденных. 80 орденов Нахимова первой степени получили 75 человек. 460 орденов второй степени – 458.

Награжденных орденом Ушакова и того меньше. Первая степень – 25 человек, 36 награждений. Вторая степень – 182 человека, 194 награждения.

И последнее. Уже сказано о том, что некоторые царские и советские награды в чем-то похожи. А вот до чего даже очень любивший море и охочий до всяких выдумок царь Петр не додумался, так это до специальных военно-морских орденов. Странно...

Владимир Козлов, член-корреспондент Российской академии наук, профессор

«ЗДЕСЬ ЖИЗНЬ СЧИТАЮТ СЕКУНДАМИ...»

Фронтовые письма как молитвы

Десятки тысяч писем с фронта собраны в архивах России. Вероятно, не меньше писем хранится в качестве реликвий и в российских семьях.

ЧАСТЬ ИХ ОПУБЛИКОВАНА. ЭТО выборка полутора-двух тысяч фронтовых писем из миллионов посланий, написанных в годы Великой Отечественной войны. Особо ценные письма, написанные в июне–июле 1941 года, до создания военной цензуры (6 июля 1941 года). В письмах этого времени – злая правда войны. Так, рядовой М.И. Невструев 13 июля 1941 года, когда деятельность цензуры еще не была налажена, сообщал жене немыслимые позже для фронтовых писем подробности: «Я тебе писал раньше, что мы стояли на границе в 6 километрах, а теперь отошли назад, так как немец занял уже город Опочку и теперь движется по направлению к Ново-Ржеву, и мы от Опочки сейчас находимся в 40 километрах. Так вот, видишь, как будто дело не совсем как охти важное – у него очень хорошо работает артиллерия и авиация, а мы на фронте своих самолетов совсем не видим, людей оставляем на поле боя». Письма Великой Отечественной – это целое явление ее истории, относящееся одновременно к пониманию человека на войне и к пониманию человека в тылу войны. Современный, не искушенный читатель, возможно, скептически покачает головой: большим разнообразием письма не отличаются, хотя индивидуальность авторских характеров просматривается. Разведчик Н. Евдокимов в письме к родителям 15 мая 1943 года эту особенность охарактеризовал так: «Если посмотреть на всю мою и моих товарищей жизнь за весь период войны, то эти жизни с внешней стороны так похожи одна на другую, а с внутренней нет. Каждый живет своим, каждый выберет хотя <бы> одну минуту, чтобы подумать о чем-то ему дорогом». Вероятно, причин этому несколько. Во-первых, экстремальность ситуаций, в которых написаны письма (районы боевых действий, госпитали и т.д.). Вот что писал шофер-

фронтовик А. Измайлова в декабре 1943 года некой Ольге: «Оля, вспоминаются все знакомые и даже незнакомые в те минуты, когда сидишь в землянке и перед тобой нечаянно найденная чернилка и заряженное перо, рука так и тянется чиркнуть кому-нибудь. После того, как ручку не держал в руках более полугода, буквы прыгают, как пьяные». Во-вторых, разный уровень образованности авторов, часто не позволяющий письменно изложить весь спектр чувств и переживаний. Это, в частности, проявлялось в несоответствии больших обещаний рассказать о чем-то судьбоносном в начале писем и скромным их основным содержанием. Формулы «Сообщаю о себе... Но больше писать нечего» очень распространены и свидетельствуют об отсутствии привычки у авторов пользоваться пером. В-третьих, самоцензура не позволяла авторам откровенно писать об увиденном и пережитом: «нельзя все описывать» – эта формула с небольшими вариациями рефреном проходит через большинство писем. Гвардеец-артиллерист П.Ф. Болмосов, вероятно, очень хотел бы поделиться боевым опытом со своим отцом, но в письме к нему, проявляя «военную хитрость», сообщает: «Папа, Вы пишете, что интересно знать, на какой артиллерию я бью фашистов. Папа, я тебе одно могу прописать, что я могу работать на всех видах артиллерии. Папа, но я работаю не в тяжелой и не в легкой, но часто бываю на прямой наvodке и бываю <в> нескольких километрах от переднего края». Попробуй отец, а заодно и враг, по этим словам догадаться, что автор письма «работает» на «катюше». В-четвертых, часто для авторов фронтовых писем был куда важнее сам факт переписки с кем-либо. Неслучайны поэтому многочисленные случаи организованно инициированной переписки. Например, 10 января 1943 года лейтенант В.Н. Гаврилов

Младший лейтенант С.Е. Каждан в боях под Ржевом уничтожил 25 немцев и 4 пулеметные точки.

Снято 3 ноября 1942 года. Автор: А.С. Гаранин

обратился к первому секретарю Тамбовского горкома ВЛКСМ К.Е. Кирнос: «В нашем подразделении есть два комсомольца, территории которых оккупирована немецкой нечистью, и данные товарищи совсем не получают писем. А здесь, на передовой, получить письмо – очень, очень большая радость. Поэтому прошу Вас поручить девушкам школы или техникума черкнуть пару слов, а каких – Вы им скажите». Были и личные инициативы. Так, рядовой П.В. Санин через первого секретаря Тамбовского обкома ВЛКСМ писал тамбовчанкам: «Товарищи девушки-комсомолки, дайте же мне

весточку, бывшему вашему тамбовскому комсомольцу. Напишите мне хоть пару строчек, ведь так трудно без ваших писем в дни наших сражений. Не все же вы заняты перепиской со своими знакомыми фронтовиками. Есть же и из вас как и я, не имеющий переписки».

Фронтовые письма отчетливо делятся на три разновидности. Первая, самая многочисленная, – персональные письма персональным адресатам: родным, близким, знакомым. Вторая – персональные и коллективные письма в партийные, советские, комсомольские организации. Третья – коллективные письма с фронта родным

и близким фронтовиков. Увы, практически неизвестна переписка фронтовиков друг с другом. Каждая из разновидностей этих писем имеет свой, отличный от других формуляр. Формуляр первой разновидности фронтовых писем включал несколько устоявшихся элементов. Во-первых, обращение автора к адресату в очень торжественной, основательной форме. Например: «Добрый день, многоуважаемая супруга Мотя. Во-первых строках своего письма спешу уведомить Вас, что я в настоящее время нахожусь жив и здоров. Того же и Вам желаю – всего наилучшего в Вашей дальнейшей жизни – и шлю я Вам свой супружеский привет». Или даже в поэтической форме, явно стандартизированной и распространенной: «Добрый день или час! Что делаешь, Маня, сейчас? Брось думать и мечтать, начинай письмо читать!» Второй элемент очень часто представлен информацией о погоде и окружающей природе в момент написания. Третий – сообщение о состоянии автора письма (жив, здоров, находится на лечении и т.д.). Четвертый элемент – приветы односельчанам, родственникам, знакомым. Пятый состоял из бытовых просьб и предложений. Шестой элемент – пожелания получения ответа и продолжения переписки. Седьмой – сознательная и бессознательная передача фактов фронтовой повседневности. Восьмой – просьбы сообщить о судьбах близких и знакомых. Девятый элемент – подпись автора письма. Десятый – своеобразные экзотерические размышления авторов. Формуляры второй и третьей разновидности фронтовых писем были похожи, включая – с разной последовательностью – торжественные обращения к партийным, комсомольским, советским адресатам с выражением верности идеям партии и действиям советского руководства; сообщения о подвигах и заслугах; предложения и просьбы; заверения в неизбежности Победы и жертвенном вкладе ради нее авторов писем; коллективную или индивидуальную подписи. Эти три – а фактически два – типа формуляров документов войны на самом деле отразили два класса документов: документы неофициального (личного) происхождения и документы фактически официального происхождения (последнее подчеркивалось указанием на воинские должности и звания).

«КАК ПОКОНЧИМ ЖИЗНЬ ФАШИЗМУ...»

Жить и выживать без любви и преклонения перед кем-то или чем-то человеку, тем более находящемуся в условиях войны, невозможно. Да, конечно, такой идеал – это Родина. Фронтовик знает, что она большая, верит, что она могучая и справедливая. Но в своем подавляющем большинстве он ее не видел – разве что в пределах родного города, в округе села и деревни.

Фронтовик понимает, что защищает большую Родину от реальной угрозы, но для него куда понятней защита той жизни, которой он жил до войны. А она была не то чтобы одинакова, но все же похожа в своих проявлениях социализма. И потому – более или менее понятна. Поэтому во фронтовых письмах мы часто видим не подверженное даже тени сомнения понимание Родины как родного своего дома. Здесь практически нет риторики, связанной с защитой советского строя. Дом как связующее звено с прошлой жизнью фронтовика, как ненавистный светлый символ его прежней жизни является главным помыслом авторов писем. Из письма рядового Ф.П. Чернобровкина матери 26 августа – 6 сентября 1941 года: «Мамаша, как покончим жизнь фашизму, тогда я приеду домой, к вам приеду повидаться. Обратно встретившись с вами, повидаемся, посидим за столом, обратно соберемся все вместе, все братья, сестры». О доме вспоминает и младший лейтенант В.П. Савиных в письме сестре от 24 августа 1942 года: «Вот прогоним фашистов с нашей земли, расплачусь. Буду жениться, обязательно тебя в сваты устрою. Только уж жену, Тоня, подыщи такую: роста среднего, не толстую, не тонкую». 8 апреля 1943 года разведчик В.П. Баранов написал любимой девушке: «Сегодня я получил твое письмечко. Оно сразу напомнило мне родной дом, друзей и десятки картин из моей прошлой жизни. Что может быть роднее воспоминаний о прошлом для человека, шаг за шагом освобождающего свою землю от проклятых врагов? Представь себе хмурое небо, мелкий дождь, злой посвист ветра, степь, траншею, в которой я нахожусь, и тебе станет ясно, почему я так любовно говорю о прошлом». Корреспондент фронтовых газет, младший командир одной из боевых частей С.И. Голованов в письме родным 17 августа 1944 года отмечал: «Из Тамбова моим товарищам пишут, что там идут дожди. Это, конечно, плохо в период уборки урожая. Здесь стоят туманы, с Карпатских гор дуют холодные ветры. В чужой стране всегда холодно. Как хочется увидеть родные края!» Авторы писем знали, что жизнь до войны дома была далеко не сладка, а во время войны – и того горше. Но мечта о возвращении, о встрече с родными посторонна и неизменна. Курсант Н. Прищепа в письме близким 11 марта 1944 года пишет: «За меня вы меньше всего беспокойтесь, больше думайте про свое здоровье и как бы лучше вам прожить. Только молите Бога, чтобы я остался в живых, то тогда повстречаемся и <вспомним> о многом прошлом, что встречалось в вашей и моей жизни». «Ну, ничего, папа, только бы живым остался и с родными увидеться», – пишет гвардеец-артиллерист П.Ф. Болмосов своему отцу 29 июля 1944 года. Минометчик Г.И. Агеев в письме

ВОЕНИНФОРМ

Разведчики арт-части командира Абрамова.

На снимке: начальник разведки лейтенант И.Р. Блохин (справа) и разведчик Хенифи Жамалетдинов.

Снято в районе Воронежа в августе 1942 года.

Автор: С. Фридлянд

ме жене и дочерям 12 июля 1943 года: «Катя, как я соскучился без вас, без своих доченек. Наверное, они теперь стали большие. Как я с ними поговорил бы, и они теперь носили бы мне завтрак на покос. Доченьки мои милые, отпишите, наверное, вы ходите за ягодами и за грибами. Пишите письма, пока жив». Красноармеец А.П. Кондарев в письме жене 25 ноября 1941 года пишет: «Эх, Тонька, всему вину Гитлер, сволочь. Но придет тот день расплаты, дорого ему придется платить за нашу кровь и молодую жизнь, уничтожим гадину, а тогда опять цветы, опять любовь, опять молодая жизнь вернется, по-старому настанут наши времена».

Фронтовик хочет знать все о доме, поэтому жалобы о нерегулярности получения писем из тыла постоянны. В апрельском письме 1944 года сапер Б.П. Крючков пишет сестре: «Люба! Передай папе, маме и Вале большой привет. Я обижаюсь на них за то, что не пишут. Быстрее и чаще пиши. Письма – это для меня то же, что для вас хлеб». В следующем письме, уже после получения ответа на предыдущее, он признается: «Я сейчас пока жив и здоров, живу ничего, хорошо. Но только одним плохо, что мало получаю от вас писем. Я их жду каждую минуту, каждый час. А какая для меня радость, если я получаю от вас письмо! Все письма, полученные от вас, я берегу у себя в планшетке и в свободную минуту перечитываю их по несколько раз». Рядовой О.С. Грибков в письме сестре в январе 1945 года настаивает: «Дорогая Светланочка, я тебя уже несколько раз просил описать мне жизнь Моршанска, стоимость про-

дуктов и вообще всю жизнь. Опиши мне также жизнь и дела в школе, кто остался из старых учеников, учителей и т.д.».

«...МНЕ ДЕНЬГИ АБСОЛЮТНО НЕ НУЖНЫ»

Там, где дом, – там любимая женщина, отец, мать, дети. Тревога за их благополучие – тоже своеобразная защита дома. «Клава, 18 сентября я послал тебе денег 300 или же 350 руб. – я уже что-то забыл, а также посыпал тебе и в августе, но не знаю – получила ли ты их или же нет. Клава, сообщи, получаешь ли ты деньги по аттестату, и вообще как у тебя в материальной жизни», – тревожится в письме жене старший лейтенант И.И. Аверин. Ровно через год после начала войны сержант И.И. Бобров пишет своим близким: «Вчера еще вам послал 300 руб., как получите, так напишите, чтобы я не сомневался. Каждый месяц я буду переводить вам, сколько могу, может быть, хоть эти мизерные средства составят вам кой-какую материальную помощь. А мне деньги абсолютно не нужны. Покупать здесь нечего. В лесу нет ни магазинов, ни ресторанов, одни только комары...» Сначала курсант, а затем фронтовой лейтенант Н.П. Никитин, получавший во время учебы в тылу от матери денежные переводы и посылки, теперь уже сам ей помогает (27 ноября 1943 года): «Мама, я тебе послал деньги – 1200 руб. Это моя зарплата за два месяца, себе оставил 140 руб. на уплату членских взносов да так кое-куда... И в следующие месяцы буду тебе посыпать или же пришлю аттестат, мне здесь

ВОЕННОЕ ИЗДАНИЕ

Санитар Садык Гайфулин под огнем врага оказывал помощь раненым.

Снято 19 сентября 1942 года на Западном фронте. Автор: А.С. Гаранин

их некуда девать, а ты что-нибудь купишь». А красноармеец М.Т. Экемекин в письме жене 1 мая 1942 года деловито советует: «Марина, случайно, если будет подходить близко немец, то устройте убежище в таком виде, за вишнями: длина убежища 4,5 метра, ширина сверху 1,75 метра, снизу 1,25 метра, глубиной 1,5 метра и настлать потолок, покрыть землей, с одного конца проход». Фронтовик А.В. Аляев 25 марта 1945 года сообщает жене: «Настиуш, я тебе послал посылку 5 килограмм (в общем, хорошие ботинки хромовые – мне хороши и тебе будут по ноге, ноги у нас с тобой одного размера). Еще я тебе послал 4 метра белого материала и одну наволочку на перины. Хотел послать мыла и сахарку – было больше 5-ти килограмм, пришлось все это вынуть обратно». Полковник С.Г. Николаев в письме жене из-под Вены 10 ноября 1945 года беспокоился: «Получили ли вы в посылке двое часов? Не поломались ли они? Доволен, что Оле подошло пальто. В следующий раз подробно пиши, что получаешь в посылке». А командир 136-го танкового полка, сформированного на деньги тамбовских колхозников, подполковник Шапарь, почему-то в секретном письме 24 февраля 1944 года на имя первого секретаря Тамбовского обкома ВКП(б) И.А. Волкова просит «разрешения преподнести от танкистов танковой колонны «Тамбовский колхозник» подарок – 2-3 немецких сельскохозяйственных трактора... марки «Папотад»...».

Там, где дом, осталась надежда на возможную, но из-за войны не успевшую состояться любовь. Старший лейтенант А. Лагуткин 3 сентября 1943 года писал любимой: «Будем твердо верить в нашу встречу. Ведь не всем же погибать на войне. Ты меня понимаешь? Поэтому не впадай в крайности и верь в нашу будущую встречу!» О том же мечтает и лейтенант Л.С. Шалаев в письме своей девушке от 23 мая 1944 года: «Я надеюсь, что ты сохранишь эту любовь, и когда настанет тот час, когда мы встретимся с тобой, чтобы от той великой радости и счастья я бы мог взять тебя на руки, как дорогое достояние, и расцеловать, как любимую, дорогую подругу жизни». 1 апреля 1945 года старшина А.И. Сазыкин пишет своей возлюбленной: «...разрешите сообщить о том, что я когда уходил, прощались с Вами, у меня сердце ныло, и слезы навертывались. Так жалко было расставаться, как будто Вы меня приворожили, хотя Вы не верили, что я Вас люблю. Надя, еще раз напоминаю о том, что я Вам никогда не изменяю и в дальнейшем верным <буду>, если Вы согласны, чтобы Вы были моей законной женой».

Там, где дом, там жизнь – тяжелая, голодная, но напоминающая довоенную. «Надюша, поздравляю тебя с окончанием десятилетки и желаю, если есть возможность, поступай в институт. Я тебе советую продолжать учебу, несмотря ни на какие трудности», – пишет сестре 15 июля 1943 года лейтенант С.П. Емельянцев. Санитар В.Н. Кожевников в письме дочери 29 августа

1941 года столь же трогательно заботлив: «Ты должна понять, что из детских лет ты вышла и следует взяться за ум как следует. Твое не-законченное образование ничего в жизни не даст. Надо не упускать момента и, пока есть возможность, пополнить его, получив какую-либо специальность, которая бы обеспечивала тебя в будущем».

«ФРОНТОВАЯ ДИПЛОМАТИЯ»

«Без крови сражений не бывает», – меланхолически, но жизненно точно определил автор одного из фронтовых писем трагическую реальность войны. Тяжелейшая миссия – сообщать родным о гибели дорогого им человека. Иногда это делалось после предварительных подготовительных слов. «Любимый товарищ» погибшего фронтовика А.В. Аляева 12 июля 1945 года так сообщает его жене о смерти друга: «Вы, Настюха, дорогая Настенька, спрашиваете меня, чтобы я Вам прописал подробнее про Вашего мужа Аляева Андрея Васильевича. Я Вам врать не намерен в том, что он мой любимый товарищ. Настюха, погиб он в боях за Родину прямо на моих глазах, а почему не сообщает долго военная часть, я не знаю в чем дело. Но ты нам поверь, как своему родному мужу. Я Вам врать не буду, Настя». Письмо Героя Советского Союза В.Г. Тихонова и батальонного комиссара Шмелева вдове погибшего летчика В.И. Лахонина содержит обстоятельный рассказ о боевых подвигах Лахонина и только после этого не столько извещает, сколько констатирует: «Все мы тяжело скорбим, не веря в то, что Вениамина Ивановича больше нет с нами, но каждый из нас приходит к одному и тому же знаменателю, что «война есть война» и она без потерь не обходится... Памятуйте о том, что «лучше быть вдовой героя, чем женой труса». «Фронтовая дипломатия» просматривается и в письме командира роты Т.Я. Сергиенко в действующую армию отцу погибшего красноармейца В.В. Грязнова: «Здравствуй, дорогой отец Василия Грязнова! Прими массу наилучших пожеланий в Вашей красноармейской жизни, желаем Вам побыстрей окончить эту войну и счастливо возвратиться на родину. Данным письмом я хочу Вам известить весьма неприятную новость, а именно: Ваш сын, как взрослый мужественный герой, сражался с фашистскими захватчиками, он был верный до конца воинской присяге. 13 марта 1945 года пуля немца оборвала ему жизнь... На этом заканчиваю свое печальное письмо». Командир некоего подразделения А.Т. Лисунов начинает свое письмо сестре погибшего бойца А.Г. Попова с пожелания «наилучших успехов в Вашей дальнейшей молодой жизни», а далее продолжает: «Маруся, но наша жизнь, по-видимому,

Вам известна. В настоящее время находимся на территории Германии. Вот наши в основном успехи. Маруся, но в основном, что я хочу Вам в своем письме сообщить, это печальную весть о Вашем брате. Ваш брат в боях за Родину погиб 6.10.1944 года. А пока до свидания...» И это все. Без слов сочувствия, без хотя бы какого-то намека на обстоятельства смерти. Суровое время, фронтовая жизнь и, вероятно, цензура не всегда позволяли тратить время на сантименты.

А вот похожее на удар молота по наковальне сообщение безвестного командира подразделения морской разведки матери погибшего на Ораниенбаумском плацдарме разведчика И.Н. Семенова от 5 июля 1943 года: «Дорогая мать, мне очень трудно писать эти слова, ваш сын Семенов Иван, а мой друг и боевой товарищ, с которым вместе мокли под холодным осенним дождем, вместе мерзли в суровые декабрьские ночи в окопах, с которым радость и горе делили пополам, он, Ванюшка-орденоносец, погиб». Письмо фронтовика Н.Д. Рязанова подруге своего однополчанина П. Журавлева В. Галкиной беспощадно своей суровой обыденностью: «Отвечаю на Ваш запрос. Ваш друг и знакомый Журавлев Петя погиб смертью храбрых в борьбе за советскую Родину против фашистских захватчиков 4.04.45 года. Был у нас в части п.п. 35617». В. Дубинин, однополчанин погибшего Я.И. Яковлева, после сообщения его вдове о смерти мужа и вовсе советует: «Конечно, переживать не следует. Нужно учесть, что сейчас война с презренным германским фашизмом не на жизнь, а на смерть». Но не все «похоронки» были столь суровы. Е.П. Подшибякина в письме матери погибшего фронтовика В.П. Савиных от 27 августа 1943 года смогла найти слова соболезнования и сообщить детали: «Здравствуйте, дорогая, не-знакомая мамаша Володи Савиных! Хотя и неприятная новость, но все же приходится сообщить. Сегодня, 27 августа в 10.20 ч. от вражеской пули скончался Ваш сын Володя... Весь наш коллектив искренне сожалеет Вам о потере такого хорошего сына. Не беспокойтесь, дорогая, не волнуйтесь и не расстраивайтесь. За него мы отомстим врагу!» Боевой товарищ комсорга полка А.М. Ильякова А. Серегина писала его отцу 3 января 1944 года: «Матвей Иванович, то, что я хочу Вам сообщить – это и для Вас и для меня большое горе. Ваш сын Леша был тяжело ранен в правое бедро... Наши врачи, как ни старались спасти ему жизнь, <не смогли>, все же смерть в этом случае оказалась сильнее. Дорогой Матвей Иванович, с Лешей мы были хорошими товарищами... и я знаю, что Вам это горе перенести очень трудно, но что же, дорогой, ведь ничего не делаешь».

«ВРЯД ЛИ УВИЖУСЬ С ВАМИ»

Дух жертвенности, мщения и фатализма пронизывает многие письма фронтовиков. Рядовой Е.И. Жуков в письме родным 1 мая 1942 года обещал: «Я вспоминал, что у меня нет больше брата Феди, что я больше не увижу его. Да... Жалко и жалко. Но ничего не сделаешь. Пускай и я погибну на фронте, но я отомщу немецким гадам за своих братьев». Командир минометной роты Н.Н. Аршинов 18 июля 1942 года обещал своей жене: «Основное, моя дорогая, не думай, что я струшу перед врагом и что покрою тебя позором. Мои традиции – умереть, не отступая, и я показал себя в боях неплохо». Известный приказ Сталина «Ни шагу назад» пулеметчик В.П. Назаров в письме родственникам 5 августа 1942 года прокомментировал так: «Сейчас до последней капли крови следует отстаивать каждую пядь родной земли, и, кто будет отступать, – боец ли, командир ли – будет расстреливаться своими как изменник Родины... враг забрал уже немало нашей территории, а вместе с этим и населения... Теперь одно: иди вперед, пусть погибнешь, но честно, иначе как трус же будешь убит своими же товарищами». Сержант И.И. Бобров в сентябрьском (1942 г.) письме родителям общее состояние фронтовиков передает так: «Здесь жизнь считают минутами, она измерена шагами». Философия фатализма иногда сопровождалась предчувствием неизбежной гибели, о чем с беспощадной откровенностью фронтовики нередко сообщали своим близким. Очень характерны в этом смысле письма пропавшего без вести гвардейца П.Ф. Силантьева жене и детям. 2 марта 1943 года: «Возможно, и придется мне вернуться домой, то всю жизнь исправим. Но если меня здорово покалечит, то я оставлю себя на вечный покой, чтобы вы на меня не казнились». 25 апреля 1943 года: «Если судьба наша с Вами увидаться, то увидимся, а если где у меня на роду написано умереть, то ничего не сделаешь. Но я предчувствую, что я домой не вернусь, и останется у Вас с детками одно воспоминание обо мне, а у меня на сердце замрет навечно скорбь и любовь о Вас». 27 июля 1943 года: «Люсенька и Боря, Юра, пока прощайте. Наверно, что это мое письмо последнее – я предчувствую. Прощайте, любимые». Красноармеец И.Г. Гвоздев, находясь в осажденном Сталинграде, 30 октября 1942 года писал своим близким: «Тятя, спасаться здесь очень трудно. День и ночь бомбят и бьют из миномета. Живым на этом фронте остаться трудно. Тятя, наверно, я здесь погибну за Родину, за наш Сталинград... Вряд ли увижу с вами...»

«СКОРЕЕ БЫ В РОССИЮ»

Жизнь страны военного времени, конечно же, была подчинена условным и еще в большей степени вполне официально закрепленным

нормам. Они были жестоки и оправдывались только одним – победой. Она наступила, и фронтовые письма полны ликования. «Я – победитель и «мы» – победители в письмах переплетаются в личное и коллективное торжество. Красноармеец В.П. Грязнов 13 февраля 1945 года пишет близким: «За прошлые бои мне вынесена благодарность, которую я посылаю в этом конверте. Прошу дедушку сделать <рамку> и вставить, пусть смотрят мои товарищи, которые дома, что я есть освободитель и мститель за наших родных и знакомых, которые погибли на фронте и насильно угнаны на фашистскую катогру в Германию». Но в письмах воинов-победителей радость не столько по поводу поверженного врага, сколько остро осознаваемое скорое возвращение домой. Красноармеец Н.М. Ястребцев, находясь под Берлином, 10 мая 1945 года писал жене: «Здесь уже давно настоящая весна. Отцветают яблони и вишни, цветет сирень, ландыши. На лугах уже большая трава. Но все же это не то. Родина хоть немного и бедней, но милей... Здесь все как-то не то... Скорее бы, скорее бы в Россию». Артиллерист В.П. Савиных (Василий Петрович Савиных, брат Владимира Петровича, погибшего в 1943 году, его письмо цитировалось выше. – Прим. авт.) в письме жене 11 мая 1945 года сообщает: «Радости, конечно, нет предела. Сейчас ведь Родина стала совсем близка. Скорее, конечно, будем в России. В нашей любимой Родине. И справлять Победу».

Поразительный факт: в личных письмах с фронта практически отсутствует партия, разве что так, мимоходом, да и то в основном официальным адресатам. Нет в них места и Богу. Вероятно, неосознанно авторы писем отразили жизненную реальность: старый Бог был вытравлен безбожной властью, новый бог – партия, а вместе с ней и ее воплощение в лице вождя – так и остался не принятым в подсознательном, самом искреннем. И это не у единиц – у тысяч!

Из-за цензуры фронтовые письма бедны в описании повседневности войны. Но все же в них проскальзывали детали фронтовой жизни. Красноармеец В.А. Гордин, оборонявший некий остров в Балтийском море, 1 августа 1941 года сообщал отцу: «Папа, у нас был очень слабый тыл, много враждебных элементов, были случаи, они делали покушения на наших бойцов, находили у них пулевые и очень много винтовок». Рядовой С.И. Бобров в письме родственникам 7 декабря 1941 года сообщал: «Нас еще не обмундировали, только дали мне ботинки да обмотки, так как сапоги изорвал вдребезги. Ну, а каково ходить и заниматься на улице при таком морозе в ботинках, когда нет шерстяных носков?» Политрук Н.С. Ключков приблизитель-

В обороне на харьковском направлении боец В. Орлик и пулеметчик А. Кушнир отражают наступление врага.

Снято 5 августа 1942 года на Юго-Западном фронте. Автор: А.С. Гаранин

но в это же время оказался в лучшем положении, сообщая 23 января 1942 года родственникам: «Одет я тепло: хорошая шуба, шинель, ватные куртка и брюки, новые валенки и теплые рукавицы. Морозы у нас стоят крепкие – 35–38 градусов, но они нам нипочем». Гвардеец-минометчик Л.Ф. Мухачев 22 октября 1942 года сообщал родителям: «1. Питание сверхотличное. Кушаем сало свиное, бекон, мясные, рыбные консервы. Часто получаем английские и американские консервы (мясные). Консервы очень хорошие, вы такие не кушали. Овощи: капуста, свекла, морковь, картошка. Жиры – английский жир, комбижир, маргуселин, сливочное масло. Подумаете, что я обманываю..! Нет, это правда, нас, фронтовиков, так и кормят, зато вам – норма, а нам – «от пуз». Видите, как нас любит страна». С ним спорит письмо сержанта В.Е. Денисова своим близким от 15 января 1943 года: «Я имел очень большое счастье получить от вас посылку 14 января 1943 г. – фарфорный ящик. В посылке оказалось пол-литра меда, одна тетрадь и сущеные лепешки, получил 14 января и покушал». Уже упоминавшийся Клочков 7 февраля 1945 года сообщал жене в письме, написанном в доме небольшого немецкого городка в Восточной Пруссии: «Конечно, дом пуст, хозяева его поспешно бежали, и теперь в нем хозяйствуем мы. Жарим кур и гусей, телят и пороссят, пьем чай с медом, сахаром и вареньем, иногда заливаем за воротник вино, взятое из немецких подвалов... Обещают раз-

решить числа 11-го февраля послать посылку в 10 кг., но не всем».

Рядовой М.М. Енин в письме родным от 11 февраля 1945 года сообщал: «Нахожусь на территории Германии, где, наконец, немцы почувствовали, что такое война. Точно как у нас в 1941 г., но еще хлеще – все они бросают. Как везут по дорогам, так и остаются перины, пух и все барахло. Куры, гуси, коровы бродят без хозяев. Все мне напоминает то, как мы эвакуировались, но здесь некому тащить, все лежит». В письмах порой прорываются суровые реалии войны. Красноармеец-автоматчик С.И. Власенко в письме жене 2 марта 1942 года пишет: «Нашему отряду даны широкие полномочия. Так, например, если мы устанавливаем, что красноармеец ушел с фронта, старается увильнуть от атаки – словом, если он дезертировал, наш отряд имеет право расстрелять такого бойца без суда, да и как иначе поступать? Люди дерутся, льют кровь, умирают, а есть паразиты, которые увиливают и стараются скрыться ...» Иногда в письмах проскальзывали картины реальных боев. Офицер Н. Волков, сообщая 15 марта 1943 года родителям о гибели их сына И. Косарева, писал: «Я Игоря до боев не видел, но я видел сам, видели многие сотни бойцов в тот момент, когда была критическая минута напряженного боя. Он хлестал автоматным огнем по немцам. После налета авиации противника и после отбитых атак врага мы нашли его. Он был весь в масле танка, маскахал в

ВОЕННОФОРМ

кое-каких местах прогорел. В руке был ремень автомата, вернее сами щепки от оружия. Изрытая артиллерийским и бомбовым ударом земля была не белая от снега, наоборот, в воронках, гарью покрыта была мертвая земля». Как бы ни сомневаться в описании героической смерти Косарева, ее детали – масло от подбитого танка, прожженный маскхалат, расщепленный приклад автомата – придумать трудно. Или вот свидетельство о деталях войны радиста-фронтовика Ф.Д. Хоркина: «Вчера мы наблюдали с шестиэтажного дома западный берег Вислы, и что же? Эти изверги, сволочи, насильники кровожадные, и не знаю, как их еще обозвать, нелюди, эти немцы. Вводят гражданских: молодежь, стариков, детей нарочно, чтобы видели наши части на восточном берегу Вислы, и расстреливают, трупы падают в воду».

РАЗГОВОР ФРОНТА И ТЫЛА

Личные фронтовые письма при их внимательном чтении оказываются наполненными переливами чувств и многоголосием мыслей

и мечтаний их авторов. За внешней невзрачностью, сухостью и торопливостью их строк скрывались людские души беспокоящихся отцов, заботливых сыновей и дочерей, влюбленных воинов, людей, тоскующих по дому. В большинстве писем нет ничего героического, в них преимущественно отражается повседневный ратный труд. Война как обычная работа, только с постоянной угрозой для жизни, война людей, оскорбленных за большую и малую Родину и жаждущих отмщения, – такой рисуется Великая Отечественная во фронтовых письмах. И даже если не хочется впадать в пафос, сделать это чрезвычайно трудно, потому что невозможно избавиться от этого образа: не просто человека на фронте, а Российского Воина, буднично, как до войны дома за станком или с мотыгой, а теперь с оружием защищающего Отечество.

Две другие разновидности фронтовых посланий, за небольшим исключением, разительно отличаются от личных писем. Это связано с тем, что звание воина-фронтовика давало основание быть требовательным к местным

Старший сержант Г.И. Дубиненко, почтальон подразделения лейтенанта П. Беженца.

Снято 4 августа 1942 года на Юго-Западном фронте. Автор: А.С. Гаранин

властям в оказании помощи родственникам. Писем-просьб, писем-требований с фронта в партийные, советские органы, в райвоенкоматы, в редакции газет очень много. В них рисуются штрихи той жизни, которую приходилось переживать в тылу близким фронтовиков. Например, санитарка А.В. Щербакова, добровольно ушедшая на фронт, в письме на имя секретаря Сосновского райкома ВЛКСМ Тамбовской области от 1 апреля 1944 года просит оказать помощь своей матери: «Сейчас наша мать одна, у нее хозяйство. И что же ее заставляют все это бросать на произвол и идти работать, так как ее осудили и дали 4 м<есяча> принуд<ительной> работы за то, что она не работает, к тому же платит все налоги». Сложно судить о том, насколько эффективны были такие фронтовые обращения к местным властям. Но на некоторых письмах имеются различные резолюции с поручениями разобраться по существу с поставленными вопросами.

В подавляющем же большинстве эти разновидности фронтовых писем отличаются своей «правильностью», согласованностью с официальной пропагандой. Пронизывающая их риторика, неизменно героическая, не обходится без упоминания партии, Сталина, описания боевых побед, призывов крепить единство фронта и тыла. В этих письмах совсем иная война – тревожная и торжественная, героическая, победоносная, не с человеческим, а с коллективным лицом. Такие письма были рассчитаны на коллективного читателя и слушателя. Нет сомнения, что и фронту, и тылу были нужны и эти письма. Напоминания о фашистских зверствах рождали чувство мести, сообщения о победах поддерживали веру в окончание войны. Идея единства фронта и тыла была понята и дисциплинировала людей. Это был тоже разговор фронта и тыла.

ПИСЬМА КАК МОЛИТВЫ

Фронтовые письма – это весточка с фронта, прежде всего сообщение о том, что человек жив, ранен или убит, физический знак родным и близким о его состоянии на войне. Однако для авторов и их адресатов письма означали не что иное, как молитву, обращение фронтовика к некой сверхъестественной силе. Что за сила была в этом обращении? Кажется, ее можно назвать Надеждой, Мечтой, которые были не чем иным, как Верой в Победу. Именно эта сила постоянно присутствует или подразумевается в письмах. С ней фронтовики связывают абсолютно все свои помыслы, которые есть не что иное, как просьбы-мечты о будущем и в будущем.

Написание письма, его прочтение в тылу были своеобразными ритуальными действиями.

И понятно, почему фронтовые письма были фактически молитвами. В СССР как атеистическом государстве, на фронте и в тылу Бога почти не было, он был допущен туда лишь чуть больше, чем до войны, и он вращался в сфере политики, а не во фронтовом бытии. Фронтовые письма были легальным преодолением запрета на молитву Богу, они заполняли духовный вакуум и дополняли беседы с воинами политработников желанием простого человеческого общения авторов писем. Старшина В.А. Швычков писал своей жене: «Оба письма, что я получил от вас – я их берегу. И еще берегу на память – Нина собирала мне листочки от численника для курева – я их берегу в конверте. Иногда, время от времени, я их вынимаю и смотрю, и вспоминаю своих деток». Почти как воины дореволюционной России, которые хранили в ладанках молитвы, подаренные близкими. Духовная терапия, присутствующая при вознесении молитвы, составляла суть и фронтовых писем. Она имела двойной результат и для авторов писем, и для их корреспондентов. Она воодушевляла и тех, и других Верой, Надеждой, Любовью, которые возвышались над страхом быть покалеченным или убитым на фронте, над невзгодами в тылу. Надо всем тем, что нормальным человеком воспринимается как ненормальное: над ужасом, порождаемым войной. «Молись и молись, мама, обо мне, дай нищему горячий пирог и хлеб и стакан молока за меня», – просил красноармеец И.П. Стенькин свою мать в ноябре 1943 года, за несколько дней до гибели.

P.S.

Фронтовые письма Великой Отечественной как птицы, которым не всегда случалось долетать до гнездовий. Не долетали и фронтовые письма до адресатов в прямом смысле этого слова. А в символическом – не возвращались домой их авторы. Авторы большинства процитированных писем-молитв погибли. Не претендую на истину, я попытался донести не только их молитву, молитву об их мечтах, жизни и судьбе, Родине большой и малой, но и нашу теперешнюю молитву в память о них и в назидание нашей сегодняшней жизни. ●

В статье использованы документальные публикации фронтовых писем последних лет: Нам выпало на долю... Великая Отечественная война в письмах, дневниках, воспоминаниях. Тверь, 2005.

Письма Великой Отечественной. Тамбов, 2005.

Ставрополь: правда военных лет. Великая Отечественная в документах и исследованиях. Ставрополь, 2005.

Солдатские письма. Саранск, 2005.

Любовь Румянцева [Санкт-Петербург]

«МИЛАЯ МОЯ ВЕРОЧКА...»

Слова о том, что любовь сильнее разлуки, горя и даже смерти, давно стали набившой оскомину банальностью. Сегодня в моде цинизм, но сердца даже заядлых скептиков тронет история ветерана, узника концлагеря Бухенвальд Леонида Майорова. Из ленинградских бухенвальдцев до 65-летней годовщины Великой Победы дожил только он. И, перебирая конверты военных писем, старик спешит, пока еще жив, рассказать о пережитом – не только о своих мучениях в пленах фашистов, но и о любви, надежде и своей Вере.

АК ПОЛУЧИЛОСЬ, ЧТО В ГОСТИ к Леониду Майорову я попала в канун праздника – 11 апреля отмечают Международный день освобождения узников фашистских концлагерей. Хотя 90-летнему Леониду Константиновичу трудно ходить и живет старик один в квартире в Московском районе, он подготовился: принарядился, приготовил кое-какое угощенье и даже предложил «дернуть по маленькой».

– Водку я давно уже не пью, – успокоил он меня, доставая стопки и бутылку кока-колы. – А вот этот напиток можно. Его даже моим ребятам разрешают – значит, и мне тоже не грех выпить. Ну, за праздник! Одиннадцатого апреля ровно 65 лет назад Леонид Майоров участвовал в

восстании узников Бухенвальда. И до сих пор гордится тем, что пленники «свергли» эсэсовцев и охрану своими силами, а американцы, прибывшие на танках через несколько дней, застали в Бухенвальде не униженных узников, а уже свободных людей.

– Но об этом потом, – спохватывается Леонид Константинович. – Пойдем, я тебе ребят своих покажу. В комнате на стене висят старые черно-белые фотокарточки, в том числе молодого Лени Майорова в военной форме: двадцатилетний парень уходил в армию в 1940 году. Но старик показывает другую фотографию – цветную, современную. На ней улыбаются трое детей – два мальчика и девочка.

– Вот у меня сколько правнуков уже, – гордо рассказывает ветеран.

– Это мой внук Димка постарался. Одному из малышей еще года нет, девочка средняя, а старший уже в седьмом классе. Правда, живут они в другом районе, вижу я их редко, вот недавно сын с внуком меня возили на машине. Раньше я сам по городу везде сам ходил, хоть и с палочкой. Только на ноги свои и расчитывал. А теперь они меня подвели. Не слушаются уже.

Раздается телефонный звонок: внук Дима звонит узнать, как дела, сообщает, что приехал с работы. Потом звонит сын Костя – с тем же сообщением.

– Не могу на сына и внука пожаловаться, – говорит Леонид Константинович. – Они у меня ребята честные, уважительные. Приезжают по очереди, покупают мне еду, обстирывают, уборку наводят. И каждый день звонят мне, как приходят с работы: им-то это не надо, но я их попросил. И они звонят, ни на минуту не опаздывают.

Соседи переживают за ветерана: как он живет один-одинешенек? Да и сам Леонид Константинович вздыхает, что из его ровесников никого не осталось в живых.

– Мы учились в школе Петроградского района, раньше это была Константиновская гимназия, – вспоминает ветеран. – Как-то несколько лет назад созывали всех выпускников отмечать столетие школы. Встретил тогда пару своих еще живых одноклассниц. А парней ни одного не осталось. Участь нашего ленинградского поколения 1920 года рождения была предрешена: в 1940 году все отправились в армию, на границу – в Западную Белоруссию и Польшу. И через год, как только началась война, все оставили там свои кости. Сейчас уже и моих ровесниц не осталось, я дружу с их детьми. Один я зажился на свете, как еще Богу не надоел? – грустно усмехается старик.

Любовь, весна, черемуха

Из комода Леонид Константинович бережно достает увесистый кулек, перемотанный бечевкой. Разворачиваем, а там – сотни конвертов, пожелтевших от времени, и на всех неровным почерком написан заветный адрес: «Ленинград, Гончарная улица, дом 23». Эти письма красно-

Леонид Майоров
написал книгу о «своем»
Бухенвальде – чтобы мы
помнили тех, кто погиб,
и тех, кто выжил

армеец Майоров слал из армии своей подруге и невесте – Вере Орловой, которая ждала его в Ленинграде. А она хранила каждое. Сейчас у старика уже зрение не то, чтобы перечитать их снова, но даже при взгляде на эти письма его лицо молодеет, а в необыкновенно живых голубых глазах появляется блеск.

– Да что там читать, одна любовь, и все, – машет он рукой. – Мы же с Верой выросли вместе, сидели за одной партой, потом вместе поступили в педагогический институт. Я только на двухгодичные курсы, потому что знал, что меня в армию заберут, а она хотела стать настоящей учительницей. Каждый день после школы Леня Майоров провожал Веру Орлову домой, неся за ней ее портфель. Путь

неблизкий – через Неву, через весь Невский проспект в район Московского вокзала, на Гончарную улицу. А потом к себе домой на трамвае – на реку Пряжку, где Леня жил с отцом, матерью и еще тремя детьми, которых приютили его родители. Уроки делал спустя рукава – знал, что скоро в армию, да и отличница Вера всегда давала списать.

– Вы не поверите, нам даже говорить с Верой было не надо! – улыбается воспоминаниям старик. – Обо всем было говорено. И написано – у нас была с ней специальная тетрадь, мы ее на уроках пересыпали друг другу и в ней переписывались. У нас с другом были велосипеды, так мы специально ездили весной за город в Шувалово, там срывали

целые кусты черемухи, прикрепляли их к велосипедам и везли своим «дамам сердца». Нас даже постовые останавливали, такие огромные за нами волочились «хвосты».

«Ждите новостей через неделю»

Когда в осенний призыв 1940 года Леонида Майорова призвали в армию, он сразу взял с собой несколько конвертов, чтобы писать отцу с матерью и своей подруге. Писал практически каждый день. Читать эти письма сейчас, спустя 70 лет, – все равно что переноситься в машине времени в последние довоенные дни, наполненные восторженной молодой любовью, ожиданием скорой встречи, пред-

чувствием совместного счастья. Кажется, что аккуратно сложенные вчетверо листки до сих пор пахнут черемухой. «Милая Верочка! Какой нехороший Ленька. Заставил тебя дожидаться письма. Сознаю свою неправоту». «Здравствуй, моя хорошая!» «Сегодня первый день нового, 1941 года. Получил твою открытку. Спасибо тебе. Навести моих старииков». «Meine liebe Maedchen!» («Моя любимая девочка!»)

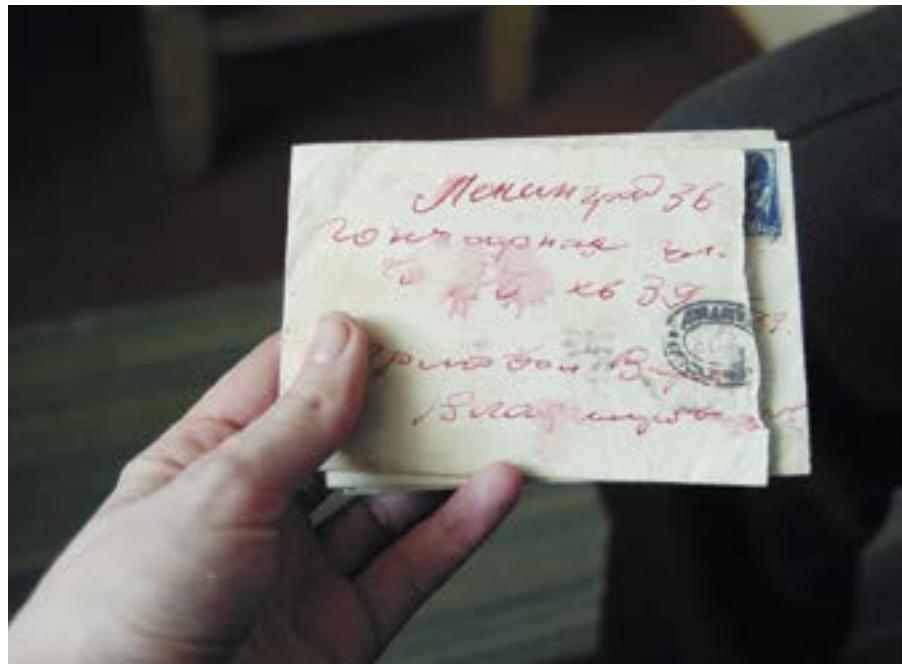
– Неужели я писал по-немецки? – удивляется Леонид Константинович, глядя на это обращение. – Это я в шутку, мы ведь с ней в школе учили немецкий. Тогда я еще не догадывался, как этот язык мне пригодится в плену.

Даты на письмах бьют по глазам: надвигается катастрофа, о которой не подозревают ни красноармеец Ленька, ни ленинградская студентка Вера. «8 июня 1941 года. Червонный бор. Моя девчонка Верушечка! Здравствуй! О себе сообщаю, что я пока жив и здоров, как, конечно, и должно быть. Живу по-старому, пока еще без изменений. Хотя жду чего-то. А чего – сам не знаю». Последнее письмо пришло Вере Орловой за три дня до начала войны. «Милая моя Верочка! Нашу часть отправляют в другое место, ждите от меня новостей через неделю. Твой Ленька». Новости от Леонида Майорова пришли только через пять лет...

«Каждому свое»

Дальше события развивались по трагическому сценарию. Полк, в котором служил молодой Майоров, попал в окружение уже на четвертый день войны. Из трех тысяч человек в живых осталось тридцать. Среди них оказался и Леонид Майоров.

– Я тогда понял, что что-то или кто-то есть там наверху, – глядит на иконы на стене ветеран. – Меня оглушило взрывами, я сунулся головой в березу, погрузился по пояс в болото и вспомнил молитву Николаю Чудотворцу. И выжил. Через много лет я узнал, что моя мать, когда получила повестку, что ее сын числится пропавшим без вести, обошла всех ленинградских гадалок и цыган. Ей сказали, что сын ее жив и находится с хорошими людьми. Она

ПРЕДСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Письма
двадцатилетнего
Лени из армии
с заветным адресом
на конверте...

...бережно хранятся
уже 70 лет

ПРЕДСТАВЛЕНО АВТОРОМ

всю блокаду молилась за меня. А вот отца не уберегла – он был поваром, поэтому голод семье не грозил. Но ему пришлось по долгу службы дегустировать все продукты, в том числе и водоросли, которые выуживали из Обводного канала. От них у него случилось отравление, и он умер у матери и приемной сестры на руках.

Леонид Майоров стал военнопленным. Его пересыпали из одного лагеря в другой, через всю Польшу в Германию. Большая часть пленных гибла – от голода, побоев, болезней. Из одного такого лагеря Майоров попытался убежать, но неудачно, его поймали. Должны были расстрелять, но выбрали более изощренное наказание. Так, в мае 1942 года Леонид Константинович оказался в концентрационном лагере Бухенвальд. Железные ворота с надписью «Каждому свое» закрыли от ленинградца весь остальной мир.

Будни Бухенвальда

С этого момента никакого Майорова больше не существовало – вместо него появился узник №3258. Такое «имя» присвоили ленинградцу на долгих три года. На его полосатой робе в нескольких местах были пришиты красный треугольник и – чуть ниже – буква R, что означало «русский». Красный цвет означал, что узник политический, зеленый – уголовник, черный – саботажник, малиновый – гомосексуалист. Кроме того, на спине, на груди и на ноге у узника №3258 были пришиты два круга, которыми помечали беглецов. За это их называли «движущимися мишнями». Обычно такие люди не выживали. Об ужасах своей жизни в Бухенвальде Леонид Константинович рассказывает спокойно, даже буднично – сказывается многолетний опыт военных рассказов по школам и ПТУ.

– Мне дети письма со всего Советского Союза писали, – показывает

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ветеран еще одну увесистую стопку конвертов. – Каждому я рассказывал о нашем житье-бытве в Бухенвальде. Хочется мне это вспоминать или нет – мы, узники концлагеря, поклялись, что до самой смерти будем делать все, чтобы об этой трагедии помнили и не дали фашизму возродиться.

В специальном альбоме Леонид Майоров хранит фотографии и картины из Бухенвальда.

– На апелле (центральный плац) стоял специальный станок, типа «козла», – рассказывает бывший узник. – В чем-либо провинившегося заключенного (например, он не поприветствовал эсэсовца снятием своей шапки или лениво, по мнению надзирателя, выполнял свою работу) клади на «козла» и били палками. Иногда, для «усиления эффекта», под голову подкладывали кирпич, чтобы при каждом ударе наказанный бился об него.

Были и другие наказания. Например, из карцера была одна дорога –

в крематорий. Во время работы в каменоломнях, где заключенные таскали камни, охранники могли просто столкнуть узника в карьер, чтобы посмотреть, как он разобьется. Иногда с узника проходивший мимо фашист срывал шапочку и бросал в сторону. Следом за этим следовала автоматная очередь, ведь была предпринята «попытка к побегу». Подобные «эксперименты» ставились не только ради садизма, но и из практических соображений: за каждое предупреждение побега эсэсовец получал премию и несколько дополнительных дней к отпуску.

Иногда «нерадивому» заключенному давали в руки наиболее тяжелый камень и прогоняли сквозь строй эсэсовцев, которые избивали его палками. Когда обессиленная жертва падала, то тут уж охрана отрывалась вовсю – его били ногами, натравливали собак...

– Я сам подвергался такому наказанию, уж даже не знаю, за какую «пропинность», – говорит Леонид Майоров. – Во время экзекуции мне сломали позвонок, я не мог двигаться. Меня сочли мертвым, отнесли в ревир (так назывался местный госпиталь для заключенных). Но, видимо, какая-то сила меня хранила: чешский врач из заключенных Франц Поспешил заметил, что я еще жив, и полтора месяца выхаживал меня. Но та давняя травма мучает до сих пор.

«Помнишь кинотеатр на Васильевском?»

Через три года «жизни» в Бухенвальде Майоров весил 41 килограмм. И совсем бы умер от голода, если бы его не подкармливали... нем-

«Правнуки улыбаются мне каждое утро с фотографии»

цы. Немецкий заключенный Оскар отдавал русскому часть своей дневной пайки, делился табаком и даже подарил шерстяной свитер. Он мог себе это позволить, так как получал посылки со съестным и одеждой из-за решетки.

— Многие не выдерживали, — вспоминает Майоров. — Иногда обессиленные люди бросались на колючую проволоку. Но ни одного русского среди самоубийц не было, чаще бельгийцы и французы. Они не привыкли голодать, их организм оказывался более слабым. Но и я забывал постепенно про все, что находилось за пределами Бухенвальда. Мы не получали вестей из дома, я не знал про блокаду, про судьбу моих родных. Даже образ Веры постепенно мерк в моем сознании. Хотя иногда мы с земляком Женей Федоровым садились под буками и вспоминали: «А ты помнишь, какая буква не горела в названии кинотеатра на 2-й линии Васильевского острова?» Считалось, что настоящий ленинградец обязан это помнить. На вес золота ценились хорошие сны «про дом». Узники верили, что на том месте, где сон приснился одному, он обязательно приснится и другому. Такие «сонные» места могли даже пропадать на ночь за сигарету.

Встреча вопреки всему

Леонид Константинович до сих пор не устает повторять, что заключенные не сдались и не ждали помощи сложа руки. Они создали подпольную организацию, которая готовила восстание. Все приготовления велись в строжайшей тайне в течение двух лет: добывалось оружие, продумывался план действий. Когда Вторая мировая война подходила к концу, командование Бухенвальда получило приказ уничтожить концлагерь. Это мероприятие было запланировано на 11 апреля 1945 года, на пять часов вечера. Восстание узников началось в три часа. Отчаявшиеся люди бросились на колючую проволоку, которая находилась под высоким напряжением, матрасами и скамейками стали ее разрушать. Кое-где ограждение было прорвано, и бухенвальдцы вырвались на свободу. Как ни смехотворно выглядели истощенные, практически безоруж-

ные узники — эсэсовцы предпочли не принимать этот бой и сбежали. Больше, конечно, из-за приближающихся американцев.

Дальнейшая история известна всему миру благодаря кадрам кинохроники: освобожденные узники плачут от счастья и возвращаются домой. Но в жизни все было далеко

вокзале. До возвращения у меня полтора свободных дня. И я решил зайцем поехать в Ленинград. При попытке сесть в поезд меня поймали. Но комендант вокзала оказался добрым человеком, выслушал мою историю о матери и невесте и выписал мне билет. Когда я подъезжал к Колпино, я так нервничал, что без

Леонид, Вера и сын Костя
Майоровы

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

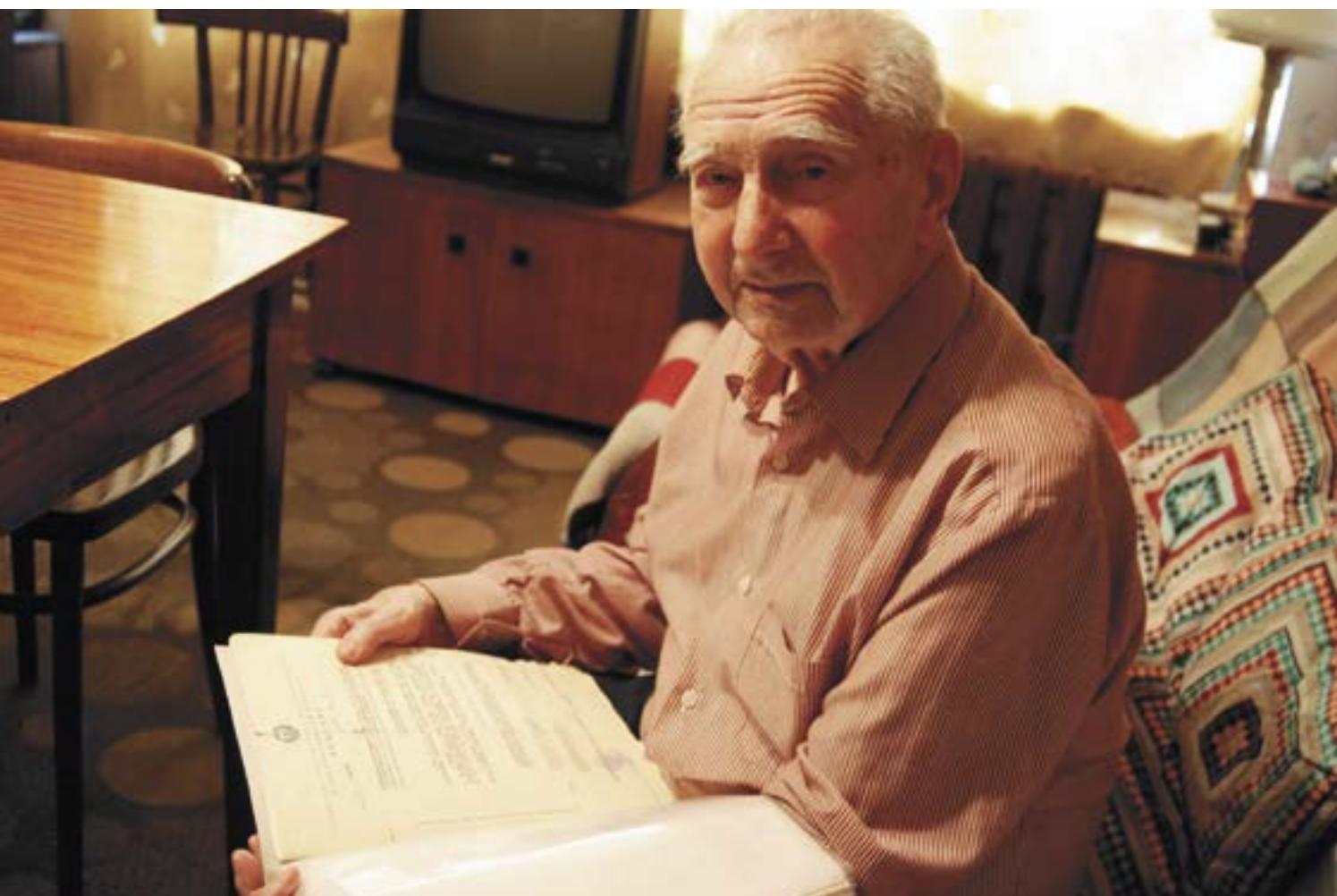
не так радостно: в Советском Союзе не очень-то жаловали военнопленных, видя в них потенциальных шпионов. Поэтому Майорова и его братьев по несчастью после многочисленных проверок отправили под Горький — на лесоповал. Там ленинградец еще «отрабатывал» свое «ничегонеделанье» в пленау.

— Мы не обижались тогда, — говорит он. — Радовались только, что остались живы и не в лагерях. А кроме того, мы смогли написать письма родным! И они мне ответили — и мать, и Вера. Оказывается, дом Веры на Гончарной улице разбомбили, и она переехала жить к моей матери, когда та осталась совсем одна. И опять полетели письма: «Милая моя Верочка!», «Верушечка!» Теперь они были приправлены горечью прожитых мучений и потери дорогих людей, но в каждой строчке всей войне и разлуке назло все равно читались любовь и предчувствие встречи.

— Однажды мне дали командировку в Москву, — вспоминает Леонид Майоров. — Я сделал все дела, сдал отчеты и сижу на Ленинградском

остановки курил трофейную трубку, доставшуюся от американского летчика в Бухенвальде. И когда вышел на платформу Московского вокзала, то свалился в обморок — то ли от курева, то ли от волнения. Дойдя до родного дома на Пряжке, Леонид Майоров не застал там мать — она была на работе, на заводе. Он пошел туда, объяснил на проходной, что к чему. Ее тут же вызвали. При виде сына у женщины подогнулись колени.

— У нас было всего полдня, чтобы пообщаться, — вспоминает Майоров. — Мы поплакали вволю, мать рассказала о судьбе нашей родни. А потом я поехал к Вере — она работала учительницей в техникуме, преподавала математику и физику. Взял с собой нашего одноклассника Петьку — тот тоже недавно вернулся с войны. Идем по коридору и слышим: в классе урок, я слышу Верин голос. Петька первый заглянул в класс. Она его как увидела, так бросилась обнимать: «Петька, откуда ты взялся?» Он ошалел от такого приема и говорит ей: «Верка, дура, на кого ты кидаешься,

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Четыре года жизни в плену – в сухих строчках пожелавших справок

посмотри, кто в коридоре стоит!» И тут мы встретились. Как только мы увидели друг друга, я понял, что наша детская любовь пережила войну.

Вспоминая один из самых счастливых моментов в своей жизни, Леонид Константинович улыбается так, что в нем легко можно узнать того молодого парня, который вез куст черемухи своей возлюбленной через весь город. Пальцами он гладит портрет молодой Веры Орловой, ставшей Майоровой.

– Когда я демобилизовался, мы поженились, – говорит он. – Пошли вместе на рынок за картошкой, проходим мимо районного исполнкома, а там написано «Загс». Я и говорю: «Верка, а нам же сюда!» Надо было 15 рублей заплатить, а у нас только и было денег, что на картошку. Уговорили служащую зарегистрировать нас так, а деньги принесли позже. А через год родился наш сын – Костя.

25 лет «святого семейства»

Если бы о судьбе Веры и Леонида снимался фильм, то здесь было бы написано «Конец». К сожалению, жизнь не заканчивается хеппи-эндом. Бухенвальд много лет давал о себе знать ленинградцу Леониду Майорову и его семье. Его не взяли в педагогический институт учиться. – Посмотрев мое личное дело, машинули на меня рукой: «Нам такие не нужны!» – до сих пор переживает Леонид Константинович. – Устроился на Фабрику Дзержинского, ткачом. Каждую неделю в пункте милиции надо было отчитываться о своем пребывании. Встречаться с другими выжившими бухенвальдцами мы не решались. Только во время хрущевской оттепели начались послабления. Тогда мы все встретились, мы же за годы плены стали друг другу как родные. Одним из ближайших друзей был Миша Сасковец – он жил в Мучном переулке, и мы с ним часами гуляли, то он меня провожает, то я его. Разговаривали только

о Бухенвальде. Вера уже выходила меня встречать, а с другой стороны шла его жена – забирать загулявшего мужа. Сейчас никого из ленинградцев-бухенвальдцев уже нет в живых.

…К серебряной свадьбе чета Майоровых готовилась загодя: Вера купила себе новые туфли, в ателье заказала дорогое платье. Но судьба распорядилась иначе. За несколько дней до праздника жену Майорова увезли в больницу. Диагноз неутешительный – рак.

– В течение недели Вера умерла, – тихо говорит старик. – Пришлось ее так и хоронить – в новом платье и в новых туфлях. Она похоронена рядом с моей мамой, через несколько могил. Мне уже не под силу ездить на кладбище, вся надежда на сына и внука. Ах, какая это была чудесная женщина! За 25 лет брака в нашей семье черт ни разу не поминался. Нас друзья называли «святое семейство» – потому что мы всегда ходили парой, за ручку. Такой жены, моей Верочки, больше ни у кого не было…

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Алексей Макеев

РАЗВЕДЧИЦА «НАРОДНЫХ МСТИТЕЛЕЙ»

Самая старая фотография в нашей семье датирована 1904 годом. На ней мой прадед Григорий Ланцов с сослуживцами перед отправкой на Русско-японскую войну...

В ГЛУХОЙ ДЕРЕВНЕ ОРДЫЛЁВО на Смоленщине, куда вернулся молодой боец в 1905 году, даже само слово «Япония» было в диковинку. Рассказы слушали всей деревней не один год. Но моя бабушка, Татьяна Григорьевна Макеева, об отце почти ничего не помнит. Ей было всего пять лет, когда он отправился на работу в Москву и там трагически погиб. Слава богу, остались в деревне взрослые братья отца, которые помогали осиротевшей семье. Был среди них и дядя Герасим, разбогатевший своим трудом крестьянин с огромными, натруженными с малых лет руками. «Кулак у дяди Гараси с мою голову был», – вспоминает бабушка. А когда я грыз гранит физиологии в институте, узнал простую закономерность: кости растут тем быстрее и больше,

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Татьяна Макеева
во времена работы
на Рязанской
железной дороге

Григорий Ланцов
(в центре)
на Русско-японской
войне 1904–1905
годов

чем больше деятельность окружающих их мышц. Профессор на лекции приводил пример с длинными пальцами у музыкантов и вытянутыми фалангами у боксеров, а я почему-то вспоминал про руки дяди Герасима. И все представлял, с какого же возраста, сколько и как он работал руками... В ходе раскулачивания колхозизаторы отобрали у работящего дяди его лес и угодья. А вот самого так поймать и не смогли. Гонялись за ним несколько лет, а потом плюнули. Просто отправили сына дяди Герасима на десять лет на Колыму.

Партизанский полк

И вот настало лето 1941 года. Татьяна Макеева – высокая, статная, в расцвете молодости и красоты. Ей 23 года. Муж ушел на фронт. Осталась одна с сыном.

В течение почти всей двухлетней оккупации деревня находилась в районе линии фронта. Если бы не исторические свидетельства, то поверить в это довольно сложно. Как такая глухая деревня могла стать местом постоянных боев, когда даже сейчас там песчаный большашак упирается в дремучий лес, разом обрываясь, словно здесь край света? И до ближайшего шоссе более 30 километров. Тем не менее это факт. Постоянные бои, бомбардировки, артобстрелы были частью жизни деревни в дни войны.

Немцы, захватив деревню, грабили беспощадно, брали все, что могли найти. Потом наши отвоевывали Ордылово, и жители сами отдавали голодным красноармейцам крохи, которые удалось спрятать от фашистов. Затем снова возвращались

немцы и свирепствовали еще сильнее, устраивали казни, бросали детей в колодцы. Казалось, этому аду не будет конца.

Надежду на спасение и боевой дух жителей поднял воздушный бой, проходивший прямо над деревней. И хотя был сбит наш самолет, увиденная яростная схватка в воздухе, как вспоминает бабушка, вселила во всех наблюдавших ее отчаянное желание бороться.

К тому времени в окрестных лесах и обширных болотах крепло партизанское движение. Формировалось оно в основном из попавших в окружение бойцов Красной армии. А сколько таких было в «заязданном» немцами ржевско-вяземском «мешке»... В начале 1942 года здесь уже действовал целый партизанский полк, имевший на вооружении помимо стрелкового оружия 2 дивизиона артиллерии, 3 танка, 8 танкеток, 6 автомашин. Полк наводил ужас на фашистов, порой принимавших партизан за регулярные части Красной армии.

Разведчица и священник

Татьяна Макеева вступила в партизанский отряд «Народный мститель», действовавший в Холм-Жирковском

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Первые послевоенные годы. Ордылёво. Бывшая партизанка (крайняя справа) с оставшимися в живых членами некогда большой семьи

Одна из первых прогулок в Кунцевском парке в Москве

районе. Бойцам требовалась помочь местных жителей, хорошо знавших округу. Бабушка в отряде стала связной-разведчицей. Голодная и ослабевшая, ходила по окрестным деревням «навещать родных», рискуя в любой день быть разоблаченной или просто расстрелянной как подозрительная личность. Продирала в день десятки километров, прорыгаясь по лесам и прячась от гитлеровцев в снегу. «Немцы, бывало, приставали. Я молодая, красивая тогда была. Раз зимой один фриц турнул мене воспятком. А я узяла лежащий тут же мороженый конячий кизяк и долбанула по ём разок... Хотели было мене прибить, да командир ихний вышел честный. Того, что ударил, выругал, а мене пустил», – рассказывает бабушка.

Сведения о немецких войсках разведчица передавала через настоятеля храма Ахтырской иконы Божьей Матери в деревне Пигулино. Церковь эта, основанная в 1812 году,

в предвоенные годы была единственным действующим храмом в округе. Небольшая, гениально простая церковь производит впечатление какой-то действительно не-прикасаемой святыни, которую не посмели тронуть ни богохорчество, ни война.

Позднее бабушке стали давать и диверсионные задания: «Раз подпалила я немецкий хлев. А далёко увайти не дали. Мене схватали и думали повесить. Спас тогда председатель, сказавши немцам: дескать, девка наша, не поджигала... Иной раз чесами сидела у засаде. Закопалась у снег с головою и жду, покуда немец пройдет. А холод какой был! Чуть до смерти не замерзала...»

Навсегда немцы ушли из Ордылёво в марте 1943 года. Напоследок сожгли всех жителей в барак и сожгли. В том огне сгорели и бабушкин сын, и старший брат. Сама партизанка уцелела только потому, что в тот день ушла передавать сведения в Пигулино.

Сражения после войны

После изгнания немцев партизанскую войну забыли сразу. Не до того было. А свой семизарядный наган разведчица хорошо спрятала на чердаке. Нашелся он только в 1956 году, когда бабушка вынуждена была продать свой дом и уехать из деревни. Очередная напасть пришла так же неожиданно, как и война. Хрущевские «реформы», по которым обложили налогами каждую корову, курицу, а также все плодово-ягодные кусты и деревья, не оставляли шансов на выживание однокой крестьянке. «А коровка моя была одна такая на всю деревню, – вспоминает бабушка. – Ни у кого столько молока не давала. Вымя великое. А чтобы люди не слазили, мужик с соседней деревни вел к себе мою коровку ночью. И ружье у яво было от волков защищаться...».

Так в 38 лет с небольшим узелком в руках бабушка впервые приехала в Москву. Не имея никаких знакомых и рекомендаций, первые годы работала на строительстве Рязанской железной дороги. Забивала кувалдой костили в шпалы. Затем перебралась в Кунцево. Жила в маленькой комнатке в подвале. Работала в котельной, бросала лопатой уголь... Девятиэтажный кирпичный дом на улице Гришина, в котором родились и выросли все мы – трое будущих внуков, бабушка строила собственными руками. Три года месила раствор и подавала кирпичи каменщикам. Заработала тем самым трехкомнатную квартиру на шестом этаже и палисадник. Посаженные бабушкой и родителями

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

На строительстве девятиэтажного кирпичного дома (Татьяна – крайняя справа)

деревья в палисаднике уже давно переросли наш балкон. Свое участие в Великой Отечественной партизанка официально оформила только в 70-е годы, когда ветеранам стали предоставлять существенные льготы. Тогда никто не верил, что ей удастся это сделать. Но бабушка упорно, в перерывах между работами ездила в Смоленск. Нашла там своего бывшего командира в отряде, Михаила Марышева, который и подтвердил партизанские заслуги разведчицы и написал все необходимые документы. А затем, после многих лет сражения в «собесах», в 1990 году добилась таки себе отдельной квартиры в доме неподалеку от улицы Гришина.

«Надысь» и чемодан икон

Бабушка на протяжении всей жизни хранила православную веру. Никогда особо ее не выпячивала, но в церковь ходила всегда и дореволюционное Евангелие читала. А однажды, в начале 70-х, умерла старушка-соседка по подъезду. Приехавший наследник

обнаружил у покойной целый чемодан икон. Вынося чемодан вместе с остальной старой рухлядью на помойку, встретил моего отца и предложил ему иконы. Отец только пожал плечами: «Зачем они мне?» А бабушка один образ все-таки взяла. Эта спасенная икона до сих пор висит в красном углу. Иверская Божья Матерь, в серебряном окладе, XIX век. Икону укрывает рушник, вытканный и вышитый бабушкой, когда ей было восемь лет... Вербное воскресенье и Пасху я помню с самого раннего детства. И тоже только благодаря бабушке. Она приносила вербу, красила луковичной шелухой яйца, пекла куличи... Живя в московской квартире, бабушка умудрялась сохранять в чем-то деревенский уклад до самой старости. Даже в свои 80 лет продолжала квасить в кадушке капусту на зиму, варить холодец на Рождество, поститься. Пасхальные куличи пекла исключительно в нашей старой духовке на Гришина – духовку в своей квартире не признавала. Из своей квартиры

в нашу тащила вместе с закваской и большие кастрюли, и формы для куличей. Причем ношу сооружала по-деревенски: связывала кастрюли веревкой и забрасывала их себе на плечо так, что одна кастрюля свешивалась спереди, а другая сзади. Так и шла несколько кварталов, изумляя столичных жителей... Наверное, бабушка так до сих пор и ходила бы печь куличи и капусту рубить, да в 2001 году кто-то на улице ударил ее бутылкой по голове. Несмотря на уверения врачей, что старушка вот-вот умрет, старая разведчица выкарабкалась и даже встала на ноги. Но на улицу теперь почти совсем не выходит... Бабушка сохранила и впитанные с деревенской жизнью остатки древнерусского лексикона. Это тем более ценно, потому как смоленский диалект сейчас умирает, даже в отдаленных деревнях Смоленщины на нем мало кто говорит. Если бы не бабушка, я, наверное, никогда бы не узнал, что такое надысь, воспятки, летась, леташний, завчёра...

ПРЕДСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПОСЛЕДНЕЕ МИРНОЕ УТРО

Анна Семенова, лейтенант в отставке [Кишинев]

Время не властно над нашей памятью. Воспоминания проходят перед глазами, точно кинематографическая лента, – кадр за кадром. И память, словно невидимый режиссер, дает команду: стоп! Снова и снова пройдись по прошлому во всех мельчайших подробностях. Оцени их. Прочувствуй.

ТАКИМ СТОП-КАДРОМ СТАЛ для меня воскресный день теперь уже далекого 1941 года. Я встретила его в городке писателей – подмосковном Переделкино.

Лето в том году наступило рано. По утрам росное, днем жаркое, сухое. Но листва на деревьях, травы, пропитанные весенними дождями, еще не успели потерять свежести. Голубое безоблачное небо раскинулось бесконечным сине-голубым куполом... Тишина и покой разлиты по всей округе. Только где-то неподалеку

стрекочут цикады да соловей, устроившийся на ветке дуба, перепутал, видно, время и днем вовсю выводит сладостные полночные рулады. Улицы в своем дачном городке писатели называют аллеями, иронично делят их на Главную аллею, от которой отвечаются Аллея классиков и Аллея неудачников. Сам же дачный поселок вырос на опушке леса, отрезанной от помещичьих владений. Теперь в просторных покоях помещичьего особняка нашел прибежище детский санаторий «Баковка». Симбиоз солидного медицинского цен-

Идет репетиция. За роялем – художественный руководитель госпитальной самодеятельности, заслуженный артист РСФСР Виктор Смирнов. Солистка – старшая операционная сестра Мария Харабуга

тра с общеобразовательной школой-семилеткой. Назван санаторий по имени бывших владельцев усадьбы. К слову сказать, отсюда рукой подать до знаменитых тогда правительственные дач в Баковке. Они строго засекречены. Более других известна дача Буденного, спрятанная за двухметровым каменным забором метров пятьсот в длину и столько же в ширину. По сравнению с этим великолепием дачные участки писателей, при жизни признанных классиками (Пастернак, Чуковский, Шагинян и другие), кажутся крохотными детскадовскими лужайками.

Воскресенье

Я студентка филологического факультета прославленного в довоенные годы ИФЛИ – Института философии, литературы и истории. Летом, еще со временем учебы в педагогическом техникуме, подрабатывала в санатории воспитательницей. Наше учреждение – единственное в округе. Соответственно, только у нас есть телефон, радиоузел и дру-

гие блага цивилизации, включая выложенную фигурной плиткой дорожку к пляжу. Мы щедро делимся своими благами с соседями-писателями.

Дети меня беспрекословно слушаются и постоянно вьются вокруг «тетечки Ани». Наверное, потому, что я самая молодая из всего медико-педагогического персонала санатория. По возрасту почти ровесница наших девчонок-старшеклассниц. А еще ребята на ура принимают наши литературные посиделки, где я старательно пересказываю содержание «Трех мушкетеров», «Всадника без головы», «Острова сокровищ» и других приключенческих книг. Место для посиделок дети выбрали сами: палуба игрушечного корабля довольно внушительных размеров, бросившего якорь на лесной полянке между величественными елями и семейством растущих из одного корня трех молодых дубов.

Двадцать второе июня – самый долгий день в году. В этот день – мое последнее дежурство в санатории. Все идет, как обычно: прогулки, игры, медицинские процедуры, вкусный обед. Еще на утренней линейке договорились, что после «мертвого» часа устроим очередную «встречу» с героями Дюма.

Из столовой ребячья гурьба вваливается на открытую веранду, где для всех уже приготовлены удобные постели. Я делаю замечания почти шепотом, спокойно, чтобы развеселое воинство поскорее настроилось на послеобеденный отдых.

Черная тарелка радиоточки, установленная на верху столба, – единственный наш источник информации – не подает голос с самого утра. Видимо, вихрастый симпатяга-радист Толик заспался после вчерашних танцев, устраиваемых по субботам для сотрудников санатория. Или, как это часто бывает, заснул в шахматы. Но никто за это на него не в обиде. У нас свой мир – простой и беспроблемный.

«Хорошо, – думаю я, – что не нужно бежать к Толику и просить отключить громкоговоритель на время тихого часа». Малыши уже сладко посапывают. Старшие хитро поглядывают на меня сквозь полуопущен-

ные веки. Ждут, когда я отвернусь, чтобы улучить момент для баловства. И всем так хорошо! Так весело! Неожиданно вижу на ведущей к веранде аллейке Корнея Ивановича Чуковского. Он – свой человек в санатории, частый и желанный гость взрослых и детей. Я его обожаю. И страшно горжусь, когда знаменитый автор «Мойдодыра» зовет меня к себе на дачу «отведать вкусностей, которые приготовила жена» или предлагает втроем прогуляться по переделкинским аллеям – «поговорить за жизнь». Видимо, ему хочется

день так и не заговорила. Зато в радиоузле у Толика было не протолкнуться. Все жадно ловили последние новости. Посоветовавшись, мы – вся работавшая в то воскресенье смена вместе с подъехавшими директором и его заместителем по медицинской части – приняли решение: от детей случившееся держать в секрете до следующего утра. Пусть воскресный день закончится для них так же радостно, как начался. Последний мирный день детства!

Нервный комок сжимает горло. Украдкой смахиваю слезы. Первый

В клубе госпиталя. На стене – экспозиция, посвященная Л. Толстому, ее подготовили сотрудники Музея Толстого

ПРЕДПОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

больше узнать о нас, будущих литераторах.

Но сейчас Корней Иванович непривычно взволнован. Остановившись неподалеку, сторчившись, точно за спиной у него непомерная тяжесть, делает мне знак: срочно подойти! «Только что приехала из города моя приятельница, – говорит он, едва переводя дыхание. – Вся Москва гудит. Началась война с Германией. Два часа назад по радио выступал Молотов. Писатели должны немедленно определить свое участие в общей борьбе, – почти на ходу заканчивает он. – Иду срочно звонить».

Страшная весть распространяется среди персонала санатория со скоростью молнии. Кто-то из сотрудников узнал, что на рассвете немецкие самолеты бомбили Брест и Минск. На западной границе идут тяжелые бои...

Ничего более определенного узнать пока невозможно. Нашу радиотарелку включать нельзя: дети спят. Забегая немного вперед, скажу, что она в этот

раз в жизни глотаю успокоительные таблетки: не выдерживает сердце. Но усилием воли держусь с детьми как ни в чем не бывало. Даже намеченные литературные посиделки на корабельной палубе состоялись в полном объеме и при единодушном одобрении слушателей.

Дорогие ребята! Простите нас всех, ибо умолчание – это обман. Но он был во благо, а значит, свят. Мы, взрослые, хотели, чтобы война для вас началась на целый день позже. А это в нашей жизни немаловажно. Где вы теперь, давно уже ставшие дедушками и бабушками? Как сложились ваши судьбы?

В понедельник, цепенея от страха – возьмут или не возьмут добровольцем на фронт? – я сидела в длинной очереди к военкому. Взяли! Так 23 июня 1941 года началась моя военная биография: сначала в эвакогоспитале №2912 Западного фронта, позднее – в госпитале №545 того же фронта. Она продолжалась до сентября 1946-го.

Моя линия фронта

Все неимоверно трудные дни Великой Отечественной войны мне приходилось стрелять разве что на учебных стрельбищах – для тренировки. Я ни разу не ходила в атаки, не наводила артиллерийских орудий на вражеские позиции, не отправлялась в разведку за языком. Тем не менее мое имя несколько раз упоминалось в приказах командования Западного фронта о награждении боевыми орденами и медалями наряду с именами отличившихся на фронте солдат и офицеров. Моя «передовая» с первого дня войны проходила в зависимости от обстановки – то совсем недалеко от линии огня, то в десятках километров от нее. Моя жизнь проходила у госпитальных коек и носилок с тяжелоранеными солдатами и офицерами. И в том, что советским медикам в то время удалось возвратить жизнь и здоровье 80 процентам пострадавших от вражеского огня, есть доля и моего скромного труда. Этим буду гордиться до последнего своего часа.

Госпиталь, куда меня направили служить 23 июня 1941 года, был развернут в том же санатории «Баковка», где еще два дня назад я работала воспитательницей. Получив направление, я была ужасно разочарована. «А как же фронт! – бушевало все у меня внутри. – Война быстро закончится. Мы победим, а я так и останусь тыловой крысой!»

Как же мы все были тогда наивны! Мы и предположить не могли, что для победы над фашизмом потребуется 1416 неимоверно трудных, кровавых дней, которые заберут жизни миллионов наших сограждан.

Ровно через месяц после начала войны с немецкой пунктуальностью, минута в минуту, ровно в десять вечера, над Переделкино пролетали самолеты с фашистской свастикой – бомбить Москву. В один из первых налетов бомба попала в здание Вахтанговского театра, погибли несколько актеров. Для защиты города и горожан над Москвой круглые сутки висели аэростаты: бомбажек становилось все больше. Воздушная тревога объявлялась по 10–15 раз в день. Нам, переделкинским «сидельцам», хорошо было видно, ка-

Младший лейтенант
Анна Семенова
(тогда Юдович)
с врачом госпиталя.
1943 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

кие жаркие бои разгорались в небе над столицей. И, кажется, не было тогда у нас большей радости, чем провожать глазами падающий камнем «юнкерс», подбитый нашими парнями. Одного чудом спасшегося немецкого летчика привезли с тяжелым ранением в наш госпиталь. Мне пришлось быть при нем переводчицей. Придя в сознание, Курт вспоминал родителей, оставшихся в Австрии, на чем свет стоит про клинал Гитлера, заставившего австрийцев воевать против русских. Переделкинское наше «сидение» продолжалось недолго и закончилось в черный для защитников столицы день – 15 октября 1941 года. Фашистские захватчики, рвавшиеся к Москве, прорвали линию фронта в районе Болоколамска. Их удалось остановить лишь в 18 километрах от столицы. В этой угрожающей обстановке на «отлично» сработала армейская медицинская служба. В считанные часы мы получили приказ немедленно эвакуировать в тыловые госпитали всех находившихся у нас раненых и больных. Всю ночь выписывали необходимые для эвакуации документы, раздавали пакеты с сухим пайком на дорогу, вкатывали тяжелые носилки с неходячими ранеными в санитарные машины,

рассаживали, словно малых детей, тех, кто мог двигаться самостоятельно... Ух! Всех отправили на восток. А сами по приказу командования двинулись в Москву, объявленную к тому времени на осадном положении. По дороге навстречу шел нескончаемый поток испуганных людей, бежавших со старицами, с детьми, с нехитрым домашним скарбом из фронтового города. В числе их, как выяснилось потом, было несколько беглых директоров предприятий, бросивших своих людей на произвол судьбы. Не обошлось без грабежей, мародерства. Городские власти сумели остановить панику за три-четыре дня. В изрядно опустевшем городе был наведен порядок, введен комендантский час. По строгому плану эвакуировались в восточные регионы заводы, фабрики, учебные заведения, учреждения культуры, детские дома. Для оставшихся горожан возобновили работу поликлиники, больницы, магазины, коммунальные и другие службы.

Получил столичную прописку и наш госпиталь. Теперь нам предстояло работать в комплексе зданий эвакуированного в Куйбышев инженерно-строительного института. Две тысячи штатных коек (самый большой лаза-

рет в осажденной Москве), несколько профильных отделений, пять операционных блоков. На всю жизнь запомнилось общее собрание личного состава. Проходило оно в огромном фойе главного корпуса. Тускло светила единственная лампочка под потолком (предосторожность при бомбёжках). Голос начальника госпиталя, генерал-майора медицинской службы, звучал по-отечески мягко. Но говорил он о серьезной опасности, которая всех нас ждет: мы уйдем последними, если, не дай бог, придется сдать Москву, как это сделал когда-то Михаил Илларионович Кутузов.

пускала из рук скальпель. Однажды, закончив очередную операцию, она потеряла сознание и упала тут же, в операционной. А через три-четыре часа, прийдя в себя и чуть отдохнув, снова заняла свое рабочее место. Такой же «конвейер» действовал и в других хирургических отделениях госпиталя. Тяжелораненых, кому требовалось длительное дальнейшее лечение, отправляли в тыловые госпитали – в Новосибирск, Курган, Бийск... Долго потом из этих городов к нам приходили солдатские треугольники с горячими словами благодарности за спасение.

«23 июня 1941 года началась моя военная биография: сначала в эвакогоспитале №2912 Западного фронта, позднее – в госпитале №545 того же фронта. Она продолжалась до сентября 1946-го».

го пения, танцев, художественного слова. Как талантливы были, оказывается, наши врачи, сестрички, санитары! Слава несомненной солистки прочно утвердилась за старшей операционной сестрой молдаванкой Марией Харабугой. Ее от природы поставленному красивому драматическому сопрано одинаково подвластны были оперные арии и народные молдавские песни. С воодушевлением готовились самодеятельные артисты к первому концерту в большом актовом зале госпиталя. Очень хотелось, чтобы концерт прошел на хорошем уровне. Вспомнила, что у нас в институте пару раз выступал заслуженный артист РСФСР композитор В. Смирнов, и решила обратиться к нему за советом. И – о, чудо! Виктор Сергеевич, несмотря на огромную загруженность, тотчас же предложил свои услуги. Так у нас появился художественный руководитель коллектива самодеятельности госпиталя.

Каждую неделю в актовом зале устраивали концерты. На сцену выходили не только «доморощенные» артисты, но и профессиональные музыканты из числа легкораненых: Михаил Боровик, первая скрипка Московской государственной филармонии; заслуженный артист РСФСР Игорь Солдатов – скрипач Большого театра; Павел Логинов – альтист того же оркестра; Зиновий Абрамович, виолончелист оркестра Театра имени В.И. Немировича-Данченко.

Нам удалось поставить дело так, что помимо наших артистов ежедневно в каждой из почти полусотни палат перед тяжелоранеными выступали прославленные, известные на всю страну артисты, писатели, композиторы, поэты. Голова кружится от одного перечисления имен: народные любимцы Надежда Обухова и Сергей Лемешев, солистка Большого театра Маргарита Нечаева, звезда московской оперетты, заслуженный артист РСФСР Игнатий Гедройц, поэт Сергей Михалков, композитор Ян Френкель и многие другие. Спасибо, что ни разу не отказали в моей просьбе посетить госпиталь! Спасибо, что, благодаря их искусству, раненым бойцам становилось немногого легче! ●

«А потому, – завершил свое сообщение генерал, – все вы должны принять решение: остаетесь ли вы или добровольно покинете нашу воинскую часть. Тем, кто хочет уйти, будет оказана помощь в переводе на другие, менее опасные подразделения». Не знаю, насколько такая вольность согласуется с уставом воинской службы и с присягой, которую мы все приняли. Но так было! Как говорится, из песни слова не выкинешь. Как было и то, что ни один человек, будь то врач, медсестра, санитарка, повар или уборщица, не покинул госпиталь.

Бои на подступах к Москве становились все более ожесточенными. С передовой чуть ли не каждую ночь прибывали раненые: их привозили именно по ночам, так было принято. В палатах катастрофически не хватало свободных коек. Многие лежали прямо на носилках в коридоре. Пришлось занимать под лечебные палаты и здание соседней школы. В хирургическом блоке круглые сутки шли неотложные операции, делались перевязки. Заведующая одним из хирургических отделений, Софья Викторовна Черных, маленький росточка, худенькая, с виду физически слабая женщина, по 12 часов не отходила от операционного стола, не вы-

Когда говорят музы, пушки молчат

Поначалу в клубной команде помимо меня были младший сержант Боря (радист) и вольнонаемная тетя Шура (библиотекарь). Но к нам быстро присоединились добровольцы из числа сотрудников, охотно записавшихся в хор, кружки сольно-

Алла Березовская [Рига]

ЛАТВИЙСКИЙ ЛЕВИТАН

Рижский адвокат, ветеран войны Альберт Паже – человек, хорошо известный в Латвии. Ведь именно он в мае 1945 года зачитал по местному радио приказ Главнокомандующего о капитуляции Германии...

НА ФРОНТ АЛЬБЕРТ ПАЖЕ ушел добровольцем. Семнадцатилетний паренек в 1941 году едва успел окончить техникум. Воевал в составе 201-й Латышской стрелковой дивизии, был тяжело ранен в боях под Москвой, после чего долго лечился в госпитале под Уфой. В 1943 году Альберта направили в Москву, где вскоре он стал диктором Всесоюзного радио. А еще через год, после освобождения Риги, Альберт Паже уже читал сводки Совинформбюро на Латвийском радио. Именно он рано утром 9 мая 1945 года сообщил жителям Латвии о безоговорочной капитуляции Германии и окончании Второй мировой войны!

«В Москве все приказы Верховного главнокомандующего по радио зачитывал, как вы знаете, легендарный Юрий Левитан, – рассказывает бывший военный диктор. – Делал он это блистательно! Недаром же за его голову Гитлер назначил вознаграждение в миллион марок. Мне же было доверено зачитывать все самые значимые новости на Латвийском радио. По существующей традиции любая информационная передача в годы войны начиналась и заканчивалась словами «Победа будет за нами! Смерть немецким оккупантам!...». И вот вечером 8 мая я, как обычно, закончил этими словами передачу и ушел домой спать. Утренние новости должны были освещать другие сотрудники. Но 9 мая ни свет ни заря за мной примчался посыльный и приказал срочно идти в Радиокомитет. Я жил недалеко и помчался бегом.

Альберт Паже сегодня возглавляет Общество ветеранов 130-го Латышского стрелкового корпуса и латышских партизанских бригад

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Едва отдохнулся, а мне дают текст на латышском языке с сообщением о том, что Германия подписала Акт о безоговорочной капитуляции! На этот раз приказ Главнокомандующего заканчивался словами: «Враг разгромлен. Наше дело правое – мы победили!»

Хотя с того дня и прошло 65 лет, Альберт Паже все равно заметно волнуется, рассказывая о важных событиях, участником которых ему довелось быть: «Я даже передать не могу, какую радость испытал тогда! Победа означала конец войны, означала мир. Мы же все этого так ждали! Люди на улицах Риги смеялись, улыбались, передавая друг другу радостную новость, только что услышанную по радио. Это ведь не мои выдумки – сохранились документальные кадры, они-то уж точно не врут. День Победы в мае 1945 года в Латвии был радостным и долгожданным праздником...»

Война и любовь

На ту войну они уходили совсем мальчишками, не успев не то что семью обзавестись, а даже влюбиться. Наш же герой свою первую и единственную любовь встретил в грозные 40-е. Это очень романтическая история.

«В начале войны я по-русски не знал практически ни одного привличного слова, – со смехом вспоминает бывший фронтовик Альберт Паже. – Однажды меня обложили трехэтажным матом солдаты-сибиряки, когда я, латышский паренек, отказался без приказа отойти от пушки и переждать артобстрел у них в блиндаже. Эти слова тогда показались мне такими красивыми, что я запомнил их все до единого... Ребята по моей просьбе несколько раз знакомили меня с «девушками-латышками», которые на самом деле оказывались либо литовками, либо эстонками. Но вот однажды

они таки уговорили меня пойти на танцы, обещая на этот раз встречу с настоящей латышкой...

На танцплощадке мы встретились, но я так боялся опять разочароваться, что начал с ней говорить по-русски. Как вы понимаете, с большим трудом. И вдруг она спрашивает: «А на что вы существуете?» Слово это мне было абсолютно незнакомо, и я посмотрел на нее с удивлением. «Ну, науда – деньги!» –

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Зашептила меня девушка, врат не буду, переживал, конечно. И вот однажды в жаркий августовский день 44-го я вышел прогуляться на Пушкинскую площадь. Стою, пью газировку и вдруг – глазам своим не верю: идет моя любовь по площади и меня в упор не видит! Когда я к ней подлетел, она тоже онемела от удивления... Вы представляете, вот так случайно встретиться в огромном незнакомом городе, после того

вдруг произнесла она, и я понял: точно латышка. У Лидии, так ее звали, бабушка и мама были латышками, но они еще после Первой мировой уехали из Латвии в Петербург. Латышский она знала неплохо. Но покорила меня девушка все же своим прекрасным русским языком. Она была очень начитанной, образованной, наизусть читала стихи Пушкина, Лермонтова, Некрасова... Как я мог устоять? Влюбился, конечно, отчаянно. Как она сама про себя позже в шутку говорила: «Я – не красавица, но чертовски хороша собой!» Но так и было.

Стакан воды

«Потом меня отправили на учебу в Киров, а Лида уехала к отцу в Уфу. Мы обменивались теплыми письмами, и вскоре я отправил ей послание с предложением руки и сердца. А в ответ – тишина... А я тем временем попал по направлению в Калинин, а потом и в Москву, где меня взяли диктором на Всесоюзное радио. Не дождавшись в 1943 году от Лидии ответа, я решил, что получил от ворот поворот...»

9 мая 1945 года молодой диктор Латвийского радио Альберт Паже первым сообщил жителям Риги о капитуляции Германии

как я безуспешно искал ее больше года! А если бы я не захотел именно в этот час выпить стакан воды? Все! Мы бы не встретились уже никогда! Вот вам и судьба... Теперь-то я уж не собирался упускать ее. Оказалось, Лида ехала домой в Ленинград через Москву и захотела погулять до отхода поезда по городу. Как выяснилось, она мне тогда ответила согласием, но письмо меня уже не застало. А девушка решила, что это я передумал!

Мы быстренько со всем разобрались и на другой же день – 26 августа 1944 года – я потащил ее в ЗАГС. Стоим в очереди. Перед нами одна пара осталась. Тут моя невеста струхнула и – давай деру на выход! Я – за ней. Лида боялась расписываться без согласия родителей, но я настоял на своем. Домой она поехала уже Лидией Паже... После войны жена поселилась со мной в Риге, ра-

ботала в издательстве редактором, переводчицей, потом журналистом. Она умерла в декабре 2008 года...».

Свойной счеты не покончены

Сегодня в Латвии проживает более 40 тысяч ветеранов войны – участников антигитлеровской коалиции. Не секрет, что после восстановления независимости отношение властей к ним было и остается откровенно недоброжелательным. Им запрещают носить советские ордена

и медали, оскорбляют в латышских СМИ, отказывают в присвоении статуса участника Второй мировой войны с выплатой материальных пособий. Зато к бывшим легионерам «Ваффен СС» относятся с любовью и уважением, они получают ежемесячную надбавку к пенсии из средств Минобороны, бесплатно лечатся в пансионатах и санаториях, проводят марши в центре Риги и других городов Латвии. Альберт Паже сегодня возглавляет Общество ветеранов 130-го Латышского стрелкового корпуса и латышских партизанских бригад. Как юрист, он ведет активную борьбу за права ветеранов-антифашистов, пишет обращения в их защиту в различные организации и ведомства, выступает в СМИ. За что националисты уже пригрозили ему расправой. Но бывшего фронтовика-добровольца не так-то легко запутать: «Вы знаете, у меня и в юности вопроса даже не было, на какой стороне воевать. Ведь долгое время мы, латыши, были под гнетом немецких баронов, которые нас и за людей-то не считали. Меняли нас на охотничьих собак или на дорогую курительную трубку... А уж что они творили тут во время войны, даже рассказывать жутко. Мы-то воевали против фашистского рабства, а легионеры клятву давали на верность Гитлеру, но никак не Латвии. Нам странно сегодня слышать, что они якобы сражались за Отчизну – это ложь и жалкая попытка оправдаться. И сегодня все больше людей это уже хорошо понимают. Есть хорошая русская пословица – черного кобеля не отмоешь добела».

Михаил Быков

ХОТЯТ ЛИ РУССКИЕ ВОЙНЫ?

Я тогда не задумывался, откуда они появились в моей едва начавшейся жизни. Они появились сами собой, как небо и вода, звуки и краски, троллейбусы и мороженое.

ОНИ – ЭТО ОН И ОНА. ОН – высокий, чуть сутулый, с черными глазами и большими сильными ладонями. Она – тоже высокая, статная, с копной темно-рыжих волос, ясным голубым взглядом и заливистым смехом. Я видел их не слишком часто, но всякий раз мне было радостно от новости, что очередная наша встреча случится вот-вот. А еще я твердо знал, что, когда стемнеет и мы с мамой соберемся домой, они выйдут нас провожать. В большом и шумном дворе нас будет ждать светлая машина с шашечками на дверях – и, значит, я поеду на такси.

На Малой Грузинской

Сколько себя помню, их всегда звали так: Соловьевы, дядя Ваня и Наташа. Никакой тети или там отчества. Дядя Ваня еще превращался иногда в какого-то Ивана Наумовича, но она – Наташа. И все! Я-то на правах дальнего и самого младшего родственника звал ее тетей. Она смеялась глубоким меццо-сопрано, но не возражала. Именно от тети Наташи я узнал о существовании Наполеона – в виде вкуснейшего и нежнейшего торта, тесто которого было укутано густым домашним кремом. Наташа поведала мне о таинственном «диспетчере», о принципе коммунальных

Иван Наумович Соловьев (в центре) на празднике московских Клубов юных моряков. 1971 год

кухонь с разделением столов на «наш» и «чужие» и о празднике 9 Мая, на который непременно надо идти к Большому театру.

Но с глазу на глаз мы бывали редко, так как Наташа все время хлопотала по дому. Гости либо ожидались с минуты на минуту, либо уже сидели за столом в единственной комнате, принадлежавшей Соловьевым в огромной трехкомнатной коммунальной квартире на Малой Грузинской улице в доме, что наискосок от краснокирпичного мрачного польского костела. Был еще вариант, что гости только-только разошлись и надо убирать, мыть, накрывать к чаю тем, кто все-таки остался, либо вздумал вернуться, либо запоздал... А вот с дядей Ваней мы беседовали куда больше. От него я узнал массу полезных вещей. Песню «Варяг», например. И песню «Хотят ли русские войны, спросите вы у тишины...». Он пел здорово, чистым и твердым баритоном. И про «битлосов» – так в Москве в начале 60-х называли четверку нестриженых и шумных парней из далекого британского Ливерпуля. И про военные парады. И про книжную серию «Жизнь замечательных людей», а также – про Майн Рида, Жюля Верна и даже Фенимора Купера. Дядя Ваня познакомил меня с такими важными для всякого мужчины словами, как «дача», «кортик», «стамеска» и «подводная лодка». Чуть повзрослев, годам к пяти, я уже понимал, что когда-то дядя Ваня был моряком. Лишним подтверждением тому было колоссальное число военно-морских офицеров в солидных чинах, собиравшихся у Соловьевых за столом по праздникам и просто так. И я, с настырностью неофита, лез к дяде Ване с расспросами о море. На эту тему он почти не говорил со мной, но однажды посадил на колено и поделился: «Плыvем мы, Мишутка, на подводной лодке недалеко от Африки. Жарко, сил нет! Решили всплыть, воздухом подышать. Ну, всплыvаем, выхожу я на поверхность, только решил искупаться, а вокруг – одни крокодилы...»

Странно, я совсем не испугался, а еще сильнее захотел быть моряком-подводником.

Главное, чему научил меня дядя Ваня, – это держать себя в руках. Как всякий мальчик, я боялся щекотки. Он щекотал меня чуть-чуть, хмурил густые черные брови и приговаривал: «С этим легко справиться. Надо только взять себя в руки». И показывал: упирал свои ладони в бока, я щекотал его в ответ до усталости, но дядя Ваня даже не улыбался. И я поверил. И щекоткой меня с той поры не возьмешь. Что-то неладное я стал чувствовать, когда уже готовился идти в школу. Девятого мая мы пошли на встречу ветеранов к Большому театру, и я впервые задал себе вопрос: почему у Наташи столько медалей и орден, а у дяди Вани – ничего, кроме «лодочки» о высшем образовании на лацкане хоть и черного, но сугубо штатского пиджака? Почему все дяди-Ванины друзья – капитаны всяких рангов, а он говорит о себе – матрос? А еще я запомнил, как кто-то за столом у Соловьевых говорил, что Наташа прекрасно готовит рыбу, но дядя Ваня никогда ее не ест. А селедку даже видеть не может, и блюдо с селедочными тушками всегда ставят на противоположный край стола. Как-то дядя Ваня взял меня, уже лет семи-восьми, в гости к своему другу. Тот жил очень далеко, за ВДНХ, то ли в Медведково, то ли у Лосиного Острова. Мы тащились на медлительном московском трамвае вдоль за-снеженных улиц, а дядя Ваня, вопреки обыкновению, молчал. Сильно бородатый друг открыл нам дверь, мужчины как-то скруто обнялись,

сели на кухне. На столе появилась бутылка водки, какая-то еда. Разговор шел неспешный, мне хватало внимания старших, но время от времени они забывали про меня, и речь заходила о вещах совсем непонятных и трудных. Потом друг принес какие-то документы, старую карту.

Сквозь сон до меня доносились звонкий баритон дяди Вани и густой бас друга. Потом я узнал, что друг – диакон в знаменитом Матвеевском хоре Троице-Сергиевой лавры. Они говорили о бомбажке, дюнах, партбилете, ранениях, каком-то политруке, которого убило на берегу... И еще мне запомнилось слово, которое повторяли чаще всего. Плен.

Дядя Ваня

Иван Наумович Соловьев родился в Москве в 1915 году. Был абсолютно сухопутным пареньком, но после десятилетки откликнулся на призыв комсомола и поступил в Ленинградское высшее военно-морское училище имени Фрунзе, к слову, единственное на тот момент в стране.

Потребность в военно-морских офицерах росла, и в 1938 году во Владивостоке открылось еще одно училище – имени адмирала Макарова. Соловьев включили в группу курсантов, командированных для продолжения обучения на Тихом океане. В феврале 1941 года свежеиспеченный офицер Соловьев вернулся в Ленинград, вернее, в Кронштадт. И служить бы ему в дивизионе торпедных катеров, но тут открылись в Питере специальные курсы штурманов-подводников...

Практика спецкурса пришлась на июнь 1941 года. Дивизион дизельных подводных лодок «Малюток» дислоцировался в Либаве (ныне Лиепая, Латвия. – Прим. авт.). 7 июня Иван Соловьев поднялся на борт лодки, на которой так и не успел выйти в море. Бомбить Либаву, базу Балтийского флота, немцы начали 22 июня, в первые часы войны. Лодки гибли у причальных стенок. А вместе с ними гибли и экипажи. Соловьев и его товарищи по практике уже были отчислены из личного состава дивизиона. Оказались теми, «кто в списках не значится». Их, 15 «тихоокеанцев», так и не успевших надеть уже сшитые в Кронштадте кителя с офицерскими погонами, бросили на берег к деревне Гробыня, занятой немцами. Винтовки образца 1892 года, полная изоляция и приказ задержать любой ценой – вот и все, что они имели на тот момент. Утром 26 июня решили идти в штыковую атаку. Но гитлеровцы опередили, обошли с фланга крохотный отряд в 50 штыков и начали засыпать минами. Иван получил тяжелое ранение в ногу и потерял сознание. А дальше – расхожая уже фраза: когда очнулся – понял, что в плену. Сколько тысяч раз можно повторить эти ставшие банальными слова! Сколько их было – солдат и офицеров, раненых и контуженных, плененных без сознания, неспособных к сопротивлению!.. И всякий раз – это глубокая личная трагедия. И почти всегда – сломанная судьба. Соловьев находился в плену всю войну: от и до. Я как-то спросил тетю Наташу, уже после того как дядя Ваня ушел из жизни, – как могло получиться: офицер, член партии – и не расстреляли? Ответила она просто: все было не совсем так, как показывают в кино. Иногда немцы соблюдали писаные и неписаные правила войны. Жизнь в лагерях для военно-плененных была более регламентирована, чем в концентрационных. Иван бежал два раза. Ловили. Наказывали. Судьба с каждым годом войны уводила его все дальше от границы СССР. Последний раз он бежал уже с шахты в Рурском бассейне. Бежал на Запад, союзники были ближе. Но в Бельгии какой-то фермер

Высшее военно-морское училище им. М.В. Фрунзе. Санкт-Петербург

напоил его молоком, дал заснуть в сарае, а потом выдал гитлеровцам. Их лагерь в Северном Рейне-Вестфалии освободили американцы. Соловьевы в бараках знали как человека инициативного и грамотного. Узнали об этом и офицеры армии США. И поручили русскому моряку составить списки заключенных. Потом, согласно этим спискам, передавали людей в нашу зону оккупации. Вовсю заработал «Смерш» и политотделы.

Соловьев прошел все фильтры и вернулся в Москву. Жил по друзьям, родной брат отказал в приюте. Кто-то сообщил Ивану, что арест неизбежен. Он прятался на подмосковных дачах, но... Суд приговорил Ивана Наумовича Соловьева к 10 годам заключения как изменника Родины. Посчитали, что он работал на американцев, предоставляя им списки заключенных в лагере. Ну и плен, разумеется! На воркутинских шахтах бывший морской офицер, как и в фашистских лагерях, отработал от звонка до звонка. Освободился, вернулся поближе к столице, к малой родине. Какое-то время пришлось рубить уголек уже тут, под Шатурой, на сотом километре. Опять-таки торфяные разработки...

В 1958-м удалось поселиться в Москве, на Малой Грузинской.

Позывной: Наташа

Анастасия Григорьевна Попова родилась в 1919 году на Дальнем Востоке. Кончилась Гражданская война, а вместе с ней время унесло и отца двух маленьких сестричек: Нasti и Веры. И подалась их мать на хлебную Украину. Осела с дочерьми в городке Кременная Луганской области. Так себе городок – одно название, станица казачья.

Бедствовали – не передать. Земляной пол, лучина, рваные валенки одни на троих. Тем удивительнее, что Настя отличалась исключительно жизнерадостным нравом, в школе была главной по самодеятельности.

Короче говоря, когда пришло время определяться после восьмилетки, Попова поступила в библиотечный техникум. А после получила направление в город Краматорск – заведовать тамошней городской библиотекой.

Анастасия (Наталья)
Григорьевна
Соловьеву у себя
дома. Москва,
90-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

В июне 1941-го призвали ее жениха. Он так и не вернулся с фронта. К слову, сестру свою, Веру, Настя тоже больше никогда не видела. Ее утнали немцы на работы в Германию. Но это все – потом. А пока...

Двадцатитрехлетняя библиотекарша поспешила в военкомат. Природная смелость, энергия, навыки, хорошее знание немецкого языка – что еще нужно, чтобы попасть в разведшколу? И Попова попала именно туда.

После нескольких месяцев подготовки Настя в составе разведгруппы выброшена на Северном Кавказе, под Моздоком. Группа интенсивно работала около года. Всякое было. Как-то в дом, где квартировала разведчица, ввалился немец, и раньше демонстрировавший мужской интерес к «Наташе». Такое имя по легенде досталось Поповой перед выброской. Она едва успела сунуть мешок с рацией под огромную подушку на кровати, как офицер вошел в комнату. Чудом удалось выпроводить ухажера.

В другой раз шла на сеанс в лес с чемоданчиком, в котором прятала рацию, как нагнал ее автомобиль с немцами. Только артистизм и уверенность в себе помогли избавиться от назойливости солдат фюрера.

В 1943 году ситуация стала осложняться. Немцы чувствовали себя на Северном Кавказе неуверенно, стали нервничать. Да и в группу пришла беда, откуда не ждали. Вторая радиостокка призналась Насте-Наташе, что беременна и работник из нее теперь никакой. С другой стороны, уже накопившийся опыт подсказывал, что среди своих завелся предатель. Опыт

не обманул. Единственное, что успела сделать Настя перед арестом, – это надежно спрятать рацию.

Местное гестапо провело первые допросы. Иказалось, отсюда дороги уже нет, замучают до смерти. Но в немецкой военной разведке пленных радиосток ценили. Убить человека – дело недолгое, а вот заставить или уговорить выдать «ключ» и потом работать на себя – куда важнее. Попову перевезли в Берлин.

Здесь с ней работал опытный и неглупый следователь. Он готов был терпеть ее «упрямство» еще и потому, что перед ним на допросах сидела эрудированная, отлично знавшая немецкую культуру девушка. Находка! В начале 1945 года и этот следователь, и его начальство поняли, что Попова не предаст. В тот час, когда крытый грузовик, очень похожий на «дущегубку», вез три десятка человек на расстрел в пригород Берлина, наша бомбардировочная авиация в очередной раз набросилась на столицу Третьего рейха. Тяжелые бомбы упали так удачно, что выбило почти всю охрану и водителя, разметало дверцы фургона, который замер между воронок на какой-то разрушенной улице. Смертники посыпались кто куда. Настя сначала пряталась в развалинах, потом в темноте выбралась за город. Ее приютили... крестьяне-немцы. Вскоре подошли советские части, а вместе с ними и – «синие погоны». После многочисленных проверок Попову вернули домой. Она оказалась в Кременной. Но особисты не отстали. Их очень интересовал один вопрос: как могло получиться, что человек

провел в гестапо около двух лет и вышел оттуда живым? Доказательно ответить было почти невозможно.

Как следствие – «измена Родине». Срок – 10 лет. И – Воркута!

На шахты Попова не попала. Ее, ничего не понимавшую в строительстве, поставили бригадиром – водить бараки. А кончилось все тем, что ее бригада оказалась лучшей, самой же Насте скостили срок до 6 лет. Она построила себе маленький домик из подсобных материалов и осталась жить в Воркуте. Еще на четыре года.

реабилитировали, вернули медали и орден Красной Звезды. Но до самой пенсии Анастасия Григорьевна проработала вовсе не в библиотеке, а в самом обыкновенном столичном таксопарке – диспетчером на линии. Найти в латвийских дюнах закопанные морским офицером Соловьевым документы желающего следователя не оказалось. Дядя Ваня работал… где он только не работал! А в самом конце 60-х в закрытом большевиками храме Успения Богородицы на Сретенских Воротах открыли выставку-музей Торгового флота

я буду понять то, что услышу, и все-таки ответила. «Иногда их в лагере кормили селедкой. А пить потом не давали. Вот так». Тогда я не сообразил спросить, в каком лагере – фашистском или советском, а теперь уже поздно.

Помните эпизод в знаменитом фильме «Офицеры», когда Василий Лановой говорит Георгию Юматову про полную орденов грудь, а тот, в свою очередь, объясняет, что половина – ее? И кивает в сторону сидящей на лавочке жены. Красивый эпизод...

Но это не выдумка сценариста, не находка режиссера. Я думаю, это – из жизни. Когда дядя Ваня и Наташа ходили в Парк культуры имени Горького, где собирались ветераны флота, она всегда делилась с ним наградами. По-честному.

Дядя Ваня умер в 1984 году. Наташа – а иначе в Москве ее никто не называл – прожила еще более 20 лет. До последних дней работала в районном совете ветеранов Великой Отечественной. Только уже не на Малой Грузинской, а в Братеево. Да и какая разница?

Наташу похоронили сразу после Дня Победы – 10 мая 2006 года.

Они лежат рядом. В глубине громадного Николо-Архангельского кладбища. На памятных плитах нет ни регалий, ни лишних символов. Соловьев Иван Наумович. Соловьева Наталья Григорьевна... Все просто. ●

Долгие годы Иван Соловьев с помощью коллег и друзей собирал материалы, посвященные курсантам Тихоокеанского высшего военно-морского училища имени адмирала Макарова. При жизни отредактированный им сборник так и не увидел свет. Через 17 лет после кончины Ивана Наумовича, в 2001 году, «Очерк о первом выпуске курсантов ТОВВМУ имени адмирала С.О. Макарова в июне 1941 года» был издан скромным тиражом. Копия этого сборника теперь передана на хранение в фонд «Русский мир». На вечное хранение...

ПРЕДОСТАВЛЕНО А. ВОРОНОМ

Соловьевы

В 1945 году Иван и Настя случайно встретились в фильтрационном лагере. Всего несколько минут вместе, но запомнили друг друга. На всю оставшуюся жизнь.

Вторая встреча произошла на пересылке. Женский барак, мужской барак, женский вагон, мужская теплушка – как все это было знакомо, будто ничего другого в мире и не было никогда...

В Воркуте они решили стать мужем и женой. Ивану оставалось четыре года, и Настя ждала его в построенной своими руками хибарке.

В Москве Насте оказалось устроиться легче. Помог добрый человек, следователь Плеханов. Упрямый, видать, был мужик. Он поверил не прокурорским странициам, а показаниям Поповой. И стал искать рацию. А когда нашел, дал делу повторный ход, и Анастасию Попову

СССР. И старый товарищ поспособствовал, Соловьева взяли туда – то ли младшим научным сотрудником, то ли старшим смотрителем.

Музей был крохотный, напичканный макетами всяческих кораблей во главе с атомным ледоколом «Ленин», который можно было включить, как большой и разноцветный фонарик, и он мигал ходовыми огнями и прожекторами, а под ним переливалось свободное ото льдов море. А на входе в первый зал стояли в карауле два чучела императорских пингвинов. Их стеклянные глаза-путовки не выражали ровным счетом ничего. Так же, как и желтые глаза крокодилов в океане у берегов Африки.

Реквием

Еще мальчиком я спросил у тети Наташи, почему дядя Ваня не ест рыбу. Она посмотрела на меня внимательно, словно оценивая, способен ли

ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

Юрий Зарахович*

МОЙ АМЕРИКАНСКИЙ ТОВАРИЩ

«Вот здесь живем мы с Джоном. А вот здесь меня держали под арестом в феврале 45-го. Все же, – усмехнулся высокий сильный человек, в свои 55 лет не утративший солдатской выправки, – сидеть в «Метрополе» не в пример лучше, чем в немецком лагере».

СТОЯЛ ФЕВРАЛЬ 1979-ГО. ПИК ОЧЕРЕДНОЙ ИСТЕРИИ ХОЛОДНОЙ войны. А человек, разговаривавший со мной в коридоре гостиницы «Метрополь», был американец Джозеф Байерли, приехавший в Москву навестить сына Джона (ныне посол США в Москве), работавшего тогда гидом на выставке «Сельское хозяйство США».

Джозеф немногословно и скрупульно вспоминал свой первый приезд в Москву 34 года назад. И от его истории – истории американского солдата, воевавшего с гитлеровцами в рядах Красной армии, – голова у меня пошла кругом. Было от чего.

6 июня 1944-го, когда высадкой в Нормандии открылся Второй фронт, сержант Джозеф Байерли десантировался из самолета под ураганным огнем противника. Прыгая из люка, он видел, как взорвался битком набитый однополчанами транспортник всего лишь в паре сотен метров поодаль: немецкая зенитка поразила цель.

Приземление вышло не очень удачным: он сильно ударился о крышу церкви деревушки Сен-Ком-дю-Мон. Хуже того, потеряв связь с другими десантниками, остался один. Однако двадцатилетний сержант знаменитой 101-й дивизии ВДВ США, пулеметчик, радиист и подрывник, обладал нестигаемым духом.

Еще до высадки в Нормандии командование дважды командировало Байерли выполнять задания совместно с французскими партиза-

нами на оккупированной нацистами территории. Видно, он их хорошо выполнял – сержантские лычки даром не давали. «Моей работой было воевать с нацистами, – говорил он. – Я ведь добровольцем пошел в армию, хотя мне, спортсмену, предложили стипендию в университете. Но у меня уже два старших брата служили в армии, и я понимал почему. Как ни молод был, а понимал, что Гитлер – всем нам смертельная угроза».

Да, плохо дело – оторваться от своих. Но «нас так готовили, чтобы и поодиночке выполнять боевые задачи», – говорил Байерли. Вот Байерли и выполнял. Взорвал электрическую подстанцию. Затем еще несколько объектов. А потом попал в плен. Нарвавшись на группу немецких солдат, забросал их гранатами. Но, уходя с места боя, пере-

лез через какую-то ограду прямо на руло пулемета, вокруг которого залегло целое отделение.

Затем были семь месяцев допросов и плены; семь немецких лагерей и тюрем и два неудачных побега. Бежал на восток, куда было ближе и откуда шли русские союзники. Во втором побеге подвело незнание обстановки: бежали трое, сели по ошибке в поезд на Берлин, попали в гестапо. Хорошо, что вермахт отбил их себе, формально гестапо не имело права держать у себя военнопленных. А может, вермахт просто имел на Байерли виды, поскольку в нарушение всех правил отобрал у него документы. Так или иначе, вермахт невольно помог Байерли решить его проблему, отправив пленного в лагерь Альт-Древиц в Польше, откуда в начале января 1945 года Байерли и два его товарища бежали снова. Спаслись от пуль охраны удалось лишь ему одному. От собак, пущенных за ним, ушел по ручью. Недели две днем прятался где мог, а по ночам упорно шел на звуки нарастающей с востока канонады.

Наконец, русские вышли на него сами: к сараю, где он прятался от немецких патрулей, подошли советские танки. Байерли шагнул навстречу солдатам, подняв руки,

в одной из которых держал свою последнюю пачку «Лаки Страйк», американских сигарет. Общаясь с русскими пленными в Альт-Древице, он научился нескольким фразам. Выходя навстречу русским, он кричал: «Я – американский товарищ!»

Байерли повезло: политрук танкового батальона понимал немного по-английски. Он помог ему объясняться с командиром – женщиной в майорских погонах, потерявшей в войну мужа и всю семью. Хотя имя ее он не запомнил, так и называл ее: Майор. В 80–90-х Джозеф и его сын Джон пытались найти этот батальон и его командира, но безуспешно.

Попотчевав «американского товарища» водкой и солдатской кашей, Майор сказала, что эвакуирует его в тыл, откуда Байерли с другими освобожденными из немецкого плена американцами отправят в Одессу, а затем в Штаты. Выслушав

Джозеф Байерли на военной подготовке десантников, специализирующихся на радиосвязи и подрывных работах.

1942 год

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА ПОДЛОННОЙ ГОРЕ

Высадка союзных войск в Нормандии. 1944 год

перевод, Байерли поставил стакан на стол. «Я – не освобожденный из плена. Я – бежавший из плена. Я бежал, чтобы выйти к вам и бить с вами гитлеровцев. Мы союзники, да? Значит, должны вместе воевать». В батальоне стояли на вооружении полученные по ленд-лизу американские танки «Шерман». Приведя в порядок установленную на них рацию и обеспечив связь, Джозеф окончательно сломал ледок недоверия. Когда же оказалось, что он отличный диверсант-подрывник и пулеметчик, его принадлежность к батальону стала восприниматься как само собой разумеющаяся. Джо воевал как все. Въехал на своем «Шермане» с советским автоматом ППШ в руках в лагерь Альт-Древиц освобождать товарищем по плечу. Может, смершевское бдительное око и зацепило бы «американского

ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

Джозеф Байерли – немецкий военно-пленный.

Июль 1944 года

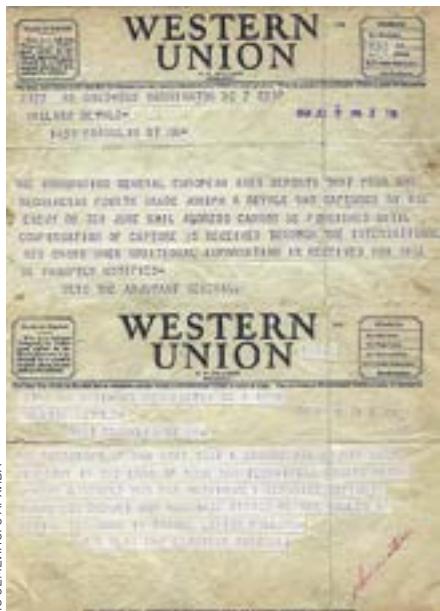

ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

товарища», прослужи он дольше, но... Месяц спустя пикирующий бомбардировщик угодил фугаской в его «Шерман». Тяжелораненого Байерли отправили в полевой го-

спиталь. А там... «Я уже оклемался достаточно, чтобы соображать, – вспоминал Байерли. – Вдруг шум, гам и переполох. Все засуетились, забегали, кто мог стоять – те встали

ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

Телеграммы Уильяму Байерли из Военного департамента, июль 1944 года.

В одной говорится, что Джозеф Байерли пропал без вести, во второй сообщается, что он погиб

навытяжку. Ну, ясное дело – высокое начальство пожаловало! Оно же везде одинаково происходит».

Однако насколько высокое начальство пожаловало, Джозеф себе и представить не мог. И уж тем более не ожидал, что маршал Жуков подойдет к его койке. Видно, доложил кто-то маршалу о самом необычном раненом красноармейце.

«Я пытался встать – ведь маршал! Но кто-то сказал: «Лежите, вы же ранены». Я очень стеснялся: мне, сержанту, и в нашей армии с генералами говорить не доводилось, а здесь – сам Жуков! Но маршал был очень приветлив. Спросил, кто я, откуда, есть ли семья, а потом сказал, что, как только поправлюсь, мне помогут вернуться домой. Жуков спросил, не нужно ли мне чего. И я попросил бумагу, которая помогла бы мне добраться до американского посольства. Мне эту бумагу принесли. До сих пор не знаю, что там было написано, но действие она производила магическое. Вот представьте себе, иду я по разрушенной Польше в оборванной униформе американского десантника, зная по-русски только: «Я – американский товарищ», «Я тебя люблю» и еще, конечно, «Давай вы-

РИА НОВОСТИ

пьем!», а тут – заградотряд. Меня цаг! А я им – письмо. Они тут же под козырек, и, если попутка попадалась, тут же подсаживали, или место в поезде сразу находилось. Так до Москвы и добрался. Последний раз застава НКВД остановила прямо перед Москвой. Офицер говорил по-английски, он прямо в американское посольство меня и доставил. Жаль только, тот офицер письмо Жукова отобрал. Сказал, мне оно больше не понадобится. Очень жаль».

Искали мы потом это письмо. В 1990-х самое высокое лубянское начальство заверило нас, что даже самая тщательная проверка архивов ничего не дала. Увы.

«В посольстве я сразу попал под арест, – продолжал Джозеф свой рассказ. – Мой семье ведь похоронку прислали еще в июне 1944-го, а я возьми и появись. Пока выясняли и удостоверяли мою личность, держали в «Метрополе», где мы с Джоном сейчас живем, под охраной морских пехотинцев. Потом все прояснилось, и я поехал домой».

Джон, которому тогда было 25, во время нашей беседы глядел на отца с таким откровенным изумлением, что Джозеф пояснил: «Джон очень многое сейчас слышит впервые в жизни». – «Ты никогда не рассказывал...» – «А ты никогда и не спрашивал», – улыбнулся Джозеф.

Домой в Маскигон, городок на восточном побережье озера Мичиган,

он вернулся 21 апреля 1945-го. На следующий год женился на Джоанне Холлоуэлл. По иронии судьбы венчание проходило в той самой церкви и велось тем самым священником, который служил по нему здесь заупокойную панихиду. В Москву в 1979-м приехал впервые с 1945 года: навестить сына, работающего здесь, – отличный предлог для получения визы, которую тогда давали со скрипом.

История Джозефа Байерли была настолько захватывающей, что хотелось всем о ней рассказать. И человек этот – высокий, сильный, полный достоинства, мужества идержанной иронии – невероятно располагал к себе. Но... Холодная война... Идеологическая бдительность и весь прочий осточертевший советский антураж... Надоумил меня друг, занимавший руководящую должность в журнале «Огонек». С его подачи я рассказал историю Джозефа Байерли главному редактору «Огонька» Анатолию Софронову. Тот, поморщившись, сослался на политическую обстановку и недремлющее око «инстанций». «Нас не поймут», – произнес он стандартную бюрократическую формулу-заклинание.

Я невзначай заметил, что Байерли собираются принимать руководители Советского комитета ветеранов

Посол Джон Байерли на открытии выставки «Герой двух наций», посвященной памяти его отца

войны генерал Павел Иванович Батов и Алексей Петрович Маресьев, знаменитый безногий летчик Отечественной войны. Софонов оживился. «А, это меняет дело, – заметил он. – Раз они получили на это санкцию, то нам о встрече в Комитете ветеранов написать совсем не грех». Когда я с помощью друзей попросил приема у генерала Батова, тот искренне сокрушался, что встреча с американцем может вызвать сложности. Узнав, однако, что «Огонек» собирается писать об этой встрече, с радостью решил, что встречаться можно.

Джо, разумеется, я в эти подробности не посвящал. Просто сказал, что Советский комитет ветеранов войны его приглашает. «Но я же простой сержант, – смущился Джо. – Прилично ли простому сержанту сидеть за одним столом с генералами, да еще с такими прославленными...»

Я ответил: «Батов и Маресьев – настоящие солдаты и героические люди. Они искренне хотят встретиться с союзником по войне. Вы легко поймете друг друга. Но вообще-то, Джо, не вам стесняться. Вы стоите доброй дюжины генералов».

Встреча в Комитете ветеранов прошла великолепно. До самой своей кончины в декабре 2004 года Джозеф Байерли регулярно приезжал в СССР, а потом в Россию с делегациями американских ветеранов Второй мировой войны. Наш союзник по антигитлеровской коалиции Джозеф Байерли навсегда остался истинным другом нашей страны. Он никогда не питал никаких иллюзий относительно советского строя, но преклонялся перед мужеством и честью людей, вынесших страшную тяжесть борьбы с нацизмом. При этом считал некорректным вмешиваться в жизнь союзника. Случись СССР и впрямь сцепиться с Америкой, Джозеф дрался бы с таким же упорством, с каким дрался с нацистами. Но он был одним из тех, кто знал, что простые люди в СССР войны не хотят, как не хотят ее и американцы. Он понимал, что только нормальные человеческие отношения уберегут оба народа от беды, и он был одним из тех немногих, кто брал на себя труд такие отношения создавать. Вряд ли Джо думал когда-либо об этом, но он

Джозеф Байерли
после парада на
Красной площади.
2004 год

Джозеф Байерли
похоронен на
Арлингтонском
военном кладбище

то и был ярким представителем «народной дипломатии», зачастую более эффективной, чем дипломатия профессиональная. И еще – он просто любил Россию и русских, принимая нас такими, какие мы есть. Для меня Джозеф Байерли был воплощением лучших черт американца: в молодости ли, в зрелости ли у него были незыблемые понятия о чести. Сила, достоинство, доброжелательность ко всем встречен-

ным людям, живое и острое чувство юмора. Память о страшной войне с фашизмом он хранил свято и атрибуты этой памяти глубоко чтил.

В 1994 году на церемонии празднования 50-летия открытия Второго фронта президент США Билл Клинтон и президент России Борис Ельцин чествовали в Белом доме сержанта Армии США, танкиста Красной армии Джозефа Байерли, воздавая должное его уникальной службе во время Второй мировой войны.

Р.С. Памяти Джозефа Байерли посвящена передвижная выставка «Герой двух наций», открывшаяся в Строгановском дворце Русского музея в Санкт-Петербурге 18 февраля. В Москве выставка откроется в Музее Великой Отечественной войны на Поклонной горе 6 мая 2010 года, а далее пройдет в Екатеринбурге и Пскове. Выставка организована Фондом международного искусства и образования совместно с Государственным Русским музеем. ●

* Юрий Зарахович – репортер, гид, занимался преподаванием и переводами. К сожалению, жизнь Юрия Зараховича трагически оборвалась в ноябре 2009 года.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Алексей Уразов

«В НЕБЕСАХ МЫ ЛЕТАЛИ ОДНИХ»

Во Франции есть две Нормандии, шутят французские летчики. Одна – историческая область на северо-западе Франции, славящаяся яблоками, молоком и сыром. Чтобы отыскать другую, нужно отправиться вглубь страны, в старинный Реймс. Именно здесь вы найдете «Нормандию-Неман».

ДЛЯ ИСТОРИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ РЕЙМС – город, имеющий большое значение. Именно здесь 7 мая 1945 года в 2 часа 40 минут ночи в ставке командующего союзными войсками генерала Эйзенхайуэра представитель немецкого командования генерал Йодль подписал Акт капитуляции Германии, предше-

ствующий безоговорочной капитуляции. И именно здесь в наши дни располагается военно-воздушная база 112 BBC Французской Республики, где хранятся традиции авиаполка «Нормандия-Неман». ...Ранним утром на чистеньком КПП мы пристроились в хвост небольшой очереди из военных джипов. Добираемся до окошка выдачи

документов для прессы. И вдруг слышим до боли знакомое: «Равняйся! Смирно!» Так нас встретил приветливый офицер – капитан Эрик Фонтэн. «Я просто люблю русский язык. Изучал его девять лет, жил на Украине, в Киеве. Во французском посольстве, – заметив наше недоумение, отвечает капитан. – И для меня большая честь принять участие в военном параде на Красной площади 9 Мая».

Сегодня здесь проходит одна из последних репетиций парада – или, как говорят французы, «дэфиле» – в честь празднования 65-летия Победы. Парад 9 мая 2010 года на Красной площади – это объединенный парад союзников. «Францию будем представлять мы, – с гордостью говорит Эрик Фонтэн. – Ведь это очень символично. Именно наши деды воевали с вашими дедами бок о бок в одном военном соединении на Восточном фронте. Это исключительный случай!»

«Корошо?» – «Бон!»

Сентябрь 1942 года. Третья республика во Франции пала. Коллаборационисты режима Виши – это и есть официальная французская власть. В это время на французской авиабазе Райак в ближневосточном Ливане по распоряжению генерала «Сражающейся Франции» Шарля

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

«Французские львы» на Восточном фронте

Белые стрелы на фюзеляжах
Яков – боевой знак нормандцев

де Голля создается авиагруппа под названием «Нормандия» – в честь французской области, наиболее пострадавшей на тот момент от боевых действий Второй мировой. Гербом полка стал квадрат красного цвета с двумя золотистыми львами – традиционными геральдическими символами Нормандии. А фюзеляжи самолетов полка украстили белые стрелы. Первый боевой состав группы – 14 французских летчиков, которые добирались до Ливана из всех уголков Европы и Севера Африки. В это время Москва и «Сражающаяся Франция» подписывают соглашение о формировани

нии на территории СССР французской авиационной эскадрильи. Уже в середине сентября 1942 года «нормандцы» приземляются на аэродроме Северный в подмосковном Иваново, где, по условиям советско-французского соглашения, вливается в состав 303-й авиационной группы советских ВВС.

«Командовал нашими ребятами генерал Георгий Захаров. Правда, есть тут одна легенда, – рассказывает капитан Фонтэн. – Полк сразу хорошо зарекомендовал себя в боях, и говорят, что его командиром захотел стать Василий Сталин, сын Иосифа Сталина. Сам, кстати, летчик по

военной специальности. Но «отец всех народов» воспротивился желанию сына». Уже после войны, в знак особой благодарности, Сталин подарит французским летчикам Яки, на которых они сражались всю войну. И во Францию пилоты вернутся на своих боевых машинах. Сталин сказал: «Победители должны вернуться домой на своих лошадях».

Прибыв на Восточный фронт в 42-м, французы действительно пересели на советские Як-3 – «боевые лошадки», верткие и простые в управлении. В русские морозы немецкие «мессершмиты» и «фокке-вульфы» просто не заводились, а вот Яки

Парадное каре
на взлетном поле

исправно взлетали. «Вы себе только представьте удивление пилотов Люфтваффе, которые воевали на Восточном фронте. Перехватывают радиосигналы, а там – французская речь! Шок и трепет!» – заразительно смеется Фонтэн.

Главным принципом «Нормандии» был интернационализм. Мало того что группа была русско-французской, так еще экипажи состояли, например, из пилота-француза и механика-русского. Всего – 72 французских добровольца,

из них 14 летчиков, 58 французских и 17 советских авиамехаников.

«Ветераны рассказывали мне, что французы быстро научились говорить «Корошо!», а русские «Бон!» – говорит Фонтэн. – Ведь иногда этого бывает достаточно. На войне многое понятно и без перевода. От смерти ведь тебя отделяет один шаг».

Вступив в войну, авиаполк «Нормандия» воевал на Курской дуге в 43-м, участвовал в операции «Багратион», освобождая Белоруссию, а 28 ноября 1944 года за прорыв немецкого

фронта и оборону Литвы Первому отдельному полку «Нормандия» было присвоено название «Неманский». С этого момента полк стал именоваться «Нормандия-Неман». Закончил войну полк в составе 3-го Белорусского фронта в Восточной Пруссии. И 20 июня 1945 года летчики полка, сделав символический вираж над Елисейским дворцом, благополучно приземлились на аэродроме в Бурже, где их встречал генерал Шарль де Голль.

Между прочим, советские Як-3, на которых сражались французские пилоты на Восточном фронте, стояли на вооружении Франции вплоть до 1956 года. Уже после войны полк еще не раз поднимался в воздух с боевым заданием. Так, «нормандцев» закинуло в Индокитай, где с 1946 по 1953 год Франция воевала во Вьетнаме. И все это история одного полка!

Летом 2009 года полк, базировавшийся тогда в Кольмаре, под Майенхаймом (Эльзас), был сокращен, став так называемой кадрированной единицей. С этого момента продолжателем традиций «Нормандии-Неман» стал полк, дислоцированный на военно-воздушной базе 112, что в Шампани.

«Значительная часть пилотов «Нормандии-Неман» служит сегодня на базе 112, – рассказывает капитан Фонтэн. – Всего здесь 1650 военнослужащих. Мы – часть семьи

ПРЕДСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ЦИФРЫ И ФАКТЫ

За время боевых действий на советско-германском фронте летчики «Нормандии-Неман» совершили 5240 боевых вылетов, провели около 900 воздушных боев, одержали 273 подтвержденные победы, 36 неподтвержденных и повредили более 80 немецких самолетов. Потери за время ведения боевых действий – 42 летчика.

За образцовое выполнение боевых заданий полк награжден орденами Красного Знамени и Александра Невского. 96 французских летчиков, проходивших службу в полку, награждены советскими боевыми наградами. Лейтенанты Марсель Альбер, Ролан де ля Пуап, Жан Андре и командир третьей эскадрильи «Шербур» Марсель Лефевр (посмертно) удостоены звания Героя Советского Союза.

Российский побратим французского полка «Нормандия-Неман» – 18-й гвардейский Витебский, дважды краснознаменный, ордена Суворова II степени, ордена Почетного легиона Республики Франция штурмовой авиационный полк ВВС РФ. Полк 11 ноября 2009 года был переведен в «спящий режим». С приморских авиабаз в Воздвиженке (около Уссурийска) и в Центральной Угловой (под Владивостоком) полк передислоцирован в Чугуевку (Приморский край). Именно эта авиабаза унаследует традиции «Нормандии-Неман». Туда же вместе со знаменем переедет и музей боевой славы полка.

полков «Нормандия-Неман» и хранители его традиции. Знамя «Нормандии-Неман» (это единственная авиачасть, имеющая свое знамя. – Прим. авт.) находится на хранении в штабе нашей базы».

«Летучие львы»

Французские асы – «летучие львы», как говорят французы, – есть и сегодня. Гордость базы 112 – лейтенант Николя Генан. Позывной Ebay, «коротко и красиво», как говорит он сам. «Мы – «белая кость» француз-

ской армии, хотя республиканцы по убеждениям», – шутит Николя. За его плечами не один десяток боевых вылетов в современных горячих точках – Африке и Персидском заливе. «Вот это самолет-инструктор. Имитатор, – объясняет Николя. – Место, где мы показываем новобранцам, что такое самолет. Основной машиной «Нормандии-Неман» был «Мираж F1 CT». Осталось всего несколько образцов таких машин, да и те на выставочных платформах. Основной тип машин сегодняшних

ВВС Франции – это бесчисленные «Миражи-2000», модификации «Рафаль» и «Мираж F1 CR», которые продолжают линейку французских боевых самолетов».

«А внутри много места? Удобно? – интересуюсь я у пилота. «Удобно? – удивленно переспрашивает он. – Наверное, это не то слово. Места достаточно. Ничего лишнего. В небе ничего лишнего просто не нужно. Там другая жизнь». Лейтенант оглядывает самолет-инструктор, задумывается и продолжает: «Конечно, со времен Второй мировой войны многое поменялось. Теперь самолеты напичканы разными штуками – навигатор сам тебя ведет по пути». Спрашиваю лейтенанта про подготовку к параду 9 Мая на Красной площади. Николя смущается: «Мне оказана честь быть знаменосцем. Когда я услышал об этом, сначала даже не поверил. Теперь мы каждый день репетируем!»

«Еще бы! – подхватывает капитан Фонтэн. – Летчик должен и в небе, и на земле быть на высоте. Так что ближайшие два часа я своим ребятам спуску не дам! Тренировка есть тренировка! Мы сейчас стараемся шагать как можно лучше, но есть еще, как говорят по-французски, место для улучшения».

Тренировка и вправду продлилась два часа, за которые и основная колонна, и каре знаменосцев во главе с Николем Генаном заметно устали. Капитан Фонтэн дал команду «вольно», а я напоследок задал вопрос, как он представляет себе парад 9 Мая в Москве.

«Я пока не знаю, как это – пройти по Красной площади. Но, наверное, это будет самый большой момент в жизни, как минимум в военной жизни человека. Помимо нас, французов, из войск союзников там будут еще полки из США и Великобритании. И русские, и американцы, и французы, и британцы – мы вместе воевали против врага, сражались за мир. И мы живем все вместе в мире и сегодня. Это важно. А главное – у нас одно небо. Помните, в фильме «Нормандия-Неман» (фильм Жана Древиля, снят на киностудии «Мосфильм» в 1960 году. – Прим. авт.) была песенка – «Ла-ла-ла... В небесах мы летали одних»?»

Денис Терентьев [Санкт-Петербург–Цхинвал], фото Кирилла Кудрявцева

ДОЛГАЯ ЗИМА ЦХИНВАЛА

Из 46 тысяч человек, живших в Цхинвале до пятидневной войны 2008 года, сегодня осталось 17–18 тысяч. Виной тому – не страх перед грузинскими танками и ракетами. Конечно, любой слых о том, что на границе опять постреливали, обсуждается долго и подробно, многие тут же собирают «тревожную» сумочку, с которой в случае чего побегут в бомбоубежище. Но это – инстинкты. Все понимают, что Россия их точно в обиду не даст.

ГЛАВНАЯ ПРОБЛЕМА В ЦХИНВАЛЕ сугубо экономическая: людям негде жить. Из 3,5 тысячи частных домов, разрушенных во время войны, сегодня восстановлено менее сотни – часто силами самих владельцев. Значительная часть населения вторую зиму пережила в разоренных жилищах или в палатках. От былой сплочленности осетин, объединенных общим горем августа 2008 года, не осталось и следа. В республике появились оппозиционные движения и СМИ, проходят большие и малые акции граждан, недовольных властями. Основной вопрос: «Куда дели наши деньги?»

Ни денег, ни работы

«Конечно, все понимают, что деньги это российские, – объясняет таксист Алибек. – Дареному коню в зубы не смотрят, но мы же знаем, что воруют их наши чиновники. Россия свои обязательства выполняет, а у нас – одни приписки и подлоги. В доме правительства говорят, что двести домов восстановили. Ничего подобного! У моей тети дом считается восстановленным. Ей крышу кое-как заделали, а в стенах дыры от пуль и снарядов так и остались. Ко второму этажу даже не прикоснулись. Только дожди начались, первый этаж тоже поплыл».

Алибек считается таксистом чисто номинально: у него есть старенький «жигуленок», с которым он дежурит на центральной площади у гостиницы «Алан» в надежде подвести кого-то из местных постояльцев –

иностранных чиновников или журналистов. Надежда эта весьма зыбкая, потому что вместе с ним здесь дежурят еще человек тридцать. Да и постояльцев в «Алане» почти никогда не бывает больше. Во время войны по гостинице били грузинские танки прямой наводкой, и ее до сих пор толком не ремонтировали, если не считать залатанных дыр в стенах. В номерах нет парового отопления, тепло поступает от обогревателей советских времен, способных вызвать истерику у любого московского инспектора по противопожарной безопасности. Номер стоит 400 рублей в сутки – это немалые для Цхинвала деньги.

«Работы нет для мужчин, – объясняет хозяйка маленького кафе Роза Чочиева. – Вся молодежь пошла в армию, там кормят и платят 7–8 тысяч

в месяц. Вроде бы восстановление в самом разгаре, рабочие руки должны быть на вес золота. Но нашим никуда не устроиться. Какие-то подрядные организации заключают договора по отдельным объектам и привозят с собой бригады шабашников: чеченцев, дагестанцев, украинцев. Часто бывает, что рабочим перестают платить, и они уходят, бросая объект в развороченном состоянии. Им же здесь не жить».

В городе не сразу отличишь обитаемый дом от брошенного: ворота нигде не запирают, надо зайти во двор и покричать. Из развалин дома на Молодежной улице, 21 к нам вышла молодая женщина. По ее словам, на втором этаже сохранилась небольшая каморка с целыми стенами. Там она и юится с тремя детьми, мужем и матерью. А в соседнем доме мы обнаружили «ничью» бабушку. Женщина лет восьмидесяти стояла на обвалившейся лестнице – и не понимала, кто мы и откуда. А ведь в Цхинвале есть десятки семей, у которых от дома остался один фундамент, и они вынуждены жить в палатке.

«У нас до грузинского нападения был судебный спор из-за прав на жилье, – говорит Зема Тедеева. – Дом уничтожен, живем в палатке,

К весне в Цхинвале оживает и природа, и люди

о восстановлении нет и речи, пока не будет судебного решения. А какие сейчас могут быть суды, ни у кого документов-то толком не осталось».

Нельзя сказать, что в республике не видно реальных признаков восстановления. На 60-километровом пути от Рокского тоннеля до Цхинвала бросаются в глаза новенькие подстанции, работают ковшами экскаваторы, мелькает на горном серпантине военная инженерная техника. В самом Цхинвале сверкают свежей краской здания силовых ведомств. На территории разрушенного грузинского села на средства правительства Москвы полностью отстроен коттеджный поселок «Московский».

Раньше простых жителей Южной Осетии сплачивало ожидание беды и общее бомбоубежище на каждый десяток домов. Первая же информация о грузинских «градах» вблизи границы – и вот уже соседи решают, на чьей машине сегодня эвакуируют детей во Владикавказ.

Хирург республиканской больницы Аслан продолжал оперировать, когда в 500 метрах от здания шел бой. Тогда он еще не знал, что стал бездомным. Первый месяц ночевал в рабочем кабинете и надеялся на помощь властей. Однако последующие полтора года ни один врач больницы не получил ни копейки помощи. Только в марте 2009 года правительство вспомнило о героизме этих людей: одного хирурга наградили орденом, другого – медалью, а Аслану подарили микроволновую печь. «Это же издевка настоящая! – разводит руками Аслан. – Зачем мне микроволновка, если у меня дома нет электричества?»

Во время войны операционная помещалась в подвале больницы – работали при свечах, без кислородных масок, в полнейшей антисанитарии. Одних полостных операций провели более двухсот, и ни один из пациентов не умер в последующие дни! – вспоминает врач Олег. А мой приятель недавно купил во Владикавказе холодильник, привез домой и только тогда обнаружил в морозилке стикер «Гуманитарная помощь для Южной Осетии». Это уже никого не удивляет».

У жителей Северной и Южной Осетии – тесные родственные связи. Из Владикавказа сообщают: вашу гуманитарную помощь выкидываем целыми машинами, почему вы ее не забираете? В Цхинвале находят только одно объяснение: 500 миллионов рублей, выделенных на транспортные расходы, давно «попилили», а на юг возят лишь часть грузов. В доме правительства слухи опровергают: виновата тяжелая горная дорога, опасная для «КамАЗов». Тем не менее их сотрудники изучают потребности населения, составляют списки нуждающихся и раздают «гуманитарку» прямо с грузовиков на центральной площади. Видимо, раздают недостаточно: в октябре на эту площадь вышло несколько сотен людей, а их гнев относился к бессменному президенту и «отцу нации» Эдуарду Кокойты и его приближенным. Впрочем, кому, когда и где хватало гуманитарной помощи?! Ее всегда не хватает, и всегда есть недовольные и «обделенные».

«Почти ни у кого из них в Цхинвале собственного дома нет, – говорит пожилой Вагиз. – Это временщики: сидят у власти, пока из России деньги идут, а потом исчезнут».

В разоренном войной городе с населением менее 20 тысяч человек уже возникли два оппозиционных движения и выходит антиправительственная газета. Например, во главе фонда «Гражданская инициатива» оказался бывший премьер-министр Южной Осетии Олег Тезиев, который много говорит о коррупции в нынешней власти и явно не против сам участвовать, как ему кажется, в более эффективном и честном освобождении российских траншей.

Пойдемте в закрома

Больше всех сегодня достается министру по восстановлению Зурабу Кабисову – в прямом и переносном смысле. До своего назначения в правительстве он занимался бизнесом в Москве и с самого начала пообещал восстановить 250 домов до начала зимы. В декабре он был вынужден признать, что не успевает сдать и половины обещанного, а некоторые СМИ сообщили, будто

Благодарность
российским воинам
не забудется еще
долго

из-за этого Кабисова избил помощник министра печати и массовых коммуникаций Алан Бадзаев. Впоследствии оба чиновника факт драки отрицали.

Хотя средняя зарплата в Южной Осетии составляет 1900 рублей, Зураб Кабисов говорит, что со временем республика может превратиться в новую Швейцарию. Ведь есть предпосылки для развития туризма и огромные запасы питьевой воды. «Восстановление идет не так быстро, как мы рассчитывали, – мешают перебои с финансированием, – рассказал министр. – За 2009 год первые деньги на жилой сектор пришли лишь в середине июля – 2,2 миллиарда рублей. А первую половину года мы простоявали. К тому же тяжелые жилищные условия у людей были и до войны: я знаю случай, когда в 27-метровой комнате жили несколько семей – всего 12 человек. Мы же не можем сразу всем им дать по отдельной квартире или дому. Но в планах восстановления республики – создание поселений по 50–60 металлокаркасных домов. Это вполне приличное жилье».

Кабинет самого Кабисова в доме правительства выполнен со вкусом: сине-оранжевые тона, кожаные кресла, «плазма» и портики «под древний Рим». Дизайнерский шик заметен и на подходе к кабинету в радиусе десяти метров: коридор, кабинеты помощников, министерский туалет. А дальше начинается

разруха: пол с отслоившимся линолеумом, запыленные окна, сбитые ступени лестниц.

Похожая история в здании республиканской больницы Цхинвала, которую взялся восстановить Петербург за счет внебюджетных средств. Снаружи – настоящая Швейцария, внутри – два работающих туалета на пять этажей, отсутствие водоснабжения и вода из бойлеров. Между палатами лежат застывшие кучи бетона.

«Сколько бы денег ни пришло из России, мы можем только сказать спасибо, – рассказывает министр здравоохранения и социального развития Южной Осетии Нугзар Габараев. – У меня претензии не по объему финансирования, а по его использованию». Представители подрядчика первые два месяца решали, как совместить наружный генератор с внутренней сетью больницы. Потом появились солдаты-срочники и бригада строителей из Чечни, которые не всегда понимают, как правильно забить гвоздь. В итоге наступила зима, а окна палат по-прежнему закрывались полиэтиленом. Морозы доходили до минус 15 градусов, а пациенты жили практически без отопления. На этом этапе подрядчики попытались сдать нам объект!»

Республиканская больница – единственное место в республике, где есть реанимация и хирургия. Даже в детском отделении палаты отапли-

ваются с помощью электрических нагревателей. А рядом с ними стоят баллоны с кислородом, который в нормальной больнице должен поступать в маску пациента по трубам из безопасного помещения. В Цхинвале никто об этом не вспоминает, ведь и единственный в республике аппарат искусственного дыхания – 1950 года выпуска.

При этом новое оборудование закупили на петербургские деньги еще в начале 2009 года. Пока не завершится ремонт, оно будет стоять не распакованным, а врачи – ставить диагнозы и назначать лечение «на глазок». За время ремонта превратился в свалку мусора и слив стоков и подвал больницы – единственное безопасное место в здании, где во время грузинского нападения располагалась операционная. Случись завтра война – спрятаться людям будет негде.

Всюду жизнь

Война изменила психологию жителей Цхинвала. Когда нет ни денег, ни работы, а твой дом могут в любой момент разнести ракетой, у кого угодно начнет исчезать навык к созиданию.

Приезжие журналисты, особенно из России, не вызывают здесь негативных эмоций. Несколько раз рядом с нами останавливались машины: нас предлагали бесплатно подвезти. А когда мы снимали для телевидения восстановление школы, подо-

шел пожилой мужчина и пригласил за стол. Прямо на улице перед разрушенными домами справляли поминки: человек тридцать мужчин, женщины – за отдельным столом. Здесь чинно выпивали и закусывали, а седой дядька во главе стола зычно оглашал тосты по-осетински. Нам объяснили, что их порядок строго регламентирован обычаем, и столы немедленно разберут, как только кончится список.

Стаканы с вином поднимались за тех, кто до дна испил в последние годы все испытания осетинского народа. Вспомнили Беслан. Вспомнили теракт во Владикавказе. Вспомнили землетрясение в Джаве. Вспомнили двести жителей какого-

то южноосетинского села, которых «забрала к себе гора». Вспомнили погибших в войнах. И вспомнили Россию, которая «вырвала нас из пасти наших врагов». И мы поняли, почему сидим за этим столом и к нам никто не пристает ни с какими расспросами.

Когда мы собирались уходить работать дальше, нам сказали: «Работа не волк, подождет». Но никто не настаивал, разве что сказали внеплановый тост за нас и наших близких. Тем же вечером в кафе у гостиницы к нам подошел хозяин заведения: «Уважаемые, я бы хотел вас угостить «по чуть-чуть». Это самое малое, что я могу для вас сделать». Ему 35 лет, и первая война с грузинами случилась, как раз когда он оканчивал школу. У него были мечты и планы, но постоянное ожидание войны не дало им сбыться. И огромное спасибо России за то, что он еще дышит.

Когда «чуть-чуть» кончилось, он мягко предложил продолжить. А нам опять нужно было работать. «Работа не волк», – услышали мы в десятый раз за короткую командировку. И нетрудно понять, почему именно эти встречи запали в память. Эти люди так умеют благодарить и не навидеть, что телевизор еще долгие годы не скажет мне ничего нового об их настроениях. Они никогда не простят того, что сделали им враги. Они никогда не забудут того, чем помогли друзья. Они выживут в разрушенных домах и третью зиму, и четвертую.

На площади у дома правительства мы увидели президента Южной Осетии Эдуарда Кокойты. Он прилежно работал: раздавал новенькие «Шевроле-Нива». Для Цхинвала это круче, чем «феррари» в Москве, – в республике трудно встретить частный автомобиль моложе десяти лет, а основу автопарка составляют заводящиеся с третьего раза «копейки». Судя по тому, как тепло президент обнимался с новыми владельцами машин, это были не чужие ему люди. «Нивы» выезжали на улицу, управляемые как на подбор широколицыми людьми в военной форме. Народ хлопал, улыбался и завистливо глядел вслед.

НЕВОЗМОЖНО КАНОНИЗИРОВАТЬ ИВАНА ГРОЗНОГО И ГРИГОРИЯ РАСПУТИНА

Митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий возглавляет Синодальную комиссию по канонизации святых Русской Православной Церкви. В интервью журналу «Русский мир.ру» он рассказывает, как сохраняется и поддерживается эта традиция в наше время.

Кто входит в возглавляемую вами Синодальную комиссию по канонизации святых, каковы ее функции?

– В апреле 1989 года впервые в истории нашей Церкви была создана постоянно действующая Синодальная комиссия по канонизации святых, трудами которой за минувшее время были подготовлены и состоялись многие канонизации отечественных подвижников веры и благочестия. В настоящее время в ее состав входит девять человек. Мне как председателю Комиссии дано полномочие привлекать к сотрудничеству в деле изучения вопросов канонизации Преосвященных архиепископов, богословов духовных школ, пастырей и мирян Русской Православной Церкви. Первые десять лет работы Комиссии (с 1990 по 1999 год) были направлены не только на изучение вопросов канонизации конкретных подвижников, среди которых можно указать святого праведного отца Иоанна Кронштадтского, святителя Филарета Московского, священномученика Петра (Полянского), митрополита Крутицкого, – имена их в сознании церковного

народа олицетворяют духовный подвиг нашей Церкви в XIX и XX веках. В основном же все свое внимание Комиссия сосредоточила на вопросе исследования подвига новомучеников и исповедников Российской и практической подготовке их канонизации. Архиерейским Собором в 1992 году определено: «Образовать во всех епархиях Русской Православной Церкви комиссии по канонизации святых для сбора и изучения материалов к канонизации подвижников веры и благочестия, особенно мучеников и исповедников XX столетия, в пределах каждой епархии». Поэтому немногочисленная по своему составу Синодальная комиссия по канонизации святых имеет многих соработников в епархиях нашей Церкви. Мы, в свою очередь, оказываем всестороннюю консультативную помощь работе таких комиссий, то есть делаем необходимые разъяснения, какие исследования следует еще произвести и как максимально правильно и эффективно наладить работу в архивах, какой круг вопросов исследователи должны проанализировать в ходе работы.

– Когда появилась традиция почитать святых, то есть когда появился институт святых?

– С одной стороны, святыми Церковь Христова именует вообще всех своих чад, уверовавших в Господа Иисуса Христа и пребывающих в единстве с Церковью. Так апостол Павел обращает свои послания к святым. Например, он пишет: находящимся в Ефесе святым и верным во Христе Иисусе (Еф. 1: 1). А апостол Петр говорит христианам: вы – род избранный, царственное священство, народ святый, люди, взятые в удел (1 Пет. 2: 9). По призванности в вере к иной, новой жизни во Христе святые апостолы всех христиан именуют святыми, каковыим именованием подчеркивают открывшуюся возможность для всех верующих стать новым творением (Гал. 6: 15). Наряду с этим некоторых христиан Церковь почитает как особо прославленных Богом, при этом Церковь также именует их святыми.

Начало молитвенного призываия святых видно еще в ветхозаветные времена. Царь Давид взывал к Богу: Господи, Боже Авраама, Исаака и Израиля, отцов наших (1 Пар. 29: 18). Апостол Иаков преподает верующим заповедь молиться друг за друга и к этому прибавляет: много может усиленная молитва праведного (Иак. 5: 16). Апостол Иоанн засвидетельствовал, что святые возносят на небе свои молитвы пред Агнцем Божиим, поминая в них Церковь воинствующую (см. Откр. 5: 8; Откр. 8: 3–4). На основании Священного Писания и Священного Предания Церковь всегда учила призываия святых, с полной уверенностью в их представительстве за нас перед Богом. Это учение и верование Церкви содерится во всех древнейших литургиях, а это ясно доказывает, что призываия святых в это время было явлением всеобщим.

Со временем в Церкви сформировались необходимые критерии канонизации, произошло упорядочивание этого процесса. Канонизация есть причтение Церковью какого-либо усопшего подвижника благочестия к лицу ее святых. Термин «канонизация» (от лат. canonisatio) есть латинизирован-

ная транскрипция греческого глагола «определять, на основании правила узаконять», был введен в оборот западными учеными-богословами. В Греческой Церкви этому термину адекватной аналогии нет, поэтому в подобных случаях там использовалось словосочетание «причтение к лику святых» или «вмещение, вчинение в лик святых».

Почитание святых составляет неотъемлемую часть православного вероучения. При этом процедура или механизм канонизации в истории Церкви претерпевал видоизменения и имел свое развитие. Во многом его появление было связано со стремлением предотвратить включение в лик почитаемых Церковью святых лиц сомнительного достоинства.

Апостол Павел заповедовал христианам: поминайте наставников ваших, которые проповедовали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их (Евр. 13: 7). Особую молитвенную память Древняя Церковь имела в отношении Божией Матери, Пророка и Предтечи Иоанна и, конечно же, апостолов. Христиане с особым благоговением и трепетом, порой рискуя своей жизнью, не только собирали сведения об обстоятельствах смерти мучеников Христовых, но и прилагали все свои силы, чтобы сократить и достойно почитать их святые мощи. Описания страданий древних мучеников, в частности священномуучеников Игнтия Богоносца и Поликарпа Смирнского, на все времена стали образцом христианского мужества.

В Древней Церкви община (или даже отдельное лицо) получала благословение епископа на сохранение мощей святого мученика и на ежегодное празднование его памяти, которое непременно включало собрание верующих вместе в день мученической памяти для совершения Евхаристии и раздачу милостыни нищим. Со временем имя святого вносилось в диптихи и мартirologi, и почитание многих мучеников стало расширяться, порой далеко за пределы определенной Поместной Церкви.

Святые
благоверные князья
Борис и Глеб

РИА НОВОСТИ

– Как происходит процесс канонизации?

– Инициаторы канонизации, например приходские общины или монастыри, обращаются к своему Правящему архиерею, в обязанность которого входит проверить поступающие сведения, собрать исторические данные, опросить тех, кто хранит память о почитаемом подвижнике, составить житие. Если Правящий архиерей находит, что препятствий к прославлению не встречается, то он обращается к Святейшему Патриарху, который дает соответствующее благословение Комиссии провести необходимые исследования.

– Какими критериями руководствуется Церковь, причисля или не причисля того или иного человека к лику святых?

– В своей работе Комиссия руководствуется критериями, выработанными Святой Церковью на про-

тяжении всего ее исторического бытия. Если выразить их кратко, то необходимыми условиями канонизации являются безукоризненное исповедание православной веры, праведная жизнь, народное почитание и чудотворения как при жизни, так и по смерти подвижника. В отношении мученических пострадавших чад Церкви требуется всестороннее исследование обстоятельств ареста, содержания под стражей и на допросах.

– Часто ли приходится отказывать в канонизации?

– Иногда приходится. Объясню, в чем тут дело. Основные материалы, которые присылаются сегодня в Комиссию на изучение, касаются пострадавших за веру в XX веке. Новомученики и исповедники Российской – особая эпоха в жизни Русской Православной Церкви, для изучения которой требуется комплексное исследование всего

РИА Новости

Святой
русский адмирал
Федор Федорович
Ушаков

Святой Георгий –
Георгий
Победоносец

вига. Церковь Христова, совершая акт канонизации, являет миру бесспорные образцы следования за Господом, указывает идеальные примеры благочестия для христианина любой эпохи. Там же, где встречаются сомнения, противоречия или недоумения, где

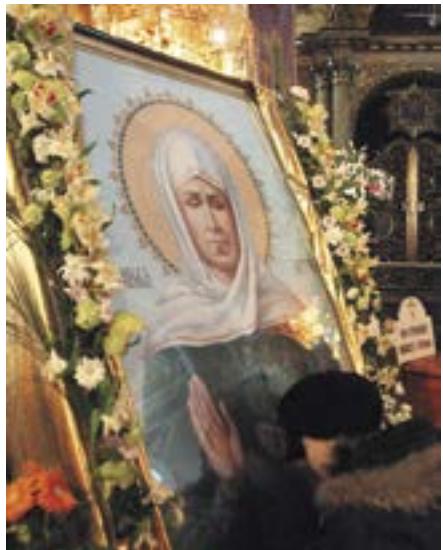
нашее знание, и без того ограниченное, сталкивается со смущающими совесть фактами и обстоятельствами поведения человека в повседневной жизни и тем более на беззаконном следствии, приходится воздерживаться от принятия положительного решения, оставив все на суд Божий.

И в древности не все пострадавшие были канонизированы. Христиане видели, кто как себя вел во время испытания, они имели возможность посещать исповедников в тюрьме. Их благочестие и мужество были самоочевидны для общины. Страдания, подъятые человеком, должны были быть именно за Христа. Ибо что за похвала, – спрашивал апостол Петр, – если вы терпите, когда вас бьют за проступки? Но если, делая добро и страдая, терпите, это угодно Богу (1 Пет. 2: 20). Если и страдаете за правду, то вы блаженны... Если злословят вас за имя Христово,

фонда архивно-следственных дел репрессированных. Не осуществив эту работу, невозможно говорить ни о полноте исследования, ни о качестве подготовленного материала, а значит, невозможно и исключить ошибки в работе. По крупицам приходится собирать сведения о пострадавших за веру, поэтому необходимо изучить каждое уголовно-следственное дело, которое заводилось в отношении предлагаемого к канонизации новомученика.

В XX веке, по сравнению с первыми веками, гонения на христиан были более длительными по времени и изощренными по форме и содержанию. Учитывая эти обстоятельства, необходимо применять дополнительные критерии, невозможна канонизация лишь только по факту насилиственной смерти в период гонений. Когда Комиссия по канонизации святых приступа-

ла к изучению эпохи новомучеников, в церковных кругах раздавались голоса о необходимости без специальных исследований, опираясь на практику Древней Церкви, признать святыми мучениками всех пострадавших по церковным делам при советской власти. Само по себе такое утверждение было неверно, ибо в Древней Церкви тоже были определенные условия, или критерии, по которым пострадавшие причислялись к лику святых мучеников. Это в первую очередь принадлежность к Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви; свидетельство жизнью и смертью о вере в Сына Божия Иисуса Христа. И для Древней Церкви, и сегодня в практике прославления мучеников основным критерием канонизации остается бесспорность, очевидность и достоверная известность совершенного христианином под-

Святая Матрона
Московская

Святая преподобно-
мученица
великая княгиня
Елизавета
Феодоровна

то вы блаженны, ибо Дух Славы, Дух Божий почивает на вас... Только бы не пострадал кто из вас, как убийца, или вор, или злодей, или как посягающий на чужое; а если как Христианин, то не стыдись, но прославляй Бога за такую участь (1 Пет. 3: 14; 4: 14–16).

Одним из вопросов для исследователей является проблема доверия к материалам следствия – уголовно-следственным делам. По причине закрытости следствия у нас нет ни иных свидетелей, ни других документов, в которых излагались бы обстоятельства заключения и допросов. Сами следственные дела стали в прямом смысле слова мученическими актами, документально свидетельствующими факт страдания человека за Христа. Эти дела – своеобразная летопись истории Церкви, епархии, монастыря, прихода. Поскольку гонения препятствовали созданию и сохранению церковных архивов, то духовная и историческая ценность государственных архивных хранилищ очевидна.

– Сколько святых насчитывает Русская Православная Церковь?

– В Месяцеслов Русской Православной Церкви внесены святые первого тысячелетия. С принятием Русью христианства началось их почитание на Русской земле. За тысячелетнюю историю бытия Русской Православной Церкви святым житием просияло множество подвижников, которые почитаются общещерковно либо в одной

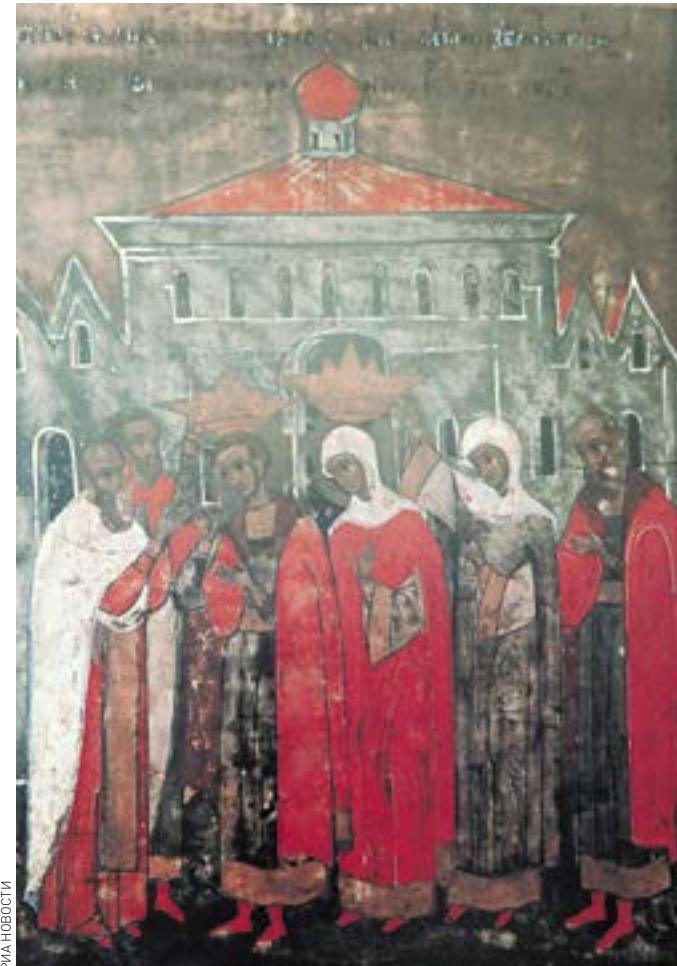
из ее епархий (это местночтимые святые, их имена в календарь не вносятся). Согласно православной традиции святые, прославленные в одной из Поместных Церквей, почитаются таковыми и в остальных Церквях. Их имена также вносятся в календарь Русской Православной Церкви. В XX веке наша Церковь явила тысячи святых мучеников и исповедников. Имена их только сейчас являются нам Господь, многие из них остаются еще безымянными. Именно поэтому прославлены они как «миру явленные и неявленные, но ведомые Богу». Поэтому число святых точно подсчитать нельзя.

– Бывали ли случаи, когда святого исключали из святых, если да, то почему?

– В жизни Русской Православной Церкви был период в начале XVIII века, когда несколько святых были деканонизированы в ходе борьбы со старообрядческим расколом. Самый известный пример – это история деканонизации преподобной Анны Кашинской. В 1909 году состоялось ее вторичное прославление.

– Распределяются ли святые по категориям, если да, то по какому принципу?

– По границе своего почитания святые бывают местночтимые, если почитаются в определенной епархии, и общещерковные, почитание которых распространено во всей Православной Церкви. В православии по лику святыни различают следующих святых: апостолы – ученики Христовы, равноапостольные – крестители и просветители целых народов, святители – святые архиереи (епископы), преподобные – постники, отшельники, как правило, монашествующие, блаженные – Христа ради юродивые, мученики – принявшие смерть за исповедание веры, исповедники – те, кто принял ради Христа страдания, пытки, заключения, лишения, но умер своей смертью на свободе, новомученики – пострадавшие за веру в годы гонений на Церковь в XX веке, благоверные князья и праведные – те, кто своей жизнью исполнил евангельские заповеди о любви к Богу и ближнему. Из вет-

РИА Новости

Святитель
Филарет,
митрополит
Московский

Святые
благоверные князь
Петр и княгиня
Феврония
Муромские

хозаветных святых почитаются пророки – те, кто предвозвестил о пришествии в мир Христа Спасителя, патриархи – исполнители воли Божией в священной истории до новозаветной эпохи. Почитаются также Небесные Силы, или Ангельский мир. Но особое место среди православных святых занимает Пресвятая Богородица.

– Как вы относитесь к призыву некоторых верующих канонизировать Григория Распутина и Ивана Грозного?

– Кампания вокруг имен царя Ивана Грозного и Григория Распутина началась еще в 1990-е годы. Ее сторонники настаивают на канонизации этих лиц в сонме святых. Образы Ивана Грозного и Григория Распутина преподносятся как символы особой, «народной» религиозности, которая противопоставляется «официальной» религиозности Церкви. Инициаторы этой канонизации не могут не замечать, что само обсуждение такого прославления вызвало смущение и разделение среди православных верующих, ведет к соблазну и дискре-

дитации самой идеи канонизации святых.

В течение минувшего времени Синодальная комиссия по канонизации святых изучала данный вопрос. На Архиерейском Соборе в октябре 2004 года мною от имени Комиссии был сделан соответствующий доклад и дана развернутая характеристика и аргументация невозможности постановки такого вопроса. Архиерейский Собор официально высказал свою позицию о невозможности канонизации Ивана Грозного и Григория Распутина. Поэтому не подчиняющиеся соборному решению Церкви ставят себя в опасное духовное положение.

– Почему Русская Православная Церковь не признает останки, найденные под Екатеринбургом и захороненные в Петропавловской крепости, царскими, то есть принадлежащими последнему российскому императору?

– Позиция нашей Церкви по вопросу екатеринбургских останков широко известна мировой общественности. Выражена она была Святейшим Патриархом Алекси-

ем II и членами Священного Синода 26 февраля 1998 года. В частности, Священноначалие обратило внимание на следующие стороны вопроса: «Оценка достоверности научных и следственных заключений, равно как и свидетельство об их незыблемости или неопровергимости, не входит в компетенцию Церкви. Научная и историческая ответственность за принятые в ходе следствия и изучения выводы относительно «екатеринбургских останков» полностью ложится на Республиканский центр судебно-медицинских исследований Минздрава РФ и Генеральную прокуратуру РФ. Решение Государственной Комиссии об идентификации найденных под Екатеринбургом останков как принадлежащих семье императора Николая II вызвало серьезные сомнения и даже противоречия в Церкви и в обществе... Когда будут сняты все сомнения относительно «екатеринбургских останков» и исчезнут основания для смущения и противостояния в обществе, следует вернуться к окончательному решению вопроса». Таким образом, Церковь не признала и не опровергла принадлежность найденных останков Царской Семьи и ее слугам, вполне правомочно ожидая появления новых материалов и фактов, касающихся этой темы. Мы продолжаем внимательно изучать все, связанное с этим вопросом. ☩

Беседовал Павел Коробов

НЕПОТОПЛЯЕМЫЙ ИВАНЬЧ

Елена Климова, фото Андрея Шапрана

Валентин Чупин работает в детском доме №4 города Томска. По первому образованию – биолог, по второму – художник. По увлечению в 45 лет стал инструктором по водному туризму.

ДЕТЕЙ УЧИТ ТОМУ, ЧТО умеет сам. Воспитанники Чупина ходят в водные походы, выступают на соревнованиях – региональных и российских. Почти всегда занимают призовые места. А еще они рисуют и занимаются резьбой по дереву. Сейчас, правда, столярный станок

сломался, занятия резьбой приостановились. Чупин ждет премию, которую ему, возможно, выдаст руководство детдома за организацию походов, чтобы на эти деньги отремонтировать станок. Если удастся, то затем надо будет еще исхитриться и прикупить материал для работы.

«Не достанем кедра – будем на гальке рисовать! – Чупин раскладывает на столе в своей резиденции, которая одновременно является и художественной студией, и спортивным клубом, плоские камешки, разрисованные горными пейзажами. – Эту идею мы на Алтае подсмотрели. А красок не окажется – начнем гризайль осваивать или еще что-нибудь придумаем!» ...Нынешней весной на российских соревнованиях по водному туризму «Мажой-ралли» появилась группа подростков. Мажой – это каньон на алтайской реке Чуе, каскад порогов высшей категории сложности. На такие сплавы юных спортсменов не допускают, поэтому мальчишки прибыли не участвовать, а поглязеть, поболеть, позавидовать (в 30 километрах от Мажоя шли соревнования попроще, там-то и выступали подростки). Сопрово-

Экипаж катамарана-четверки – Евгений Филиппов, Александр Пападейкин, Никанор Сухих, Денис Половцев

Экипаж катамарана-двойки – Денис Половцев и Валерий Цурупа

ждали ребят двое: высокий человек в бандане с длинными седыми усами и светловолосая женщина. Они держались за руки, а дети вились вокруг них, что-то без конца спрашивали, заглядывали в глаза.

Так мы познакомились с Валентином Ивановичем Чупиным и его супругой Анной Ивановной. Они привезли на Алтай команду из томского детского дома №4. Точнее, из «непотопляемого», как говорит Чупин, клуба «Синегорье», который Валентин Иванович создал сначала на базе детского дома №9, по крахам собирая оборудование и снаряжение. Потом 9-й детский дом расформировали, и клуб «Синегорье» (вместе с частью воспитанников) переехал в детдом №4.

Анна Ивановна – сотрудник кафедры реставрации в строительном университете. Но в детском доме она – свой человек. Стоило нам втroe пerepristupit' porog detdoma, kak tut же невеста откуда появилась девчушка,

повисла у Анны Ивановны на шее и зашептала ей на ухо так, что всем было слышно: «У меня любовь, я на свидание иду!» Это хорошо, – кивает Анна Ивановна, – как же девочке без влюбленности вырасти!»

Брак и для Валентина Ивановича, и для Анны Ивановны не первый. Дети у каждого свои. Всего на двоих у них – восемь дочерей и шесть внуков. Своих детей от детдомовских они в общении не ограждали. У Валентина Ивановича одна из дочек называла детдомовца Димку Барсукова «братьем». А дочь Анны Ивановны замужем за одним из выпускников детского дома.

Про то, как Чупин попал в детдом со своими двумя образованиями, разговор особый:

– После окончания Томского университета я работал в экспедициях за Полярным кругом, на Таймыре. Оттуда, наверное, у меня пристрастие к воде и началось. Плыешь по реке – красота, пейзаж постоянно

меняется! Все бы хорошо, но оклад маленький, да и жилья никакого. А у меня уже семья, дети. На военной кафедре мы все получили звание лейтенанта. И мне посоветовали обратиться в военкомат: работать, дескать, будешь также – с 9 до 6, а зарплата в армии в три раза больше, чем на гражданке. Я и пошел. А тут – 89-й год, война в Афганистане. Я оказался в отделении, которое занималось призывом. Мне давали по 100–150 новобранцев, после месячной подготовки всего лишь, и я отправлял их на войну. А обратно везли гробы. Военком приходил, родителям говорил красивые слова, а мне давалось строжайшее поручение, чтобы я не позволял родителям вскрывать гробы. Там – иногда одна фуражка. А иногда и ее не было. Мне родители все, что думали, высказывали. Я тогда седеть начал. В общем, понял я, что не туда попал, заочно поступил в Московский университет культуры и искусств, а из

Влад Вакулин
с талисманом клуба
«Шиш-Иваныч»

армии пытался уволиться. Но уволиться можно было только «ногами вперед», как мне сказал мой командир. Потом, к счастью, началась горбачевская эпоха, сокращение армии, в первую очередь за счет тех, кто военные училища не оканчивал. Я сразу же и уволился. И пошел в детдом. Кем работать? Можно было военруком, но неохота. Мне подсказали: ты же живописец! И я стал руководителем кружка. Прирос. Уже двадцать лет педагогического стажа...

— А как походы начались?

— Мы с ребятишками ездили на пленэр. Снаряжения туристического не было. Строили шалаши, полиэтиленом накрывались... И однажды встретили водных туристов, сами попробовали, понравилось. Сначала ходили на обычных резиновых лодочках. Потом на нашей речке Киргизке увидели катамараны — тренировался томский спортивный клуб «Одиссей». Инструкторы туристического клуба «Кедр» помогли нам впервые сплавиться по-настоящему, прошли мы по несложной Бие в Горном Алтае. А осенью уже мастерили катамараны из своих лодок. Через год, в 2002-м, поехали на серьезную речку Казыр. И начиная с этого года каждое лето участвовали в несколь-

ких соревнованиях регионального и федерального уровня, правда, только тех, что проходят в Сибирском регионе. В европейскую часть страны съездить ни разу не удалось по понятной причине. Мы призера-ми Сибири и России среди юниоров стали еще в 2005 году и ниже планку спортивных достижений не опускаем. Как мы тренируемся? У нас Ушайка есть – речка безопасная. Рафт нам туда подвозят, с каяком мы в трамвае едем. Есть еще озеро Белое в черте города, нас туда пускают перевороты на воде отрабатывать.

Живем, несмотря ни на что

Читаю «список членов клуба «Синегорье», выступавших на соревнованиях регионального, федерального и мирового уровня». У всех, кто перечислен в списке, – разряды, у шестерых – звания мастеров спорта, у четырнадцати – кандидатов в мастера. 66 воспитанников, 13 «домашних» участников (дети сотрудников и школьные друзья детдомовцев), последним в списке «домашних» – сам Чупин. А дело было так. На Катуни (тоже Горный Алтай) шли соревнования на Кубок мира. Вода в реке неожиданно сильно подня-

лась, и к стартам мальчишек могли допустить только под личную ответственность Чупина. Пришлось ему взять в руки весло. Спортсмены посмеивались: «Пацаны, вы своего деда не утопите!» Дистанцию прошли отлично. Но это так, курьез. Дело Чупина – не выступать, а тренировать и организовывать.

– У нас же школа на уровне России! – горячится Чупин. – Президент Российской федерации рафтинга Румянцев видел нас в деле на соревнованиях, приезжал к нам из Москвы, посмотрел, одобрил, обещал поддержку. Вы посмотрите, ДЮСШ по хоккею создают, по 30 тысяч на снаряжение ребенку родителям надо платить. А мы – бесплатно! И вы подумайте, сколько ребятишек мы можем охватить!.. Многие удивляются, какие мы непотопляемые. Да, мы живем, несмотря ни на что, клубу-то десять лет уже! И для походов, тренировок,

Самое грозное препятствие на Чуе – порог «Бегемот»

Валерий Цурупа и Денис Половцев на соревнованиях «Чуя-ралли»

соревнований у нас уже все есть: спасжилеты, гидрокостюмы, катамараны, два рафта, каяк..

– Да откуда ж вы это берете? Вот каяк, например? Он же минимум 30 тысяч стоит.

– Каяк мы купили по дешевке у родственника, который занимался сплавами, а потом решил завязать с этим делом.

– А остальное?

– Кое-что на соревнованиях выигрываем. Правда, бывали победы, за которые мы получали... набор

коньячных рюмок или кружек для пива. Представляете, детям за спортивные достижения – такая награда? Наверное, у спонсоров больше ничего не было. Кстати, резьбой по дереву и живописью мы неплохо зарабатывали.

– А как занялись резьбой?

– Как-то ребята пришли и сказали: «А вот у нас в школе показали резьбу. Валентин Иванович, ты не можешь нас научить резать?» Я методическую литературу почитал, попробовал, им показал. Мне и самому занятие понравилось, но на такую резьбу скрупулезную, какой они увлеклись, у меня времени не хватает. Сколько они сидят, шкурят работу, шлифуют!.. И есть мальчишки, которые говорят: «Если б это было кому-то надо, я бы только резал и резал, ничем другим не занимался».

Мы с Анной Ивановной решили, что дети в детдоме, как и в семье, должны попробовать все, что им интересно. И мы с детьми взялись экспериментировать! И знаете, удачно: и на ВДНХ наши работы выставлялись, еще во Франции, в Германии, Голландии, Швеции. Правда, на меня время от времени докладные писали: не спят, мол, дети по ночам. А вы представьте себе: завтра надо выставляться, допустим, в областном музее, а у девчонки вечером только творчество начинается. Она меня уговаривает: «Я вот прямо сейчас нарисую!» Иду к директору, прошу: пускай девочка сейчас поработает, а завтра в школу не пойдет. И вот она всю ночь пишет, и к утру у нее шедевр рождается! Мы тут же рамочки делаем – и на выставку!

– Вы начали про заработки...

Переворот каяка – сначала в воздухе. И уж потом – на воде

Открытие сезона-2010 на томской речке Ушайке. Скоро она разольется и станет порожистой

– Да, заработок... Девчонки прямо возле порога на Казыре сидели, гуашью пейзажи рисовали, так у них состоятельные граждане сразу же картины покупали, и за хорошие деньги! Я просил: оставьте хоть одну для себя! Зарабатывали всем, чем могли. Придумали консервные банки резать на полоски, и мастери-

ли ажурную мебель для кукол Барби – ее тогда в магазинах не было. Так у нас эта мебель мигом разлеталась. Уговор с ребятами был такой: выручку каждый делит на три части. Одну треть – себе, другую – на развитие нашего производства, третью – на снаряжение для сплава или на походы. Мальчишки себе

мотоциклы покупали! Я их сопровождал, когда они вождению обучались, когда на права сдавали...

Не расставаться с выпускниками

«Если бы не Валентин Иванович, мы бы, наверное, как многие наши, сейчас на игле сидели или в тюрьме. Или еще хуже. Один наш парень с собой покончил, – рассказывают выпускники детдома, мастера спорта Женя Филиппов и Паша Васильев. Женя, которому чуть более двадцати, уже отец двух детей. – Кроме походов, нам никаких других приключений не надо было, ну и пример его личный, конечно. И еще... мы же в детском доме расстаемся иждивенцами. А тут приходилось все самим делать».

Настя Климова, тоже ученица Чупина, кандидат в мастера спорта, студентка третьего курса Томского медицинского университета, повторяла то же, что и Паша с Женей: «В походах учишься о себе заботиться. Трудности преодолевать. Ну и с друзьями живешь в одной палатке, учишься мириться с ними, соглашаться».

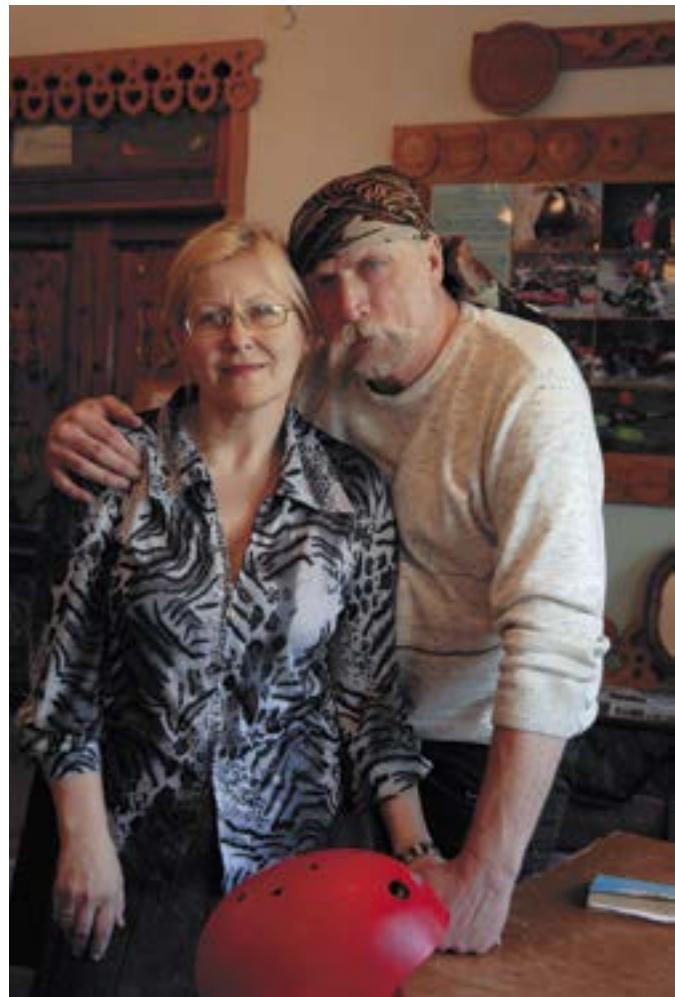
Два года назад Первенство России по рафтингу на алтайской реке Кумир совпало по времени с подготовкой к вступительным экзаменам. Настя, подавшую документы в медицинский, в поездку не отпускали: сиди, мол, школьный курс повторяй! Потом решили: пусть едет, все равно вряд ли поступит, больно сложный вуз выбрала. Настя учila химию на берегу, в перерывах между тренировками и выступлениями. В вуз Настя поступила. Через год, когда она получит квалификацию медсе-

В холле детского дома Татьяна Цыро

Руководитель клуба с верной помощницей и супругой

стры, может быть, станет ездить с «Синегорьем» уже как медицинский работник. Это, собственно, главная мечта и главная забота Чупина – не расставаться с выпускниками. Детский дом – для них просто дом, другого-то нет. А домой выросшие дети приезжают, время от времени. Кто-то из прежних питомцев смог бы работать инструктором, есть уже свои повара, скоро появятся медики. И детдомовским ребятишкам будет на кого равняться. Но это станет возможным, если «Синегорье» обретет официальный статус: станет, например, либо филиалом спортивной школы, либо детско-молодежным клубом под крылом какой-нибудь программы патриотического воспитания. А пока Чупин переживает:

– Сейчас в походы и на соревнования ездить стало сложно. Автобус и бензин – вот две проблемы. Раньше существовал бесплатный проезд на электричках для воспитанников. Сейчас выдают деньги на билеты, но их получение – длинная процедура. А прежде куда мы только на электричках не ездили!

– Какова сейчас цена вопроса?

– Чтобы отправить в лагерь одного ребенка, требуется 8–10 тысяч. За эту сумму мы могли бы свозить на Алтай 25 человек. Деньги нужны на бензин туда и обратно. Больше никаких расходов. Продукты мы получаем в детском доме, снаряжение есть! Вместо одного человека – 25 можем обеспечить нормальным отдыхом.

– Вам не надоело решать все эти проблемы?

– Если я вижу, что глаза у ребят загораются, меня это вдохновляет, и я готов работать бесплатно. Главное, чтобы она была – работа. А когда невозможно иной раз даже выехать на соревнования, ну, тут уже на грани срыва бываешь. Думаешь в сердцах: да что же, я себе другую работу не найду?

...Вот так и продолжает Валентин Чупин «вырезать» свои шедевры из «неотесанного материала». Во многом – вопреки окружающим его условиям. Впрочем, дело это для таких, как он, людей привычное. Делать добро – вопреки. ☺

Павел Васильев

ДОРОГИ СССР

ЕВГЕНИЯ ГЛАДКАЯ

Я выглянул в окно... В нашем большом, пустом поутру дворе стояла красивая белая машина. Она сверкала на солнце. Наша машина?! Ух ты! Наша? У нас есть машина? Не может быть! «Мы теперь... богатые?» – спросил я у мамы. Наверное, я сказал глупость, ведь в ответ все засмеялись. А что тут глупого, с другой стороны? Ни у кого из моих друзей машины не было, а у нас вдруг есть? И разве хорошо быть богатым? Я решил никому не говорить про машину. А то еще смеяться будут...

КОНЕЧНО, ВСЕ БЫЛО СДЕЛано потихоньку. Мы с сестрой ничего не знали. Нас никто не предупредил! Как всегда... Жили мы, жили, как все люди, а теперь вот – у нас машина. Называется «Москвич». Ничего себе! Могли бы, кажется, предупредить, мы бы подготовились. А то как теперь себя вести? Что мы – буржуи, что ли? Жили-жили спокойненько – и нате вам... «Москвич-408» экспортного исполнения. Блестит под окнами... Ничего себе... Мы и в такси-то нечасто ездили.

4767 рублей и 50 копеек

Папа давно мечтал о машине. Мы знали, что он был шофером в армии, причем возил командира части. А когда в Польше случилась заварушка, ему досталась большая машина с бензином... Такая машина – бочка. По-правильному – цистерна с горючим. В кабину к нему никто из офицеров не сел. Одна пулья – и взрывы... Но когда часть добралась до Польши, там уже не стреляли. Давно это было. До моего рождения. А вот напротив нашего дома, через дорогу, у детского садика, подолгу стояла иностранная машина, прямо как из кино про фашистов. И отец, посматривая на нее, говорил какие-

то странные, смешные слова: «Это – «Мерседес-Бенц»... В ясли каждый день приезжала лошадь. Лошадь привозила в ясли молоко, здоровенные железные баки на телеге. Лошадь мне нравилась больше машины.

...Конечно, первым делом узнать: «Сколько стоит?!» От нас не стали скрывать. 4767 рублей и 50 копеек. Ого! Какие деньжищи... И 50 копеек зачем-то... Откуда они у нас? Нам с сестрой спокойненько объяснили, что две тысячи были накоплены и лежали на сберегательной книжке, а остальные пришлось взять в долг. И теперь долг придется отдавать. Так что, сами понимаете... Мы понимали. Долг есть долг, его отдать надо!

Первым делом пострадали книги. Книг у нас было много, и некоторые собрания сочинений потихоньку исчезали. Диккенс, Драйзер, Голсуорси, Бальзак, Фейхтвангер... Антологию фантастики купили прямо на улице. Мама удивлялась, что в книжном магазине из фактической цены книги еще и вычитают 20 процентов. И выходит немного...

Но это были взрослые книги, нас они не касались.

Вот изменения в обедах, ужинах и завтраках не заметить было нельзя. Экономия... Это слово прочно вошло в обиход. Бутерброды стали

редкостью. Конфеты тоже. На завтрак бесконечно жарили оладьи, ужинали картошкой с огурцом. Но суп был всегда! Это строго. Гречка с молоком быстро надоедала. Ну и конечно, разные там подарочки к праздникам сократились. Но мы с сестрой не бунтовали. Надо так надо! Долг платежом красен.

Мы вставали утром: Лида жарила оладьи, я варила кофе с цикорием из большой красно-белой пачки. Мы вносили свой вклад в дело экономии. Мы ели все, что было, не канючили и ничего не просили. Экономия тянулась целый год!

Зато какой был потом праздник! Отдали долг. Никому не должны! Уф-ф...

Гараж за месяц

Гараж нам варили из ржавых металлических листов. Было холодно, морозно, снежно. И работа спорилась, кипела. Когда навесили тяжелые двери и испробовали подгонку, один из рабочих весело бросил отцу: «Николаич, отметить бы надо!» Нашли быстро чашку с отбитой ручкой. Разлили водку до краев. Выпили по очереди. По очереди закусили снеком... Впервые видел, как отец пьет водку такими порциями... Как ни в чем не бывало. Потом мы навесили в петли амбарный замок и

разошлись. Пустую бутылку я выкинул в мусорный ящик.

А вот на даче гараж решили построить хороший. Большой, кирпичный, удобный. Начали строительство... на свалке. Здесь валялся и зарастал травой всякий строительный мусор. Среди прочего в избытке хранились остатки кирпичных стен, столбиков. С помощью зубила и молотка мы освобождали кирпич от засохшего раствора. Работа эта тяжелая, нудная, долгая. Кусочки цемента и камня летели в лицо: надо беречь глаза, бить аккуратно, чтобы не расколоть старый кирпич. Затем на носилках мы выносили этот освобожденный кирпич и складывали его в багажник «Москвича». Затем везли на дачу, разгружали, прикидывали, сколько еще не хватает на стены. Доски нам удалось купить на складе. Купили машину песку – за 5 рублей. Подготовительная работа заняла несколько месяцев.

И вот, летом, отец взял отпуск. 30 дней. И за эти 30 дней построил гараж по всем правилам науки и техники. Секретов тут для него не было. Он вставал в четыре часа и работал до самой ночи. Я помогал. Но помощник из меня был слабый. Не хватало ни сил, ни терпения рыть глинистую почву под нулевой цикл. Полтора метра глубины!!! А корни?! Руки быстро уставали мешать в железном корыте раствор: четыре ведра песка и ведро цемента плюс вода... Кладка не получалась ровной. Словом, я был на подхвате. Проходящие мимо бабушки хвалили отца. Каждое утро он, веселый, сильный, ловкий, возводил и возводил стены... Бабушки шли за хлебом и всякий раз говорили: «Здравствуйте! Бог в помощь!» Отец улыбался в ответ и благодарил... Мама высчитала себестоимость гаража – 120 рублей.

Перед каждой зимой отец устраивал «Москвичу» профилактику и оставлял до весны. Зимой он не ездил. Берег машину.

Хороший получился гараж. Большой, просторный. С деревянным полом, массивными воротами и боковой дверцей. Он стоит до сих пор, мы лишь несколько раз меняли на крыше рубероид...

Пассажир

Конечно, мне хотелось научиться водить. Но я сомневался, что выйдет. Дело в том, что я не слишком любил... машину. Я ее не чувствовал. И запах машины мне не нравился. А более всего я не любил и не понимал ее устройства.

Отец принес домой плакаты. Они были цветные, подробные и, по его мнению, простые. А мне они казались скучными и непонятными. Загадочный масляный фильтр... Радиатор... Аккумулятор... Коробка передач. Из наших занятий ничего не вышло.

С вождением оказалось немногим лучше. Мне не хватало какой-то пластики, естественности, легкости... Всякий раз, на абсолютно пустой дороге, меня охватывал страх. Мне никогда не хотелось набрать скорость и понестись. Мне хотелось ехать тихонько. (Уверенно я почувствую себя много позже, за рулем БТР.) Я всякий раз боялся что-то испортить, сломать, зацепить, погнуть...

Уроки вождения продолжались года два. И шли с переменным успехом. Но всякий раз я садился за руль без радости и с радостью уступал руль отцу. Иногда мне снилось, как я здорово еду через весь город, легко торможу на светофоре, легко, без рева, трогаюсь с места, свободно обхожу грузовик и вообще веду себя так, будто у меня есть права и немалый опыт. Милиционеры не замечают, какой я маленький... Но и во сне я словно чувствовал: ерунда, сказки, так не бывает...

Классе в восьмом я окончательно понял: вождение машины – это не мое. Отец спорить не стал. Но, думаю, огорчился. В результате, мы с ним о многом не переговорили. А могли бы переговорить, если бы я полюбил машину, изучил ее устройство, уважал разные там клеммы, жиклеры, фильтры, отличал радиатор от аккумулятора, освоил перестроение в левый ряд и притерпелся бы к запаху бензина.

Бензин-76

Мы ничего не забыли. И учли недостатки первого путешествия. Кроме палатки у нас есть четыре надувных матраса, четыре раскладных стуль-

чика и раскладной столик, четыре спальных мешка, а еще – папа сшил отличный чехол для багажника.

В прошлом году мы ездили на машине в Крым, к самому Черному морю, а теперь зато едем вчетвером, все вместе, по маршруту Москва – Смоленск – Минск – Брест – Вильнюс – Рига – Таллин – Псков – Пушкинские Горы – Ленинград – Калинин – Москва. Вот здорово!

Мы будем ехать и смотреть по сторонам, засыпать в палатке, в лесу или в кемпинге, заправляться бензином номер 76, ходить в музеи и на экскурсии, мы будем купаться, разговаривать и фотографировать. Мы объедем почти всю европейскую часть СССР!!

В прошлом году тоже было отлично. Мы доехали до моря. Мы отыскали Артек, а в Артеке – сестренку Лиду в смешных шортах и с пионерским галстуком. Мы ехали по страшным кривым и узким дорогам в горах, мы жили под Севастополем, как какие-нибудь скифы или сарматы... А в этом году мы едем по дорогам войны...

Вот проезжаем Вязьму. Где-то тут, в лесах, притаилась деревенька Внуково. Папа родился там... Он рассказывает, как немцы угоняли молодых парней и девчонок в Германию... Как забрали старшего брата и как ему удалось бежать. Знакомый полицай отвернулся... Было папе лет десять.

Рассказы отца коротки, но оттого представляешь, дорисовываешь их сильнее, ярче.

А мама вспоминает, как она радовалась вместе с девчонками 22 июня, им казалось, что война – это праздник. А взрослые, в только что отстроенной кирпичной школе, уверяли: война – месяца на четыре. Чего там... В маминой семье воевали три старших брата. В папиной – отец и братья Леонид и Василий. Оба погибли. И у мамы погибли двое старших, Женя под Ленинградом, Петя под Кенигсбергом. А мы ведь будем в Ленинграде, пойдем на Пискаревское кладбище, мы почти доедем до Кенигсберга... И мы уже проехали Вязьму.

Мы с Лидой уже многое знаем, но слушаем, задаем вопросы, уточня-

ем и как-то по-новому, более остро и ясно, осознаем: наши папа и мама совсем маленькими детьми были под немцами, были в оккупации. Оккупация – какое противное, злое слово...

И удивительно вот еще понимать, что кругом война, бомбежки, голод и подвиги, а люди успевают любить, ссориться, рассставаться...

Мама с семьей старшего брата, Левы, уезжала в геодезическую экспедицию на восток, за Урал, а оказалась вдруг... в Краснодаре... А почему? Брат манин расстался с женой, и она решила с детьми ехать на родину, на Кубань... Ехали месяц. А через несколько дней на Кубань пришли фашисты...

И наш старенький дом в Подмосковье остался пустым... Фронт. Эвакуация. Труд в осажденной Москве. Наша большая семья разошлась в разные стороны и уже никогда больше не собралась вместе.

Запоминаются детали. Фраза в письме бабушки: «...У нас все хорошо, только Женя погиб на войне...», присыпанный брату свежий подворотничок, брат сумел завернуть на денежек домой, пока эшелон формировали, кожаная планшетка, которая хранился у нас, коричневая, потертая... Все это так ярко, отчетливо, что звук летящего в небе самолета пугает. Знаешь, что кругом мир, что самолет этот наш, а вздрагиваешь и с тревогой глядишь ему вслед.

Брат Сергей, вспоминает мама, вернулся домой инвалидом. Молодой мужчина, а весил сорок восемь килограммов. Дядю Сережу вывезли после ранения по Дороге жизни, по льду Ладоги, он защищал Ленинград, служил в морской пехоте. А до этого он прошел финскую, чуть не был расстрелян какими-то диверсантами в Таллине, свои вовремя подоспели.

И в знаменитом таллинском переходе его корабль бомбили немецкие летчики. И он с обгорелым лицом почти сутки плывал в ледяной воде Финского залива. Подобрал его наш катер, и потом уже была героическая оборона Ленинграда.

Дядя Сережа иногда приезжает к нам в гости. И я видел шрамы на его теле...

Мы едем по дорогам войны. Как все это было недавно, какие-то тридцать-тридцать пять лет назад... И Таллин мне полюбить трудно. Конечно, мама ведет бортовой дневничок. Вот некоторые записи...

«Заправляемся под Смоленском. 20 литров 76-го бензина стоит 1 рубль 50 копеек.

В Смоленске очень красив издали Успенский собор. Вблизи видно, что пора делать ремонт. Внутрь мы не попали. Построен в честь победы над поляками в 1609–1611 годах.

Обед готовим на «Шмеле». Работает быстро...

Сегодня посетили Курган Славы под Минском. Наверное, такого Кургана нет нигде в нашей стране – такого большого и величественного. Потом поехали на Хатынь. Мы были там под вечер, тихо-тихо кругом, и только сумеречный звон колоколов и колокольчиков... Мурашки.

В Минске нам говорят: «Извините, мяса нет, одна говядина...»

8000 роз прислано в Брестскую крепость из Польши. Они тут растут и символизируют погибших защитников крепости. Кемпинг. Много иностранцев.

Дороги в Литве лучше, чем в Белоруссии. И на обочине чисто...

Саласпилс – здесь был лагерь смерти. Мемориальный музей. Бетонная глыба над входом, кажется, что вот-вот упадет и раздавит тебя...

В Таллине нет указателей на русском языке, только на эстонском. Немножко заблудились, но с помощью шофера нашли площадь Виру. Православный храм Александра Невского. Помидоры по рубль восемьдесят... С экскурсиями здесь плохо. В Риге прожили неделю. Жарко! Купались... Дюны.

Плакат: Псков приветствует дисциплинированных водителей!

В селе Петровском построен дом Ганнибала, но музея еще нет. Хотели туда съездить, но кончилась хорошая дорога, а по щебенке трястись не хотелось.

В Ленинград приехали в семь утра. Кажется, здесь совсем не соблюдают правила движения...

В городе смог, он ест глаза. Экскурсия на катере. Экскурсия по городу. Эрмитаж. Петропавлов-

ская крепость. Музей Пушкина на Мойке. Русский музей. Исаакиевский собор и Александро-Невская лавра. Это за пять дней. Жили в общежитии ленинградского речного порта.

На Москву дорога номер 10. В Тосно – заправка – 30 литров.

Около Новгорода – объезд, дорога очень хорошая.

В 20.25 – дома! За последний день проехали 721 км, в пути 13,5 часов. Ребята так хотели домой, что даже отказались останавливаться на обед.

Всего проехали за 20 дней 4837 км, заправка в дороге 475 литров.

Израсходовано в пути:

118 рублей 39 копеек – питание, 174 рубля 49 копеек – прочее.

Всего – 292 рубля 88 копеек.

Из них:

Бензин – 11 рублей 50 копеек. Экскурсии, музеи – 15 рублей 42 копейки.

Хлеб – 7 рублей 64 копейки.

Книги, газеты – 2 рубля 55 копеек. Куры – 10 рублей 14 копеек.

Городской транспорт – 3 рубля 36 копеек.

Молоко – 2 рубля 54 копейки.

Обеды – 23 рубля 08 копеек.

Путеводители – 8 рублей 39 копеек.

Мороженое – 7 рублей 06 копеек.

...Опыт путешествия показал, что лучше всего готовить самим. Не надеяться на общественное питание. Дешевле и сытнее!»

* * *

Сколько нас повозил-покатал «Москвич-408»...

И на юг, и на запад, и на восток, и на север... А уж Подмосковье... А уж «Золотое кольцо»... Только в Ясную Поляну приезжали раза четыре... Путешествия для нашей семьи были нормой. Мы к ним готовились и ждали.

Пятнадцать лет в пути. Без аварий. Без обещаний с ГАИ. Без поломок и проколов в правах. Пятнадцать счастливых лет – вместе.

Тем временем двор наш потихоньку наполнялся и наполнялся машинами, и теперь уж никто из их владельцев и не вспомнит, как ни проси, пионера здешнего личного автомобильного транспорта. ●